

БЫТЪ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ VII.

I. СЯТЕН.

II. МАСЛЯНИЦА.

Соч. А. Перещенки.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МИНИСТЕРСТВА ВЪНТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 12 февраля 1846 года.

Ценсоръ Н. Неадовскій.

СОДЕРЖАНІЕ

VII ЧАСТИ.

I. СВЯТКИ.

I. СВАТОЧНЫЕ ОВРАДЫ. II. СВАТОЧНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ. III. СВАТОЧНЫЯ ГАДАНІА И НКРІРЯЖИВАНІА.

I. Святочныя оврады.— Вступленіе.— Празднество въ честь зимняго поворота.— Готскія игры, перешедшія въ святочныя.— Суевѣрныя отправленія.— Календы.— Праздникъ вольности, дураковъ и ословъ.— Значеніе роговъ.— Стремленіе уничтожить календскія потѣхи.— Коляда.— Коляда у Словаковъ.— Коляда у Богемцевъ и Моравовъ.— Бѣдай въ Кроаціи и Далмаціи.— Крачунъ у Корпато-россовъ.— Полажайникъ въ Герцоговинѣ.— Бадній день у Черногорцевъ.— Коляда въ Польшѣ и Галиціи.— Коляда въ черной и червонной Россіи.— Коляда въ Россіи.— Католическія лепешки и печенны изъ тѣста изображенія.— Остатокъ язычества и примѣты.— Васильевская и крещенская коляда.— Значеніе Богоуленской воды.— Славленіе Христа.— Мѣстное славленіе и колядки.— Колядованіе малороссійское.— Щедривки.— Елка.— Вообще о новомъ годѣ.— Старинный гражданскій годъ съ 1 сентября.— Встрѣча новаго года въ первое сентября.— Новый годъ съ 1700 г., генваря перваго.— Обрядныя дѣйствія въ новый годъ между Славянами.— Посыпаніе на новый годъ.— Овсень, старинный русскій посыпальный обрядъ и разныя названія его.— Заключеніе о новомъ годѣ.—

II. Святочныя увеселенія. — Значеніе святокъ у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ. — Значеніе святокъ у Русскихъ. — Время празднованія святокъ. — Предметъ святочныхъ забавъ. — Древность славянскихъ гаданій и чародѣйство. — Приглашеніе на святки. — Пріѣздъ дѣвушекъ. — Угощеніе. — Вставаніе дѣвушекъ. — Гостинцы. — Препровожденіе времени. — Гости. — Пѣніе славы. — Замужство съ ровнымъ. — Дѣвичье прошеніе. — Исполненіе желанія. — Замужство. — Замужство съ милымъ. — Суженый. — Исканіе боярышни. — Отрокъ съ отрочицею. — Подчиваніе. — Исполненіе желанія. — Отъѣздъ. — Будущая прибыль. — Богатство. — Замужство изъ-за денегъ. — Замужство съ дворяниномъ. — Замужство съ чиновнымъ. — Свадьба. — Дѣвушкамъ замужство, а холостымъ женитьба. — Замужство съ богатымъ. — Несчастіе. — Великое богатство и счастье. — Забавы и разставанія. — III. Святочныя гаданія и перераживанія. — Подблюдное гаданіе. — Золото хоронить. — Мѣстное отправленіе святочныхъ вечеровъ. — Смотрѣть въ зеркало. — Спрашиваніе чужаго имени. — Слушаніе подъ чужимъ окномъ и на перекресткѣ. — Слушаніе подъ своимъ окномъ. — Бѣлое полотенце предъ окномъ. — Смотрѣніе въ окно, во время ужина. — Церковное пѣніе. — Выдернутое дерево изъ полѣницы. — Полоть снѣгъ. — Гаданіе курицами и пѣтухами. — Курица и пѣтухъ. — Бросаніе башмаковъ. — Хрюканье. — Лошадь. — Примѣты у мѣльницы, гумна и анбара. — Снопъ. — Хлѣбные сусѣки (засѣки). — Луканье. — Снѣжные знаки. — Примѣты шапочныя. — Примѣты по ложкамъ. — Примѣты по хлѣбнымъ фигурамъ. — Печеные хлѣбцы. — Сученая нитка. — Примѣта по скрипу дерева и столба. — Примѣта по скрипу вереи. — Гаданіе на кожѣ и шкурѣ. — Чесаніе волосъ. — Четъ и нечетъ. — Бумажные шарики. — Молодой вдовецъ. — Счетъ колевъ, или, замужъ, — вѣтъ. — Волъ и баранъ. — Овцы. — Пуганіе воробьевъ. — Объ узнавѣи впередъ своей участи. — Березовая лучина. — Узнаніе имени жениха. — Яичный бѣлокъ. — Клопоченіе воды. — Кольцо, кусокъ хлѣба и пукъ соломы. — Перстень, хлѣбъ, щетка и табакъ. — Кусочки хлѣба въ окнѣ. — Доманіе косточки, называемой дуга. — Соломинка. — Игры. —

Бобы. — Рыпето. — Косейная гуша. — Гадавіе на картахъ. — Четыре карточныхъ короля. — Три прутика изъ вѣтника. — Сниманіе сапога. — Луковица съ солью. — Три ангела. — Бросаніе монеты въ воду. — Кольцо въ водѣ. — Башмаки съ золой. — Кудель съ пряжею. — Суженый съ водою. — Мостикъ изъ прутиковъ. — Квашня. — Загадываніе предъ воскресеньемъ. — Литье изъ разныхъ веществъ. — Сженіе бумаги. — Цвѣтокъ изъ подвѣчнаго убора. — Снотолкованіе. — Переходъ отъ взрваній къ гаданіямъ. — Происхожденіе переряживанія. — Опрежденіе стоглава: объ искорененіи богопротивныхъ и безнравственныхъ обыкновеній. — Окрутанки и опричники. — Переряживаніе.

II. МАСЛЯНИЦА.

Разгульные дни, общіе всѣмъ народамъ. — Карнавалъ. — Названіе масляницы. — Отправленіе масляницы. — Маскарадъ и санное катанье, данное Петромъ I. — Разное отправленіе масляницы. — Суевѣрные замѣчанія. — Банные проводы.

I. СВАТКИ.

I. СВАТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ. II. СВАТОЧНЫЯ УВЕСЕЛЕНИЯ. III. СВАТОЧНЫЯ ГАДАНИЯ И ПЕРЕОБЯЖИВАНИЯ.

I. СВАТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ.

Никакой народъ не представляетъ намъ *Вступле-*
столько забавъ, на Рождественскіе праздни-*ше.*
ки, какъ нашъ Русской, который, благодаря
Богу! еще не очужеземился. Дотогѣ онъ бу-
детъ своимъ, доколѣ будетъ одушевленъ на-
роднымъ чувствомъ.

Нѣкоторые мнимые просвѣтители наши,
постоянно трубятъ о распространеніи народ-
ности, а между тѣмъ вводятъ иностранное;
умы юношей напиваютъ противнымъ и на-
шему воспитанію и нашимъ правамъ. Въ вы-
соконарныхъ своихъ выраженіяхъ, они даже
не стыдятся присвоивать незаслуженную имъ
честь, тогда какъ она принадлежитъ развитію
вѣка и потребности государства.

Нашъ народъ, вѣрный своей землѣ, берегъ еще обычай своихъ предковъ; онъ вспоминаетъ объ нихъ съ простосердечно-неподдѣльной радостью; онъ одинъ, среди многихъ превратностей своей судьбы, сохранилъ прежнюю свою веселость и склонность къ забавамъ.

Изъ разнообразныхъ его увеселеній, въ коиъ онъ познается, это суть святки, доставляющія всѣмъ сословіямъ истинное наслажденіе. Не только дворянство, живущее въ городахъ и деревняхъ, но даже столичные жители любятъ предаваться святочнымъ удовольствіямъ. Разнообразныя въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ представляютъ пространное поле для всѣхъ родовъ забавъ и увеселеній.

Празднество въ честь зимняго поворота.

Восточные народы соблюдали строго приношеніе жертвъ солнцу, въ честь зимняго его поворота, который совпадалъ съ нашимъ декабрскимъ мѣсяцемъ.—Въ Египтѣ праздновали его въ память Изиды (богини земли и луны), Озириса (бога солнца), и Ора (бога звѣздъ).—Тамъ постылись за три дни до торжественныхъ обрядовъ, и наканунѣ праздника звали ночью громогласно, въ печальныхъ пѣсняхъ, потеряннаго Озириса. На другой день молились и приносили жертвы, а потомъ начинали радостнымъ

забавы: пѣли, плясали и гадали о будущей своей судьбѣ.

При Константинопольскомъ дворѣ употреб- Готескія
игры, пере-
шедшія въ
святочныя.
лялись еще въ V вѣкѣ, готескія игры, имѣющія
связь съ святочными забавами. На Рождество
Христово являлись ко двору наряженные, ко-
торые бѣгали, плясали и пѣли подѣ музыку
пѣсни.—Вельможи и чиновники, пожелавъ мно-
голѣтія Императору, пѣли: *Два дня Пресу-
щественнаго раждаетъ.*

У Скандинавскихъ и Германскихъ пле- Сувѣрный
отправле-
нія.
менъ, отправлялись на Р. X. готескія иг-
ры, подѣ другими названіями. — Въ Саксо-
ніи онѣ извѣстны подѣ именемъ *Руперто-
выхъ* служъ. Въ продолженіи 12 дней Рож-
дства Христова, они одѣвались въ звѣри-
ныя шкуры, натирали лице сажею, украша-
ли голову рогами, во ртѣ носили раскален-
ные уголья, и бѣгали по улицамъ съ крикомъ,
пѣніемъ, и плясали подѣ музыку. Въ другихъ
мѣстахъ проводили канунъ Р. X., въ чув-
ственномъ пресыщеніи и пѣніи стыдливыхъ
пѣсень.

Въ Скандинавіи святки извѣстны подѣ име-
немъ *Юуль* или *Юль* (Juul et Jol), а въ скан-
динавскихъ сагахъ уже говорится о іолевыхъ
дняхъ. Въ Норвегіи онѣ праздновался зимою,
въ честь Тора, а въ Давіи въ честь Одина.

★

Празднество продолжалось три недѣли: первые три дня проводили въ благотвореніяхъ; а послѣдніе въ пиршествахъ и веселіи. Въ празднество Юуль или Іоуль убивали, въ присутствіи короля, въ честь Фрейера (солнца), большого кабана, и всѣ подданные, положивъ на него руки, клялись въ ненарушимои вѣрности. Потомъ предавались веселію: плясали, играли, пѣли и ѣли. Повынѣ закалываютъ тамъ свиней и пекутъ пироги, въ видѣ этихъ животныхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, быють также на Рождественскіе праздники свиней и пекутъ пироги; убитаго кабана окропляютъ водой, окуриваютъ и обрызгиваютъ огонь кровью, на коемъ обжигали его. Это дѣлають въ томъ предубѣжденіи, чтобы нечистая сила не ходила по скотнымъ хлѣвамъ, наканунѣ Рождества Христова, и не портила бы ихъ домашній скоть.

Во всей Европѣ канунъ Рождества Христова, и первый день Рождества Христова, сопровождался суевѣрными замѣчаніями. Въ Сѣверной Германіи долго праздновали Фалліи, какъ Юуль въ Скандинавіи, теперь же замѣнили ихъ играми, пѣніемъ и гаданіемъ.

Тамъ существуетъ повѣрье, что на канунѣ Рождества Христова говорятъ скоты. — Про-

стой же народъ любитъ наряжаться въ Рождественскіе дни, и посылать своимъ знакомыхъ.

Въ Голландіи былъ обычай, что сторожъ, восемь дней до Р. Х., и восемь дней по Р. Х., возвѣщая по утру о пробитіи часовъ, совѣтовалъ жителямъ ѣсть кашу съ изюмомъ и медомъ.

Въ Англіи играютъ и поютъ по улицамъ, нѣсколько ночей сряду. Объ Рождествѣ Христовомъ кланяются яблонямъ, чтобы родилось много яблокъ, или совершаютъ обходы по садамъ, и кланяются одному какому нибудь дереву; потомъ орошаютъ его яблочнымъ сокомъ. Приготавливаютъ еще особые толстыя свѣчи, которыя горятъ всю ночь, и если погаснутъ при горѣніи, то предзнаменуютъ великое несчастье.

Въ Сѣверной Шотландіи лавочники дарятъ покупателямъ *Юлсые свѣчи*, которыя зажигаются на всю ночь, съ тѣми же примѣтами, какъ въ Англіи, только оставшіеся огарки берегутъ для предохраненія своего отъ разныхъ недуговъ. Въ другихъ же мѣстахъ замѣчаютъ, кто первый отворитъ дверь, въ праздники *Іоля* и *Юля*, тотъ будетъ счастливъ во весь годъ. Существуетъ еще повѣрье, что если войти во время полночи въ хлѣвъ, то найдешь весь околъ на козлахъ. Многіе увѣрены, что въ

это время ичелы поють въ ульяхъ. Тоже самое думаютъ въ Малороссіи.

Женщины не оставляютъ вечеромъ кудели на пряхкахъ, чтобы дьяволъ не съѣлъ прясть вмѣсто ихъ. Такое повѣрье господствуетъ во всей Западной Россіи, гдѣ еще думаютъ, что если не допрядутъ кудели, то она будетъ ходить за ними. Дѣвушки такъ настрашены этимъ, что отъ души вѣрятъ, что кудель пойдетъ за ними въ церковь во время ихъ вѣнчанія, дабы показать мужьямъ: какія онѣ лѣнтяйки и лежни. Останутся ли нити на мотовилѣ, то не снимаютъ ихъ, а перерѣзываютъ.

Въ Англіи кто нибудь изъ домашнихъ, долженъ встать ранѣе прочихъ, и заняться печеніемъ пироговъ на лѣпкахъ, для каждаго въ семействѣ по пирогу. Чей пирогъ разлѣзится во время печенія, или развалится, тому не дожить до будущаго праздника. Приготовленные пироги вѣдутъ въ постели. Въ старину первое блюдо, у каждаго Англичанина, состояло изъ кабаньей головы на укусѣ; въ пасти кабана торчалъ лимонъ. У насъ въ Руси было непремѣннымъ кушаньемъ, въ Рождество Христово, начиненный поросенокъ кашею или кабанья голова съ хрѣномъ. Датскіе мужики доселѣ дѣлаютъ изъ тѣста кабановъ, ставятъ ихъ на столъ съ прочими кушаньями и не тро-

гаютъ во весь Рождественскій праздникъ, полагая, что отъ этого зависитъ благополучіе цѣлаго дома.

Нѣтъ въ Европѣ мѣста, гдѣ бы не было предъ Рождественскимъ днемъ своихъ примѣтъ, и если онѣ нынѣ не такъ рѣзко бросаются въ глаза, то это зависитъ отъ образованности народа.

Многія жертвоприношенія у Римлянъ, *Календы*, образовали гражданскіе праздники; въ числѣ ихъ появились Календы, которыя такъ сильно вкоренились въ народѣ, что Константинъ Великій не могъ истребить ихъ. Церковь Христіанская, стараясь замѣнить суевѣрный обычай празднованія Мирры или Митры (декабря 24 и 25 дня), которой поклонялись подъ именемъ Вру-Малій (солнца), и этотъ обычай совпадалъ съ декабрскимъ Рождественскимъ праздникомъ.—Церковь учредила празднованіе декабря 24, въ воспоминаніе предшествовавшаго торжества Рожденію Спасителя міра.

Кромѣ декабрскихъ календъ, были январскія, совершавшіяся почти также какъ и декабрскія: во время этихъ дней, производили забавы и гаданія. Въ эти дни никто не подавалъ постороннему огня, и никому изъ домашнихъ не дозволялось выносить его изъ дому, въ томъ

миѣній, что невидимые духи ищутъ повсюду огня, для сожженія домовъ.

Изъ календскихъ празднованій образовались, подъ разными названіями, народныя забавы, въ коихъ участвовало самое духовенство.

*Праздникъ
вольности,
дураковъ и
ословъ.*

Въ Римско-Католической церкви существовало празднество, подъ именемъ декабрьской вольности (*libertas decembrica*): она позволяла епископамъ и всему духовенству пировать, плясать и бѣгать въ личинахъ (маскахъ). Во Франціи долгое время совершался праздникъ дураковъ, который приходился въ иныхъ мѣстахъ въ день Обрѣзанія Господня, въ другихъ въ день Богоявленія, а въ иныхъ въ день избіенія младенцевъ. Онъ состоялъ въ томъ, что духовенство, избравъ изъ среди себя папу, архіепископа и епископа, провожало ихъ съ великолѣпіемъ въ церковь. Избраннаго папу, называли папою дураковъ. Во время священнодѣйствія, они плясали въ женскихъ шутовскихъ одеждахъ; надѣвали на себя личины страшныя, облекались въ шкуры звѣрей; пѣли постыдныя пѣсни, бѣли на алтарѣ жирную массу (*offa pinguis*), скакали и бѣгали въ изступленіи по храмамъ, играли на алтарѣ въ шашки, жгли вѣсто ладакъ кошу изъ старыхъ своихъ башмаковъ, совершали непристойныя

тѣлодвиженія и кривлянья. Неуваженіе къ напѣ, было поводомъ къ учрежденію этого праздника. Парижскій соборъ два раза запрещалъ такое безчинство (1212 и 1444 гг.), но никакъ не могъ, пока просвѣщеніе не смягчило нравы, что продолжалось до XVI вѣка. Петръ I, выставляя всенародно злоупотребленія духовенства, въ наряживаніи и потѣхахъ, хотѣлъ вдругъ истребить слѣпую къ нему преданность. Великій Монаръхъ любилъ истину.

Не менѣе гнусный праздникъ, это праздникъ ословъ, учрежденный въ воспоминаніе бѣгства Божіей Матери въ Египетъ. Избирали прекрасную молодую дѣвушку, сажали ее на богато убраннаго осла, давъ въ руки младенца: дѣвушка представляла Богородицу, а младенецъ Христа. Окруженная епископомъ и всѣмъ духовенствомъ, ова ѣздила отъ одной церкви къ другой, вѣзжала въ храмъ на осла и останавливалась у алтаря, — тогда начиналась служба. Пѣли: *Introit, Kyrie, Gloria и Credo*; послѣ оканчивали ослинымъ ржаніемъ и читали похвалу ослинымъ достоинствамъ, оканчивая каждую строку этими стихами: *Et sire ane! ça chantez belle bouche, rechignez. Vous aurez du foin assez et de l'avoine à planter.*—Потомъ преклоняли колѣна съ произне-

сеніемъ: аминь, аминь! Въмѣсто словъ: *ita missa est*, священникъ ржалъ по ослиному три раза, а за нимъ всѣ повторяли: *игого! игого!* *.

Въ Рождественскіе праздники становили столы съ кушаньями, которыя не снимали цѣлую ночь, думая, что этимъ способомъ могутъ умиловить злыхъ духовъ, и что цѣлый годъ будетъ изобиліе въ ихъ домѣ; бѣгали въ двѣ чинахъ и плясали, представляли, по словамъ Блаженнаго Августина, оленей съ рогами, и тѣмъ самымъ осмѣивали невѣрность супружеской любви, ибо роги означаютъ прелюбодѣяніе.

Значеніе ро-
говъ.

Извѣстно, что Греки и Римляне изображали супружескую невѣрность рогами; ихъ имѣли не только смертные, но самые боги. — Юпитеръ называется *рогатымъ любовникомъ*, потому что онъ похитилъ Европу въ видѣ быка, и предавался чувственному удовольствію подъ разными образами. Венера приставила рога Вулкану, — потому еще въ древности вошло въ пословицу: *ставитъ рога, дѣлать рога*, и всегда относилось къ женамъ, ставившимъ рога своимъ мужьямъ. — Тоже самое разумѣется и нынѣ. — Не мужской полъ

* Болтинъ: Примѣч. на Деклерца, ч. I. с. 169—171.

сдѣлался первымъ нарушителемъ вѣрности, а прекрасный полъ, въ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣческаго рода и всѣ дѣянія богинь.—Преступившихъ вѣрность, наказывали Греки и Римляне, извѣстную часть тѣла, не розгами, а рѣдкою *.

Языческо-Римскій міръ считалъ календы первыми числами каждаго мѣсяца, и если Христіанскіе проповѣдники старались уничтожить календскіе праздники, то это отъ того, что суевѣрный народъ, смѣшавъ ихъ съ церковными праздниками, отправлялъ ихъ за одно. Довынѣ видимъ повсюду остатки языческихъ обыкновеній, совершаемыхъ наканунѣ Рождества Христова и на святкахъ. Восточные Императоры: Константинъ Великій и Валентіанъ IV (конца IV. в.), строго повелѣвали наблюдать праздничные дни, не смѣшивая ихъ съ календами. Каждому Христіанину было вмѣнено въ священную обязанность знать Рождество Христово, Богоявленіе Господне и Пасху. Константину Великому стоило великихъ усилій и трудовъ, чтобы заставить гордый Римъ, ниспровергать свои кумиры. Перенесеніе сто-

*Стремленіе уничтожить календскія по-
тѣхи.*

* Cattul: podici moechorum injici solebat rapanus vel mugil.—Въ Дельфійскомъ храмѣ такъ уважали рѣдку, что говорили: rapanus ex auro, beta ex argento, garum ex plumba.

лицы въ Византію, побѣдило упорный духъ язычниковъ; но протекали съ того времени столѣтія, а Европа еще блуждала въ хаосъ повѣрій.

Коляда.

Наша Коляда, которую несправедливо производятъ отъ сходства съ Римскимъ празднествомъ *Календе* (*Kalendæ*), совершалась и нынѣ совершается наканунѣ Р. Х. и въ Рождественскіе праздники. Отъ чего происходитъ *коляда*? и что она значитъ?

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думаютъ, что Русскіе язычники славили *Коляду*, бога торжествъ и мира, и что въ Кіевѣ стоялъ ему кумиръ *. Ни бога мира и торжествъ, ни идола въ Кіевѣ, никогда не было, и всѣ наши святочные забавы ничего не имѣютъ общаго съ праздникомъ Римскаго Януса, бога мира.

Ближе всего можно думать, что Коляда произошла отъ Польскаго *Коленда*, значущаго поздравленіе.

Допустить можно, что Латинское слово *Календе*, усвоено Славянскими племенами, какъ это бываетъ со всякимъ языкомъ, но отнюдь

* Кар. И. Г. Р. т. 4. с. 94.; Чулковъ: Абес. Русск. суев.; Гизелъ Симпсонъ; Поповъ: Крат. опис. религій Славянъ; Кайсаровъ: Славянская и Россійская Мифологія; она же перевод. на Нѣмец. яз.

нельзя смѣшивать Календскія празднества съ нашими Колядскими обрядами *.

Колядованье вошло въ обычай прежде на югѣ Россіи, а потомъ распространилось по всей Россіи, съ значительными измѣненіями.

* На всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, Коляда означаетъ поздравленіе; см. словари: Юнгманна, Бернолака и Вука Стефановича; у Словаковъ она означаетъ еще славленіе, а *колядовать*—славить. Кроаты, Босняки употребляютъ въ томъ же самомъ смыслѣ. Колларъ: Narodn. Zpiewanky, ч. I. с. 410, изд. Буд., 1834 г., производитъ *коляду* отъ Кرواتскаго слова *колдуиш*, нищій; *колдуинство*, бѣдность, *коледуемъ*, нищенствую. Онъ еще болѣе надмалъ ошибокъ, когда послѣдовалъ слѣпо неосновательному сочиненію Кайсарова, и ему подобнымъ. Линде, см. его словарь, несправедливо производить *коленду* отъ колыно-даванія. Вѣроятно хотѣлъ сказать отъ колыно-преклоненія. Его увлекъ стихъ, который поется въ западной церкви: collaudemus, collaudemus, Christem regem, и Греческое слово *коллаудо*, воспеваю, хвалю. Онъ нашелъ еще у Кроатовъ *koelda*, подарокъ, подносимый въ новый годъ. У Боснійцевъ онъ нашелъ календу, означающую пѣснь въ честь идола или на новый годъ; у Краинцевъ *коленду*, богиню цѣлтовъ. Потомъ онъ началъ выводить отъ Греческаго *такаландина*, Латинскаго *календалія*, *календы*, первые три числа каждого мѣсяца. — Такимъ словопроизводствомъ онъ ничего не доказалъ, а только затемнилъ и заставилъ насъ думать, что онъ производилъ по произволу, что было созвучно съ колядою. По извѣстію Валласора, *коленда* значитъ у Далматовъ тоже самое, что Ивановъ день. Нѣкоторые производили *коляду* отъ Индѣйскаго слова *кали*, часть, зачатокъ; другіе отъ *колына* и преклоненія колына предъ изображеніемъ Креста. Г. Гнѣдичъ, см. его введеніе къ новогреческимъ пѣніямъ, рѣшился произвести *коляду* отъ *коладисъ* (*холодѣисъ*), каши, потому что изъ кашокъ дѣлаются комбасы и раздаются въ Малороссіи и Россіи тѣмъ, которые

Ничего нѣтъ похожего у нашихъ колядованій, съ празднествомъ восточныхъ народовъ: Египтянъ, Индѣйцевъ, Грековъ и Римлянъ *. Въ которое время появились колядованія на югѣ, и когда перешли отсюда на сѣверъ Россіи? — вовсе ничего неизвѣстно. — Никакихъ не осталось памятниковъ, ни историческихъ воспоми-

ходить поздравлять на Рождество Христово. Многіе стали утверждать еще, что правильнѣе произвестъ отъ *коло*, по сходству съ греческимъ *киклось*, колесо, и отъ *килио*, *ка-милио*, катаю,—основываясь на томъ, что годъ обращался въ это время колесомъ? —

Когда многимъ понравилось слово *коло*, тогда начали доказывать, что окончаніе его *ада*, *еда*, произвело *коладу*, *коледу*. Окончаніе же *ада* и *еда* объяснили обходомъ, торжественнымъ вокругъ хожденіемъ, сопровождаемымъ пѣніемъ и поздравленіемъ, а напослѣдокъ заключили, что все это означаетъ *собраніе* !! Не довольствуясь этимъ, вывели слѣдствіе: что всѣ слова, какъ напримѣръ: *грома-ада*, *мокри-ада*, *бесѣ-да*, *сере-да*, имѣютъ окончанія и значенія Латинскія, а начала Славянскія !!! Этимъ бы слѣдовало кончить толкованіе, но словопроизводители противурѣча самимъ себя, сознались наконецъ, что они сами не знаютъ: отъ чего происходитъ *колада*, а думаютъ, что она сначала была народный обычай, потомъ обратилась въ божество и въ честь его составили молитвы. — Колларъ: *Narodn. Zpiew.* с. 409—411.

Послѣ многихъ словопроизводствъ, увидѣли еще, что *коледы*, *коледуемъ* и *коледованіе*, близко съ *коддованіемъ*. Снегир. Русск. прост. праздн. и проч. вып. II. с. 28. — Словопроизводителямъ не доставало вывести *коладу*, отъ американскаго танца *календы*. Roberts: *Hist. of. America.* кн. IV. с. 128, изд. 1828 г.

* Успенск. Опытъ о древн. Русск. с. 417.

наній. — Если бы коляда праздновалась во время лѣтописца Нестора, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ упомянулъ бы объ ней въ своей лѣтописи. Даже ни въ продолжителяхъ его лѣтописи, ни въ другихъ лѣтописяхъ, до половины XVI в., не встрѣчаемъ названія коляды. Это доказываетъ, что коляда отнюдь не была божество; но составляла однѣ народныя увеселенія. Если Польскій лѣтописецъ Стрыйковскій говоритъ о богѣ колядѣ, то онъ самъ его выдумалъ, потому что до него (жившаго въ концѣ XVI в.), мы нигдѣ не встрѣчаемъ даже названія. Архимандр. Кіево-Печер. Лавры, Иннокентій Гизель, повѣрилъ ему, а другіе, какъ-то: Глинка, Кайсаровъ, Поповъ, Чулковъ не только списывали съ него слово въ слово, но выдумали такое число новыхъ боговъ и богинь, что ввели въ заблужденіе знаменитаго Исторіографа Русской Исторіи.

Многіе стали искать значенія коляды у языческихъ праздниковъ, и оказалось, что она не соотвѣтствуетъ нашему празднеству. Писали большія по сему предмету разсужденія, и внесли новыя погрѣшности.

Пробѣжимъ предрождественскіе обычаи *Коляда у Славянъ, совершаемыхъ подѣ разными назва-* *Словаковъ.*
ніями.

Коляда у Словаковъ, обратившаяся въ церковный обрядъ, составляетъ поздравленіе на Рождество Христово и новый годъ. Священникъ съ своимъ причетомъ, и мальчики, ходятъ по городамъ и деревнямъ поздравлять на новый годъ, хозяиновъ домовъ, и поютъ: *Рокъ новъ за се къ намъ пришелъ*. Одинъ изъ поющихъ носитъ на плечахъ мѣшокъ, для собиранія подарковъ. Мущины дарятъ ихъ деньгами, хлѣбнымъ зерномъ, овощами, калачами; женщины полотномъ и нитками. Пѣсни, обыкновенно духовнаго содержанія, поются подъ открытымъ небомъ.

Добре е князюви,

Кедъ приде рокъ новы:

Иде на коледу,

А ветры бѣду.

Але у ректора,

Празна е комора.

По ректоръ выбласы,

Ректорка выласы.

У тѣхъ же самыхъ Словаковъ, мальчики, дѣвицы, женщины, молодые мущины, а иногда пожилые, собираются вмѣстѣ, и какъ довольно смеркнетъ, идутъ пѣть щедрый вечеръ (*štrdzy wěeer*), который иными празднуется довольно роскошно. Иногда ходятъ по улицамъ по нѣсколько вмѣстѣ, а иногда толпою, и поютъ громкимъ голосомъ пѣсни, въ честь свя-

того вечера или новаго года. — По окончаніи нѣсней, получаютъ въ награду калачи, деньги и тому подобное. Если коющимъ не даютъ долго, то они говорятъ:

Отбавте ма, озяба ма,
(Отпустите, я озябъ),
Прінде вѣторъ ухитима ми;
(Налетитъ вѣтеръ, обхватитъ меня);
Акъ ми немати цо дати,
(Если не знаете что дать),
Нехъ васъ Панъ Богъ обогати.
(Пусть обогатитъ васъ Богъ).

У Венгерскихъ Словаковъ ходятъ съ деревяннымъ ужемъ, которой сжимается и раздвигается по произволу; пасть его красная, на лбу корона изъ позолоченной бумаги. Нынѣшніе Греки ходятъ и теперь, какъ во времена Гомера, съ ласточкою, и поютъ пѣсни, совершенно подобныя нашимъ Колядскимъ.

Вотъ еще нѣкоторыя Словацкія колядки:

Боже мой, Боже мой,
Высокого неба!
Недай же мнѣ вѣсти,
Жобраного хлѣба!

Семь, семь крапей.
Семь цезарей.

Съ достоверностью поспѣхайте,
Вымецы ся му понижуите,

Господицу маленькому,...

Люда Спасителю. —

Я, быть съ хмие разъ,

Не пойде другій разъ:

Ле бо мѣ тягали,

За власы съ поваля. —

Боже мой, Боже мой!

Противъ меня опустилъ:

Волкъ мѣ жеу забылъ. —

Лесо му вонъ пустилъ. --

Пасли овцы веселы,

При Бетлемскомъ саласъ.

Анжелъ ся имъ оказавъ,

До Бетлема рассказавъ:

Станьте горъ и водъте,

Папа Христа найдете.

Найдете его въ вѣличкахъ,

Повишута въ плѣнчочкахъ,

Марія го колебе:

«Нини, нини, нинички,

«Спи, мой сыну малечкій (*)».

*Коляда у
Босемцевъ
и Моравцевъ.*

Чехи и Моравы также ходятъ толпою на святой вечеръ, отъ дома къ дому, и поютъ коляду, за что получаютъ разные подарки. У Чеховъ извѣстны немногія колядскія пѣсни; представляемыя здѣсь, суть болѣе причитанія.

(*) Словацкія пѣсни. Харьк. 1832 г.

Колядницы о полуночи,
 По хчете у двора?
 Щедрого вечера!
 Пани стара поскочила,
 Коляды намъ дала.

Еще поютъ: а) По златымъ кулатымъ.

б) По гроши широкимъ (*).

У Славянъ задунайскихъ: Кроатовъ и Далматовъ, празднуютъ накануне Р. Х. *бѣдай*, у Карпато-Россовъ *крахунъ*, а у Герцеговинскихъ Славянъ *полажайники*.

Въ горахъ Кроаціи и Далмаціи празднуютъ, накануне Р. Х. *бѣдай*. У нѣкоторыхъ задунайскихъ Славянъ, накануне Р. Х. называется *бѣднѣмъ* или *баднѣмъ днемъ*, потому что въ тотъ вечеръ сожигаютъ истуканъ *бѣдай*. Поселяне отправляются въ лѣсъ рубить дубовые чурбаны, называемые *баднякомъ*, привозятъ домой и кладутъ нѣсколько ихъ въ печь, въ тотъ же день. Вносящіе *баднякъ* въ избу, приѣтствуютъ *дебаръ вечеръ и честитъ вамъ*

Бѣдай въ Кроаціи и Далмаціи.

(*) Эти пѣсни помѣщены у Челяковского: *Zbierze slow. rypnu.*—Къ колядскимъ пѣснямъ духовнаго содержанія, принадлежать: 1) Моѣъ божи давнѣ. 2) Кристусъ сынъ Божи. 3) Народилъ се Кристусъ Пани. 4) Іезу Кристе Пани милы. 5) Третьего дне.—*Kollar. Narodn. Zpiew. с. 7. и 409—414; Paul. Piesn. lud. polsk. w. Galicie.*—Жаль, что мы не можемъ сообщить вполнѣ снхъ пѣсней, потому что только это известно объ нихъ.

бадный день.—Ихъ осыпають зерновымъ хлѣбомъ и отвѣчаютъ: *дао ты Богъ сретный и честитый*.—(Дай Богъ тебѣ счастья и благословенья).

*Крачунъ у
Карпато-
Россовъ.*

Карпато - Россы совершаютъ, наканунѣ Р. Х. *Крачунъ*, который у нихъ есть покровитель домашнихъ животныхъ и птицъ. *Крачулъ* происходитъ отъ *кращу*, выдергиваю шерсть изъ животныхъ.

Домашнія животныя у Карпато - Россовъ, начинаютъ линять съ Р. Х., какъ въ Россіи, съ поворота солнца на лѣто, и это линянье известно подъ именемъ *искраканья*. Если редкимъ постомъ въ *искраканныя* животныя появляется новая шерсть, то это признакъ, что скоту занемочь, хозяину обѣдѣть, и думаютъ, что всему виной *Крачунъ*, который, истребляя животныя, караетъ вольнодумныхъ и негодяиныхъ хозяевъ. Лѣтомъ насылаетъ онъ на стада медвѣдей и волковъ. Для защиты отъ бѣдствій, хозяева даютъ пиръ Крачуну. До вечерней звѣзды ничего не ѣдятъ; цѣлый день готовятъ постныя и даже безрыбныя кушанья, до двадцати блюдъ, и разливаютъ по кружкамъ разныя напитки, для вечераго стола.

Изъ хлѣбныхъ яствъ занимаетъ главное мѣсто огромной величины бѣлый хлѣбъ съ

коркою, называемый *Крачуни* или *Крачуны*. Его сажают въ печь, около третьяго часу, и обставляють вокругъ калачами, подкалачами, калачиками и подкалачиками. — Когда начинается смеркаться, тогда приступаютъ къ принятію *Крачуна*. Отъ порога сѣней до главнаго стола, покрытаго полотномъ, устилають дорогу чистой соломою. — На столъ ставятъ большую миску, наполненную домашними овощами и хлѣбнымъ зерномъ; послѣ выносятъ приготовленные кушанья, убираютъ ими столъ, а въ срединѣ ихъ становится большой *Крачу*нь, окруженный мелкими *Крачунами*. Съ появленія звѣзды, возвѣщаютъ шествіе *Крачуна*. Если же за непогодой невидны звѣзды, то объявляютъ шествіе *Крачуна*, когда довольно смеркнется. — Двое почтительно выносятъ большой овсяный или ячменный снопокъ, и ставятъ его въ уголъ избы; прочіе встрѣчаютъ его осыпкою зерновымъ, хлѣбомъ изъ миски. Всѣ присутствующіе садятся, во время шествія *Крачуна*, за одинъ столъ, не исключая работниковъ, хотя бы это происходило въ домѣ господъ; ѣдятъ безъ чиновъ и оканчиваютъ пиръ шумной попойкою, которая заключается пистолетными выстрѣлами въ окошко, но честь стрѣлать, предоставляется преимущественно домо-

хозяину. Женскій полъ начинается потомъ та-
дать, а мальчики поютъ.

Около дачища,
Было лозище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

На ту лозище,
Вышла козище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Подъ ту лозище,
Пришовъ волчище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Его упища,
Якъ руковища.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Его жюстице,

Якъ поѣлище.

Рочкенде

Рочкенде, кенде,

Рочке—курееде.

Рочкекурееде,

Премееде.

Его зубища,

Якъ граблища.

Рочкенде

Рочкенде, кенде,

Рочке—курееде.

Рочкекурееде,

Премееде.

Цѣсьнъ оканчивается изгнаніемъ волка въ горы, а коза спасается;—

Наканунѣ Р. Х. привозятъ въ Герцоговинѣ *бадиакъ* (чурбанъ) шестью быками; возутъ его въ домъ, черезъ особо устроенныя ворота. Для кабыканія непріятныхъ предзнаменеваній, приглашаютъ въ домъ гостя, за нѣсколько дней до праздника, а нѣмцы имѣютъ постоянного своего гостя, которой называется *полажайникомъ*. — Онъ посѣщаетъ на Р. Х. домохозяевъ, которые по его дѣйствіямъ толкуютъ о счастьи и несчастіи, на цѣлой годъ.—*Полажайникъ*, поздравляя съ Р. Х., посыпаетъ избу зерновымъ хлѣбомъ, и говоритъ: *Христосъ се роди*. Ему от-

*Полажай-
никъ въ Гер-
цеговинѣ.*

вѣчаютъ: *ва истину се роди*, и едятъ его взаимно зерновымъ хлѣбомъ. Потомъ онъ беретъ кочергу, разбиваетъ головки догорающаго бадняка, чтобы летѣли отъ нихъ искры. При всякомъ ударѣ приговариваетъ: *оволико говеда, оволико коня, оволико коза, оволико овца, оволико кармака, оволико кощница, оволико сретья и напредки* (столько рогатаго скота, столько лошадей, столько козъ, столько овецъ, столько кабановъ, столько ульевъ, столько счастья и успѣха). Наконецъ разгребаетъ золу, и бросаетъ туда нѣсколько денегъ; изъ присутствующихъ бросаютъ также кто сколько можетъ. — Иные вѣшаютъ на своихъ воротахъ *повѣсмо* (связку льна). *Полажайника* сажаютъ, накрываютъ ему на плеча покрывало, чтобы у коровъ были густыя слезки и молоко, и подкармливаютъ его водкою и завтракомъ. — Нозавтракани онъ уходитъ домой, но послѣ обѣда опять возвращается сюда. — Тогда угощаютъ его до глубокой ночи. Когда уходитъ домой, тогда дарятъ его платкомъ, чулками или коноплянымъ платьемъ и калачемъ. (*)

*Бадній
данъ у Чер-
ногорцевъ.*

Калунъ Рождества Христова у Черногорцевъ называется *бадній данъ*, и север-

(*) Венел: Древн. и нынѣшніе Болгаре, и проч. т. II. с. 137—145; и собственныя замѣчанія, собранныя мною въ путешествіи оное Карпатъ-Росендъ горы.

шавется ~~постити~~ такъ же, какъ ~~поджигаютъ~~.
Послѣ священнаго заговора приводятъ изъ
лѣса, въ каждой домъ, чурбанъ, называемый
бадяжъ, украшенный вѣтками. Его кладутъ
на очагъ, льютъ на огонь масло и вино, бро-
саютъ потомъ горсть соли и муки. Когда за-
горится бадяжъ, зажимаютъ отъ него свѣчи и
лампаду предъ иконами, а главарь читаетъ мо-
литву: о благосостояніи семейства и всѣхъ
крестіанъ. Послѣ онъ беретъ кубокъ, отведы-
ваетъ вино, и передаетъ старшему; тотъ дру-
гому и такъ далѣе, пока кубокъ не обойдетъ
всѣхъ. За тѣмъ мужчины выходятъ на ближ-
нія горы, и при восклицаніяхъ: *Христосъ се
родитъ!* стрѣляютъ изъ орудій. Потомъ идутъ
домой, садятся за столъ, застланный соломой,
на немъ лежатъ три хлѣба, одинъ на дру-
гомъ, а въверху воткнута лавровая вѣтвь съ
апельсиномъ или яблочкомъ; предъ каждымъ изъ
мужчинъ, лежатъ изъ хлѣба лукъ со стрѣлою.

Первый посѣтителъ, въ первый день Рож-
дества Христована, служитъ предметомъ особыхъ
высказываній: если приходитъ прежде всѣхъ,
любимый человѣкъ; то онъ приносить въ домъ
оплату и благодареніе; если не добрый, то за-
нимъ воспоминаемое горе. Таковыя посѣтители
называются *полазники* и *полазайники*. По-
лазайникъ ставъ на табуретку изъ хлѣба,

и говорить: *Христосъ се роди*. Коемъ осыпаетъ его сѣмю зернами, и говорятъ: *во истину роди*. За тѣмъ слѣдуютъ взаимныя поздравленія и желанія. Послѣ полажайникъ подходитъ къ очагу, въ коемъ горитъ бадникъ, ударяетъ по немъ кочергою. За каждымъ ударомъ, когда сыплются искры, приговаривается: оволюко говеда, оволюко коза, оволюко овца, «оволоко кармака, оволюко кошница, оволюко сретья и напредки». Далѣе разгребаешь жаръ, и бросаетъ туда нѣсколько мелкихъ денегъ, а кто тароватѣе, тотъ червонецъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полажайники вѣшаютъ посылки. Какъ онъ сядетъ за столъ, ему вѣшаютъ на плеча коверъ, чтобы у коровъ были густыя сливки. Послѣ завтрака полажайникъ уходитъ, но по полудни опять приходитъ и получаетъ въ подарокъ платки, чулки, рубашки и непремѣнно калачъ. Но если къ бѣдному приходитъ богатый съ поздравленіемъ, то онъ приноситъ ему пищу и подарки. Предъ кушаньемъ всѣ молятся, держа въ рукахъ зажженные свѣчи. По совершеніи молитвы, всѣ дѣлуются, не исключая женщинъ, приговаривая: *миръ Божій! Христосъ се роди, во истину роди. Покланяймо се Христу и Христову рождествоу*.—Цѣлованіе у нихъ при семъ обрядѣ, означаетъ примиреніе и забвеніе всѣхъ обидъ. — Въ про-

долженіи восьми дней, не убирають со стола и не метутъ комнатъ (*).

Въ Польшѣ, Галиціи и Червонной Руси, *Коляда*
совершеніе колядскаго обряда, почти тоже *Польшѣ*
самое. — Въмѣсто древнихъ языческихъ пѣсней, *и Галиціи.*
поютъ весьма часто духовнаго содержанія.

Nasród dworu jawor stoi, — hej leluja!

Na jaworze słota rzesza, — hej leluja!

J przylecieli rajskie ptaszeta, — hej leluja!

J obtrzesli złote, złote rzesy, — hej leluja!

J wybiegła nadobna dziewczyna, — hej leluja!

J rozpuściła swój biały fartuszek, — hej leluja!

J rozbiła złote, złote rzesy, — hej leluja!

J skożyła do złotniczenka, — hej leluja!

«Złotniczenku, rzemiśnieceńku, — hej leluja!

«Ulij że mi złoty kubek, — hej leluja!

«Któż ci się będziec niego napiał? — hej leluja!

«Sam Pan Jezus z aniołami, — hej leluja!

«Nadobna dziewczyna z kawalerami, — hej leluja!

Коляда начинается на канунъ Рождества Христова, послѣ солнечнаго захода. Тогоже вечера поселяне устилаютъ, внутренность избъ, соломкою или сѣномъ; по угламъ ставятъ снопы; подъ образомъ и на столѣ, сѣномъ покрытымъ, кладутъ предъ каждымъ человекомъ

(*) Боричевскій: Пова. и пред. нар. Славянск. плем. ч. 2. с. 123—125, изд. 1841 г.; и собственные замѣчанія, записанныя мною въ близости у Карато-Россоетъ.

головку чесноку, для отогнания всѣхъ болѣзней. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладутъ на столъ, земледѣльческое орудіе отъ плуга, чтобы мыши и кроты не портили нивъ. Хозяинъ приглашаетъ всѣхъ домашнихъ къ столу, и угощаетъ ихъ напередъ водкою, потомъ ломаетъ коржи и желаетъ всѣмъ дожить новаго года. — Пшеничный хлѣбъ или калачи съ чернушкой (тминомъ), которые подаются по обычаю въ сей вечеръ, ѣдятъ съ особыми приправами, и никто не долженъ осуждать поданнаго на столъ угощенія. — После ужина выдвигаютъ нѣсколько колосьевъ изъ сноповъ, и ворожатъ ими на полетѣ. — Хозяинъ пересчитываетъ съ заботливостію: сколько полныхъ и неполныхъ въ снопѣ колосьевъ, и по нимъ предсказываетъ будущій урожай. — Того же вечера и на другой день, ходятъ поздравлять съ Р. Х., и носятъ съ собою изображеніе дель или звѣзды. Если колядуютъ предъ домою, гдѣ есть невѣсты, или колядчикамъ извѣстно, что дѣвушка скоро выйдетъ за мужъ, то поютъ:

A niedziele, rano,
Do dziewczyny jadą,
Niosą podarunki,
Złociste pierścionki.

По полученіи подарковъ, благодарятъ.

Bywaj że nam zdrowa
Nams kołęda dala;
Tobie wina beczka,
A nam kołedeczka.

Если поють въ честь двѣхъшекъ, и отъ
нихъ ничего не получаютъ, то приговариваютъ:

U naszych dzieweczek,
Dobry porządek:
Świnie u piecu rują,
Psy naszymie myją,
A tyszki pod ławą,
Zarosły murawą,
Krowy nie wydół,
Ogona się boż,
Izby nie zamiecie,
Koledy nie dają,
Wszystcy powtarzają. —

Къ богатой, но гордой госпожѣ.

Z ciebie bracia nie dostępujcie,
Do tego dworu szlacheckiego;
Bo w tym dworze grzeczna pani,
Na niej suknia bardzo droga:
Za sta złotych za czerwanych,
I za parę koni wronychi —

Въ честь домохозяевъ:

Dalej koledujmy chłopczeta!

Bo już koleda zaczęła.

Rok to tego czekać,

Aby nie narzekać.

By na zimną kuchnię nie dmuchać,

Państwo, gospodarstwo rozruchać,

Tak się nam rozchodzi.
Co za politykę wydzwiać,
Albo to dzwón wielki kiwać?
Cicho Stachu, nie wołaj,
Gospodarstwa nie gniewaj. —
Bo już niosą nam z banków koguta,
Będzie wnet wieczera suta.
Jest i butel miodu,
Nie zginiem od głodu.
Czuje ja gorzałkę w butelce:
Dogodziłbym sobie wiele.
Jak na fantazyję
Wypilbym z porcyję.
Ozwij ze się głodny Bartoszu,
Dostaniemy kołody po groszu.
O tam tę do smutka,
Ja myślał wsiose z dudka,
Oto kołędujemy póki czas służy,
Bo to tey kołody nie najdlużej.
Jak przyjdzie do Gromnię.
To powiedzą: nie data nic —

У католиковъ Gromnić, есть Сретеніе Господне, (февр. 2), послѣ коего перестаютъ коладовать.—Въ Бѣлоруссин и Литвѣ понынѣ Gromnić, называется Сретеніемъ.

Въ другихъ мѣстахъ празднуютъ (декабра 25) *субботу*, съ особою таинственностію. Домашнимъ животнымъ даютъ немного *сеячанаю* (Священной Пасхи), и съ большимъ раченіемъ затворяютъ двери сараевъ, чтобы не проникали

сюда здымъ чары. Небо, по мѣтѣндо простоходивъ, разверзается въ полночь, и только одинъ благословенный свыше человекъ, можетъ видѣть небесный рай.

По деревнямъ ворожатъ дѣвицы: около полночи онѣ выходятъ на дворъ, и съ которой стороны залаетъ собака, съ той должны ждать суженыхъ. На другой день праядника, ходять мальчѣки, отъ дома къ дому, съ поздравительными стихами:

Na ścieście, na zdrowie,
Nato Boże narodzenie!
Żeby sie dożyła pseniczka i grach,
W komorze w oboze,
Daj ci Panie Boże!
Jw polu żeby był snop przy snopie,
Kopa przy kopie,
Gazda (Господинъ) między kopami.
Kieby miesiać między gwiazdami,
Żeby szed wuz za wozem do gumna,
Jako psocły do ula.

Молодцы, убранные въ праздничное платье, водятъ за собою въ вечеру этого дни, чучело быка или волка, съ конемъ останавливаются предъ домами хозяевъ, играютъ и поютъ, за что получаютъ отъ нихъ въ награду что нибудь изъ кушанья, что приготовлено на святой вечеръ. Обычай водить за собою волка, извѣстенъ былъ въ Польшѣ, еще въ XVI вѣкѣ.

Во время колыбельных дней, забывали старую вражду, примирялись и вступали въ новую дружбу; повсюду господствовало гостеприимство, взаимнообразныя обдариванія и приглашенія на пиршества.

Дѣти также поютъ, свойственные ихъ возрасту пѣсни. Любопытная изъ нихъ :

У na gumienoszu gośnie jabłunczka,
hej leluja!

Na tej jabłunczke złote gałązeczki,
hej leluja!

Na tych gałązeczkach złociste listeczki,
hej leluja!

A między listkami złociste kwiateczki,
hej leluja!

A na tych kwiateczkach złociste jabłuszka,
hej leluja!

A któż je oberwał?—Nadobna Anuska,
hej leluja!

Komuś ona dała to złote jabłuszka?
hej leluja!

Jedno ona dała swemu panu ojcu,
hej leluja!

Drugie ona dała swojej panimacie,
hej leluja!

Trzecie ona dała swemu panu bratu,
hej leluja!

Czwarte ona dała swojej pannie siostrze,
hej leluja!

Piąte ona dała temu, co kochała,
hej leluja!

Pięte ona dala komu rozumiała,
hej lelaja!

Въ новый годъ поютъ также колядскія пѣсни, и дарятъ взаимно.

Даренье яблоками дѣвочекъ и мальчиковъ, есть древній обычай южныхъ Славянъ. Молодой мужчина въ Сербіи, ищущій руки дѣвушки, посылаетъ ей чрезъ свата наилучшее яблоко съ воткнутыми въ него мелкими серебряными деньгами.

Если дѣвица пріиметъ яблоко, то это добрый знакъ; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ искать руки другой.

У подкарпатскихъ Мазуровъ занимаетъ яблоко съ вѣтвью, главное украшеніе на свадьбахъ, и Цѣшинскія яблоки, какъ самыя превосходныя, вошли между ними въ поговорку (*). Моравцы представляли богинею любви Красопану, держащую въ одной рукѣ три яблока.

У Черногорцевъ, брошенное яблоко между соперниками, служило знакомъ къ взаимной битвѣ.

Изъ вышеприводимыхъ пѣсней видно, что колада означала то подарокъ, то поздравленіе, то славленіе, и она ни у какихъ другихъ, кромѣ Славянскихъ народовъ, не составляла народную забаву, и съ такими веселыми обрядами.

(*) Pauli: Piesn. ludu polsk. w Galic., с. 4—9.

Если у Грековъ и было нѣчто похожее, то оно различествовало во времени и дѣйствіи.

*Коляда въ
Черной и
Червонной
Россіи.*

На другой день Рождества Христова, ходятъ черомъ въ Черной и Червонной Россіи, подъ окнами домовъ и колядуютъ; домашная прислуга колядуетъ предъ дверьми своихъ господъ. Иногда крестьяне являются на господскомъ дворѣ, съ кукольной комедією и вертепомъ. Нѣкоторые поютъ колядскія вирши, по-польски; другіе на своемъ природномъ, чернорусскомъ языкѣ. Червонорусцы поступаютъ почти также, и колядуютъ на своемъ языкѣ. Вотъ дошедшія до насъ ихъ пѣсни :

Изъ за горы, изъ за каменной, святый вечеръ !
Да воттоль выступа велике вѣйско,
А по переду панъ иде ,
Панъ иде, коника веде ,
Хвалится конемъ передъ коралемъ :
Да нема у короля такого коня,
Якъ у нашего пана.
Хвалится стрилою,
Передъ дружиною :
Да нема у дружины,
Такой стрилы
Якъ у нашего пана.
Хвалится лукомъ,
Передъ гайдукомъ :
Да нема у гайдука,
Такого лука ,
Якъ у нашего пана.

Да бувай же здоровъ , пане !
Да не самъ собою ,
Съ отцемъ , съ матерью ,
Со всимъ родомъ , —
Живите съ Богомъ .

Эй заказано и зарадано , святой вечеръ !
Всімъ козаченькамъ у войско ити ,
Пану коригивъ нести .

А у его нешка
Рельми старенька ,
Выпроважала
И научала :

«Ой , сыне мій , сынку !
Не поперсжай у передъ вѣйска ,
И не оставайся позади вѣйска .
Держися вѣйска все середняго ,
И козаченька все статечного !
Молодой не послухавъ нени своей :
У передъ вѣйска коземъ играе ,
А позадъ вѣйска мечемъ махае .
Угляне ! се самъ царь на кресли .
«Ой , колибъ я знавъ ,
Чій то сынъ гулявъ ,
То лбъ за него свою дочку отдавъ ,
Половину царства ему бы отдавъ .

Ой рано , рано , курь зашли , святой вечеръ !
А еще раньше панъ вставъ ,
Лучкомъ забрящавъ ,
Братьєвъ побужавъ :

Да вставите братья, кони сидайте,

Кони сидайте, хорты склякайте.

Да поидемъ въ чисте поле,

На прогулянье,

На разгледанье.

Да найдемо братъе, куку въ деревнѣ,

Дзвукъ въ теремѣ.

Отъ-се вамъ, братья, кука въ деревнѣ.

А минн, братья, дзвукъ въ теремѣ.

Ой ясна, красна калина у лузи

А еще красѣйша у домѣ,

По двору ходитъ.

Якъ заря сходитъ,

Въ синочки вошла;

Якъ заря зышла,

Въ свѣтлоньку войшла, — паны встають,

Шапки иснимають, ии пытають.

Чи ты царевна, чи Королевна? —

Я дочка ротмистрова (*).

Колядчики вставляють имя или званіе той дѣвушки, въ честь которой поють, а потому послѣдній стихъ: я дочка ротмистрова, прибавленъ здѣсь для полноты.

*Коляда въ
Россіи.*

Въ Россіи коляда, также извѣстна съ давнихъ временъ. Она появилась прежде на югѣ, а потомъ перешла на сѣверъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной и восточной полосы Россіи, коляда называется *авсенемъ*

(*) Малорос. и Червононорус. народн. думы. С. П. Б. 1836 г.

и *таусеномъ*, а въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ удержано древнее названіе; однако въ нѣкоторой части Литвы, иногда она называется вечеромъ колодокъ или вечеръ Блокковъ, и вездѣ готовится нутья изъ пшеничнаго зерна, и каша изъ гречневыхъ крупъ; по уваркѣ гадаютъ о будущемъ урожаѣ и неурожаѣ хлѣбовъ.

Католическое духовенство заготавливаетъ лепешки изъ тѣста, съ изображеніемъ Рождества Христова, и наканунѣ этого праздника разсылаетъ по домамъ. Въ день праздника разламываютъ въ семействѣ лепешку, по числу домашнихъ; каждый съѣдаетъ свою часть, и поздравляетъ другъ друга съ праздникомъ Рождества Христова. Преломленіе лепешки, напоминаетъ имъ преломленіе хлѣба Іисусомъ Христомъ, за тайной вечерю.

Католическія лепешки, и печенныя тѣста изображенія.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской и Архангельской губерніи, донинѣ приготавлиютъ изъ пшеничнаго тѣста различныя изображенія животныхъ, какъ-то: овецъ, коровъ, быковъ, разныхъ птицъ и пастуховъ. Ихъ посылаютъ въ подарокъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ; столы и окна, изукрашены этими изображеніями.

Въ Малероссіи также остался въ употребленіи, хотя не повсюду, подобный обычай. Дѣлають изъ ржаного или пшеничнаго тѣста конниковъ, ягненковъ, коровъ, быковъ и проч. и дарять ими дѣтей. Нынѣ это обыкновеніе выводится.

*Остатокъ
лѣтисчета
и примѣ-
ты.*

Изъ Стоглава извѣстно, что наканунѣ Р. Х. и Св. Крещенія, мушны и жейщины сходились на nocturne плещованье, шры, глумленье и бѣсовскія пляски. —

Простолюдины замѣчаютъ, что если въ ночи на Р. Х. и Богоявленіе, не бываетъ небо ясное, то не будетъ урожая въ этомъ году; но канунъ Богоявленія, есть общая примѣта на весь годъ. Въ Архангельской и Вологодской губерніи замѣчаютъ: если звѣзды горятъ ярко, а мѣсяцъ, освѣщая поля, образуетъ на нихъ сіяніе, подобное окружающему самый мѣсяцъ; то они поздравляютъ другъ друга съ урожайнымъ годомъ. — Напротивъ того, небо темное, заставляетъ ихъ призадумываться. Тяжелый годъ, говорятъ они, ни звѣздочки на небѣ! — Не жди теперь ни хлѣба, ни лгоды. — Какъ то прожить нособитъ Богъ!

Иные по выходѣ изъ крещенской заутрени, запрягаютъ сани; въ нихъ высаживаютъ ребятшекъ, и съ ними скачутъ во весь духъ по деревнѣ. Причина этому та, чтобы уродил-

ся хорошій и долгій день. — Этому обычаю слѣдуютъ переселенцы — Малороссіане, живущіе въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи.

На Р. Х. не должно выпускать домашняго скота изъ хлѣвовъ, для безопасности отъ нечистой силы и знахарей. Мордва приносятъ въ этотъ день въ жертву: птицъ, пироги и напитки, нашимъ святымъ, о конхъ никакого не имѣютъ понятія, — для умилостивленія. Другіе замѣчаютъ (въ Саратовской губерніи Хвалынского уѣзда), что если на небѣ много звѣздъ, то родится въ этотъ годъ много агнать и гречихи.

Коляды въ Россіи двѣ: одна передъ новымъ годомъ, *Васильевская*; другая передъ Богоявленіемъ, *Крещенская* или *водокрещей*. Первая еще извѣстна подъ именемъ *богатой*, а вторая подъ именемъ *постной*. —

Васильевская и Крещенская коляда.

Въ Малороссіи, напротивъ, вмѣсто богатой коляды бываетъ *богатая кутья*, тоже предъ Рождествомъ Христовымъ, а вмѣсто постной коляды, *голодная кутья*, предъ Крещеніемъ.

Почти во всей Россіи, наканунѣ Богоявленія, послѣ освященія воды, пишутъ мѣломъ кресты: на дверяхъ, внутри дома, по скотнымъ хлѣвамъ и всѣмъ хозяйственнымъ заведеніямъ. — Во весь день, до вчер-

Значеніе Богоявленской воды.

ней зари, ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Въ день Богоявленія тоже постятся, до освященія Богоявленской воды. Въ большихъ городахъ строятъ при рѣкахъ крещальню, называемую Іорданомъ, въ воспоминаніе Крещенія Спасителя въ рѣкѣ Іорданѣ. Въ столицѣ тотъ-же обрядъ, и сверхъ того, воздвигаютъ богатый балдахинъ, надъ прорубомъ рѣки Невы, противу Зимняго Дворца. По окончаніи обѣдни во дворцѣ, духовенство выходитъ на рѣку для освященія воды. Митрополитъ обыкновенно священнодѣйствуетъ; очередные митрополиты, архіепископы и епископы окружаютъ его. Драгоцѣнныя ихъ одежды, пышность и торжественное совершеніе, поражаютъ каждого. Императорскій Домъ, окруженный первѣйшими государственными сановниками, гражданскими и военными, многочисленная по-сольская свита, придворные, гражданскіе чины, генералъ штабъ и оберъ-офицеры,—и все въ блестящихъ золотыхъ мундирахъ,—представляютъ глазамъ ослѣпительную картину величія. Тысячи людей стоятъ по обѣимъ сторонамъ рѣки; даже улицы набиты ими. Глубочайшая тишина господствуетъ повсюду: одно духовное пѣніе, только нарушаетъ благоговѣйное молчаніе. Но коль скоро погрузится крестъ въ воду, мгновенно раздаются громовые перекаты пушекъ

съ Петропавловской крѣпости. Съ шумомъ и радостнымъ волненіемъ, бросается народъ черпать Іорданскую воду, и всѣ возвращаются домой съ восторженнымъ чувствомъ небесной радости.

Древнее обыкновеніе бросаться въ прорубь воды, давно здѣсь неизвѣстно, и тутъ живетъ оно въ одномъ воспоминаніи. Если вѣрить сказанію иностранца Маржерета, нач. XVII в., то Царь и вельможи погружались въ нее. Я самъ видѣлъ, говоритъ онъ, какъ Царь окунывался въ воду (*). До него еще Императорскій посолъ баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ нач. XVI в., говоритъ, что въ Іорданскомъ прорубѣ купались, не одни здоровые, но отчаянно больные, не имѣвшіе никакой надежды на выздоровленіе. Это самое повторяли всѣ иностранцы, описывавшіе нравы Россіи, до конца XVIII вѣка. Еще по нынѣ, во многихъ мѣстахъ Россіи, существуетъ это обыкновеніе. Я былъ однажды самъ свидѣтелемъ въ Малороссіи, что по освященіи воды, казакъ сбросивъ съ себя верхнее платье, погрузился спокойно въ воду. Но больныхъ уже не купаютъ;

(*) Marger. Etat de l'Empire de Russie et Gr. duché de Moscovie.

даютъ имъ только пить Богоявленную воду, которая излечиваетъ отъ многихъ недуговъ. Домашній скотъ, во время его падежа или другихъ болѣзней, окропляютъ этой водою или даютъ пить по немногу. Иные хранятъ воду дотолѣ, пока она не испортится.

Погруженіе больныхъ въ воду, произошло отъ вѣрованія, что духъ свыше исцѣлитъ ихъ. Въ Крещенскій сочельникъ многіе не ѣдятъ до появленія вечерней звѣзды, и это строго соблюдается между простолюдинами. Нѣкоторые вѣрятъ, что на канунѣ Богоявленія волнуется въ самую полночь вода, въ ознаменованіе того, что въ это время крестился Иисусъ Христосъ. Многіе ходятъ черпать тогда эту воду, и увѣряютъ, что видѣли, какъ колыхалась она; но тѣ, которые не могли видѣть этого явленія, оправдываются тѣмъ, что они не дождались полночи, или проспали ее. Почерпнувшіе эту воду, хранятъ ее до слѣдующаго года, думая, что она, по особой своей силѣ, помогаетъ отъ многихъ недуговъ, и сама по себѣ не портится: таже свѣжая, чистая и здоровая.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы, дворянство и простой народъ, въ сочельникъ передъ Крещеніемъ, пишутъ на всѣхъ дверяхъ латин-

скія буквы: G. M. B. (Гаспаръ, Мельхиоръ и Балтазаръ), означающія имена царей волхвовъ, приходившихъ съ дарами въ Вифлеемъ, поклониться младенцу Христу. Кто не уиѣтъ написать этихъ буквъ, тотъ пишетъ три креста. Въ церквахъ висятъ тогда на лентѣ, около престоловъ, люльки, въ коей лежитъ въ пеленахъ вылитый изъ воска младенецъ. Вокругъ люльки стоятъ восковыя изображенія: Богородицы, Іосифа и трехъ волхвовъ; у изголовья младенца стоятъ осель и водъ. Подходящіе къ люлкѣ, качаютъ ее три раза, и потомъ молятся. На Крещенье ходятъ со свѣчами по улицамъ, и поютъ предъ домомъ хозяина:

Trins karalej ectjoje,	Пріѣхали три короля,
Dicwuj pasiklonioje.	Богу поклонились;
Dabor pas jus atejna,	Теперь къ вамъ приходятъ,
Tus namelus aplankity	Домъ сей посѣтитъ
Jums linksmibe padarily,	Весельемъ одаритъ, —
Gieray praszom priimily.	Просятъ добраго приѣма.

Хозяинъ долженъ принять колядовщиковъ, и ихъ щедро угостить. Если приѣмъ нравится волхвамъ, то они гостятъ долго, въ противномъ случаѣ идутъ далѣе колядовать (*).

Въ самый же сочельникъ Рождественскій, дѣвушки, парни и мальчики, ходятъ колядо-

(*) Романовичъ, см. его статью: обычаи и игры литовскія, въ Сын. Отеч. 1839 г. мѣс. окт., № X. с. 116—117.

вать подъ окна домохозяевъ, которые дарятъ ихъ пирогами или деньгами.

Славленіе Христа. Въ половинѣ XVII в. было въ обыкновеніи, что знатные люди славили Царя, который, въ свою очередь, ѣздилъ славить ихъ, и это обыкновеніе продолжалось до временъ Петра I, но Великій Монархъ самъ любилъ славить.

Славленіе—означающее хваленіе, начиналось въ то время по полудни. Если Царь ѣздилъ славить, то поѣздъ его совершался слѣдующимъ образомъ: двое изъ чиновниковъ шли впередъ, съ барабанами въ рукахъ и обернутыми въ сукно палочками; за ними ѣхалъ Царь на саняхъ, окруженный придворными, боярами и князьями. При входѣ въ домъ, кого-либо изъ вельможъ, пѣли: Тебѣ Бога хвалимъ; потомъ поздравляли хозяина. Хозяинъ подносилъ Царю денежный подарокъ, и угощалъ его съ прибывшими. Послѣ они отправлялись къ другому, пока не обойдутъ знатныхъ особъ. Англійскій путешественникъ Брюкъ рассказываетъ, что наши Государя, предъ праздникомъ Богоявленія, ѣздили славить заслуженнѣйшихъ изъ своихъ бояръ и чужестранцевъ, которые угощали ихъ со всѣмъ поѣздомъ. Петръ I, сопровождаемый толпою царедворцевъ, началъ первое свое славленіе съ иностранца Брама,

въ 9 часовъ утра (1702 г. января 3). Съ Царемъ прїѣхало на савяхъ и верхомъ, около 300 челов.; столы были покрыты разными лакомствами, сначала подавали холодныя, а потомъ другія кушанья. Веселость была непринужденная, а напитки лились рѣкою. Около трехъ часовъ Государь поѣхалъ, со всѣмъ своимъ поѣздомъ, къ другому иностранцу, гдѣ такое же было угощеніе; потомъ въ другіе дома, а наконецъ весь поѣздъ отправился отдыхать въ нарочно построенные дома.

Уклонявшіеся отъ славленія, подвергались наказанію кнутомъ и батогами. Нѣкто Григорій Камынинъ, былъ высѣченъ плетью за то, что бывъ внесенный въ списокъ славленія, не ходилъ славить (*).

Въ Царствованіе Императрицы Елисаветы давалась пѣвчимъ, объ Рождествѣ Христовомъ, дача, подъ именемъ *славеной дачи*.

Долго господствовалъ обычай, между воспитанниками духовныхъ заведеній, что они ходили по домамъ по нѣсколько вмѣстѣ, славить Рождество Христово. При этомъ отличались они своими высокопарнобезмысленными діалогами, рацеями и виршиами, которыя про-

(*) Bruyn: Travels into Moscow, Persia and Eastindien, Lond. inf; Голл. Дѣян. Петра Вел., Слегир. Русск. прост. пр. вып. II с. 56 -- 58.

износили иногда на греческомъ и латинскомъ языкахъ, непонимая ихъ сами.

Славление Христа совершаютъ нынѣ мальчики, въ первый день Р. Х. Ходя по-утру со звѣздою или вертепомъ, они восхваляютъ Рожденіе Спасителя пѣніемъ изъ священныхъ пѣсней, или нарочно сочиненными для этого праздника стихами.

Въ иныхъ мѣстахъ ходятъ еще цѣлую недѣлю, съ перваго дня праздника Рождества Христова, со звѣздою, которая дѣлается изъ разноцвѣтной бумаги, въ различную величину, и освѣщена свѣчами. Обращая кругомъ звѣзду, поютъ: *Христосъ рождается*, и проч.

Общее обыкновеніе во всей Россіи, что въ день Р. Х. ходятъ священники послѣ обѣдни, поздравлять съ праздникомъ, или какъ говорится въ простонародіи, *славить Христа*, и это продолжается иногда въ теченіе всѣхъ святковъ. Рассказываютъ, что въ старые годы, по прославленіи Христа, священники по просьбѣ женщинъ сажались на порогъ или на разо-славленную шубу предъ порогомъ для того, чтобы водились куры.

*Мѣстное
славленіе и
колядки.*

По разнымъ мѣстамъ не одинаково управляютъ славленіе. Въ Петербургской губерніи и въ самой столицѣ, ходятъ мальчики со звѣздою только наканунѣ Р. Х. и въ

первые три дня Р. Х. Звѣзду дѣлають изъ *бичайки*, оклеенной желтой и пропитанной масломъ бумагою: на одной сторонѣ ея изображено лице, а на другой поклоненіе пастырей; весь кругъ окаймленъ бахрамою изъ желтой бумаги, и обведенъ шестью рогами, на подобіе лучей, вырѣзанныхъ изъ бумаги и украшенныхъ бумажной цвѣтной бахрамою. Между изображеніями, посредствомъ устроеннаго въ бичайкѣ отверстія, ставятъ зажегшую свѣчу, отъ коей рисунокъ и лучи дѣлаются прозрачными. Звѣзду вносятъ въ комнату, или останавливаются съ нею подъ окномъ, и поютъ:

Новая радость стала,
Якъ небу хвала.
Надъ вертепомъ звѣзда ясна,
Свѣтомъ возсіяла.
Пастушки съ агнѣткомъ,
Предъ малымъ дитѣткомъ,
На колѣна выпадали,
Христа прославляли.
И мы просимъ, Христе Царю,
Небесный Государю:
Даруй лѣто счастливое.
Сего дома господину,
Сего дома господину.

Послѣ этого говорятъ иногда стишки:

Маленькія дѣтки,
Снипали вѣтки.

Въ саду столпи,
Христа прославляли;
Христось родился,
И рай растворился.

Потомъ поздравляютъ съ праздникомъ, за
что получаютъ нѣсколько копѣекъ денегъ.

Крестьяне Смоленской губ. ожидаютъ съ
радостію торжественнаго дня Р. Х.; жены ихъ
съ удовольствіемъ смотрятъ на убывающіе
горшки. Многія изъ нихъ, не умѣя читать, ве-
дутъ особой свой счетъ по горшкамъ. Чѣмъ
меньше остается ихъ въ домѣ, тѣмъ ближе
время праздника, предъ коимъ обыкновенно
закупаютъ новые горшки. Вотъ уже счетъ
приходитъ къ концу, и праздникъ валится на
дворъ. Бѣготня и заботы въ домѣ. Хозяинъ
осматриваетъ праздничные кафтаны, молодые
люди приготавливаютъ новую упряжь. Въ пер-
вый день праздника крестьяне ѣздятъ къ обѣд-
нѣ, на невыѣзжанныхъ молодыхъ лошадяхъ,
и надѣваютъ на нихъ новую сбрую: мальчики,
забравшись въ уголъ, спѣваются славить ко-
ладу. Хозяйка и дѣвушки, начиняютъ колба-
сы при пѣніи пѣсень:

Дѣдка свивушку убилъ,
Дѣдка бѣлинькую,
Спинку пѣгивькую.
Ай да Божья колада,
Прилетай къ намъ съ висока,

Разъ въ желанной годъ—
Полюбуйся часокъ.
Мы колбаски чинимъ,
Веретенцемъ сверлимъ.
Рыльце лычкомъ напредъ,
А туда мяскомъ набьемъ.
Ай — й — охъ! коледа,
Лети швыдче съ высока.
Да морозомъ не трясн,
Басловья (благословенья) къ намъ неси.

Эта пѣснь называется *чукасть* (звать) коляду, и ее поютъ нѣсколько разъ въ вечеръ. Сначала зовутъ къ себѣ коляду, этой пѣсней; потомъ разговариваютъ или поютъ постороннія пѣсни, и начинаютъ *чукасть*, пока не начинатъ колбасъ. По окончаніи работы, готовятъ *вечерю*, ужинъ. Въ этотъ день занимаетъ первое мѣсто между кушаньями, кутья,—разваренныя пшенишныя зерна и подслащенные сытою. Когда окончатъ приготовленіе къ ужину и помолятся Св. иконамъ, тогда хозяинъ беретъ чашку съ кутьею, влѣзаетъ на печь, отдвигаетъ волоковое *оконко*,—выбрасываетъ за окно три ложки кутьи, и говоритъ: морозъ! морозъ! поди къ намъ кутью ѣсть; кутью ѣшь, а пшеницу не трогай!—Женщины выходятъ въ то время на дворъ, посмотрѣть на небо: звѣздно ль небо, или нѣтъ? Если оно звѣздно, то это означаетъ *грибородное лѣто*; если нѣтъ, то

не будетъ грибовъ. Выполнивъ каждый свое, садятся за столъ, и ѣдятъ сначала кутю, потомъ слѣдующія кушанья. Этимъ оканчивается предшествующій день сочельнику, самый же сочельникъ отличается отъ обыкновенныхъ дней, тѣмъ только, что вечеромъ въ сочельникъ, ходятъ мальчики въ сосѣдніе дома славить коляду:

Пришла коледа на канунъ Рождества,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Блинъ да лепѣшка, кладись на окошко,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Коли нѣтъ блина, то ковецъ пирога,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Коли жъ нѣтъ пирога, то корову за рога,
Виноградье, красно-зеленое мое!
А сладкая кутя, сама сыпся изъ окна,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Мы кутю посберемъ, да и морозъ помянемъ,
Виноградье, красно-зеленое мое!

Эту пѣснь заключаютъ привѣтствіемъ:

Христосъ родился,
Рай растворился;
Іуда удавился. —

Съ праздникомъ поздравляемъ,
И вамъ того же желаемъ.

Въ Саратовской губерніи ходятъ, на канунъ Р. Х. молодые люди толпою, подъ окнами и величаютъ *каляду*. Подошедши къ окну, говорятъ: *чанные ворота, посконная борода, не*

**кричатъ ли калѣда? Если позволитъ хозяинъ,
то поютъ:**

На горки ленокъ,
Калѣда!
Зеленехонекъ ростеть,
Калѣда!
Степанидушка ленокъ, (*)
Калѣда!
Тонко прядеть,
Калѣда!
Звонка точеть,
Калѣда!
Ей чарочку винца,
Калѣда!
Братыничку пивца,
Калѣда!
Свѣа клокъ,
Калѣда!
Вилы въ бокъ,
Калѣда!

Калѣда! гдѣ ты была?
Калѣда!
Ковей пасла,
Калѣда!
Что выпасла?
Калѣда!
Жеребеночка въ уездѣ,
Калѣда!

(*) Всегда величаютъ изъ дѣвушекъ младшую въ домѣ.

Гдѣ жаробѣионокѣ?

Калѣда!

За воротами стоить,

Калѣда!

Гдѣ ворота?

Калѣда!

Водой снесло,

Калѣда!

Гдѣ вода?

Калѣда!

Быки выжили,

Калѣда!

Гдѣ быки?

Калѣда!

За горы ушли,

Калѣда!

Гдѣ горы?

Калѣда!

Червяи выточали,

Калѣда!

Гдѣ червяц?

Калѣда!

Гуси выклевали,

Калѣда!

Гдѣ гуси?

Калѣда!

Въ тростникѣ ушли,

Калѣда!

Гдѣ тростникѣ?

Калѣда!

Дѣвки выломали,

Калѣда!

Гдѣ дѣвки?

Калѣда!

За мужья ушли,

Калѣда!

Гдѣ мужья?

Калѣда!

Среди неба на земли,

Калѣда!

Въ асиметочкѣ (изношенной старой лапотъ)

Калѣда!

Въ уголокъ,

Калѣда!

По окончаніи калѣды, толпа кричитъ: ко-
курка! кокурка! въ печи сидѣла, на насъ гля-
дѣла, въ кошель захотѣла.— Хозяинъ подаетъ
кокурку, нарочно для того приготовленную:

Выходила калѣда за новыя ворота,

На канунъ Рождества,

Ой калѣда!

Свинныя ножки въ печь сидѣли,

На насъ глядѣли.

Старой чортъ! подай пирога,

Не подашь пирога, изрублю ворота.

Ой калѣда!

Изъ колядскихъ пѣсней, употребляемыхъ
въ сѣверной Россіи, суть:

Виноградъ красно, почему спознать,

Что Устиновъ домъ Малосезнича?

Что у его двора, вся шелкова трава,

Что у его двора, все серебряной тынь.

Ворота у него десчатыя,
Подвороточки рыбы зубья,
На дворъ его три терема:
Во первомъ теремъ да свѣтель мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтель мѣсяцъ, то Устиновъ домъ;
Что красно солнце, то Улита его;
Что часты звѣзды, — малы дѣтушки.
Да дай Боже Устину Малоосевичу,
Съ борзыхъ коней сыновей женить;
Да дай Боже Улитъ Хавровъсвятъ,
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари государь, колядовщиковъ.
Наша колада ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына.— (*)

(*) Разведеніе виноградныхъ лозъ сдѣлалось известнымъ въ Россіи, не ранѣе 1613 г., и первая лозы посажены около Астрахани, монахомъ.

Рыбы зубы, особливо моржовые, имѣли высокую цѣнность; изъ нихъ выдѣлывали для разныхъ вещей украшенія. Здѣсь рыбы зубья, должно разумѣть дорогіе, — моржовые. — Щучьи зубья собирались суевѣрами съ особымъ раченіемъ, для предохраненія себя отъ укушенія змѣй. Одинъ изъ нашихъ писателей, (Сказ. Русск. народ.) удивляется: почему нашъ народъ предпочитаетъ большіе зубы малымъ, и въ числѣ ихъ считаетъ лучшими моржовые? Это очень ясно: большіе всегда имѣютъ большую цѣнность предъ малыми, а моржовые были такъ дороги, что равнялись цѣнностію слоновой кости, и изъ нихъ выдѣлывали дорогія вещи. В К. Ростиславъ подарилъ (въ 1159 г.) Черниговскому Князю Святославу, нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ кунницъ, песцовъ, волковъ былыхъ и *рыбныхъ зубьевъ*, а Святославъ подарилъ Великому Князю: леопарда и двухъ коней съ окованными сѣд-

Прикажи, сударь хозяйнѣ, ко двору прити,
Виноградѣ красно-зеленое!
Прикажитко ты, хозяйнѣ, коледу просказать!
Виноградѣ, красно-зеленое!
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по кремлю городу,
Виноградѣ, красно-зеленое!
Уже ищемъ мы, ищемъ господниова двора,
Виноградѣ, красно-зеленое!
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ,
Виноградѣ, красно-зеленое!
На седьми верстахъ, на осьмидесяти столбахъ,
Виноградѣ, красно-зеленое!
Что же около двора, да желѣзный тынъ?
Виноградѣ, красно-зеленое!
Что на всякой на тычникъ по маковкѣ?
Виноградѣ, красно-зеленое!
Что на всякой же по крестикъ?
Виноградѣ, красно-зеленое!
Что на всякомъ же крестикъ по жемчужинѣ?
Виноградѣ, красно-зеленое!
А среди того двора, что три терема стоятъ,

лами. — Кіев. лѣт. — Рыбьи зубы могли быть принимаемы въ денежномъ счетѣ, подобно кувъ и векшѣ. Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ, часто говорится о дорогихъ рыбьихъ зубахъ, напр. въ собр. Древн. Русск. стихотвореній. — с. 2.

Въ чердакѣ была бестѣдъ,
Дорогъ рыбій зубъ.

Герберштейнъ говорить, что у насъ назывались рыбьи-ми зубами, моржовые клыки. De reb. Moskov. с. 85. Патріархъ Іосифъ прислалъ въ Соловецкій монастырь, въ 1644 г., пять рыбьихъ зубовъ весомъ въ 11 ф., а цѣною въ 11 тогдашнихъ серебряныхъ рублей, стоящихъ болѣе 200 руб. на ассигн.

Винограде, красно-зеленое!
Что три терема стоятъ златоверховаты,
Винограде, красно-зеленое!
Что въ первомъ терему красно солнце,
Винограде, красно-зеленое!
Красно солнце, то хозяйнъ въ дому,
Винограде, красно-зеленое!
Въ другомъ теремъ свѣтель мѣсяцъ,
Винограде, красно-зеленое!
Свѣтель мѣсяцъ, то хозяйка въ диму,
Винограде, красно-зеленое!
Что въ третьемъ терему часты звѣзды,
Винограде, красно-зеленое!
Часты звѣзды, то малы дѣтунки,
Винограде, красно-зеленое!
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ въ раю,
Винограде, красно-зеленое!
Хозяйка въ дому, какъ аладья на меду,
Винограде, красно-зеленое!
Малы дѣтушки, какъ олябашки,
Винограде, красно-зеленое!

По окончаніи коляды, поздравляютъ хозяйна и хозяйку съ праздникомъ.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
На канунъ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду Святую.
По всѣмъ дворамъ, по всѣмъ проулочкамъ.
Нашли коляду

У Петрова-то двора.
Петровъ-то дворъ, шалтанный тытъ,
Среди двора, три терема стоятъ:
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звезды.
Свѣтелъ мѣсяцъ, Петръ бударь,
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце, Анна Кириллова;
Частыя звезды, то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяйинъ съ хозяйкой,
На многія лѣта, на многія лѣта!

Въ окрестностяхъ Москвы возятъ въ саняхъ, на канунъ Рождества Христова, въ бѣлой рубашкѣ дѣвушку, которая называется колядою и поютъ:

Уродилась коляда,
На канунъ Рождества.
За рѣкою за быстрою
Ой колѣдка, ой колѣдка!
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колѣдушки.
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горячій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ.

Хотятъ козла зарѣзати.
Ты братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнуть,—
Горючь камень,
Къ котлу тянетъ.
Желты нески,
Сердце высосали.
Ой колюдка, ой колюдка!

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому,
Лежать гусли неналаженные.

Коляда!

Кому гусли налаживати?

Коляда!

Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу.

Коляда!

Зензевел дома нѣтъ,
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ.
Суды судить, рады рязить.

Коляда!

Онъ женѣ-то шлетъ,
Кунью шубу.

Коляда!

Сыновьямъ-то шлетъ,
По добру коню

Коляда!

Дочерямъ-то шлетъ,
По черну соболу.

Коляда!

Эта пѣснь перешла, безъ сомнѣнія, отъ южныхъ Славянъ, потому что въ ней упоминаются: рѣка Дунай и имя Зензевей, которое только въ тѣхъ мѣстахъ употребительно. Все прочее придѣлано къ Русскимъ обычаямъ.

Ужъ какъ шли ребята колядовщики,

Виноградъ, красно-зеленая моя!

Колядовщики фабрички,

Виноградъ, красно-зеленая моя!

Мы искали двора господина своего,

Господиновъ дворъ на семи верстахъ,

На семи верстахъ на осьми столбахъ.

Посреди двора, посреди широка,

Стоять три терема,

Три терема златоверхіе.

Въ первомъ теремѣ красно солнышко,

Во второмъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,

Въ третьемъ терему часты звѣздочки.

Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему;

Хозяйка въ дому, госпожа въ высокомъ;

Малодыя дѣтушки, какъ орѣшки въ меду.

Виноградъ, красно-зеленая моя! .

Благодарствуй хозяйинъ! на хлѣбѣ, на соли и на жалованьи,

Виноградъ, красно-зеленая моя!

Накормилъ, напоилъ, со двора спустилъ.

Виноградъ, красно-зеленая моя (*).

(*) Чулковъ: Абев. Русск. суевѣр. см. коляда; Фризь: Руководст. къ физическ. опис. областного города Устюга-Великаго, изд. 1793 г.; Снег., Русск. престоляр. празд. и проч.,

Въ югозападныхъ странахъ Россіи: Мало-россіи, Бѣлоруссіи и Литвы до нынѣ въ обычаѣ колядованье.

У Литвиновъ отправлялось въ древности особое празднество, въ честь бога *Оккапирмоса*, что приходилось въ половинѣ марта, а съ переменною мѣсяцослова бываетъ оно теперь декаб. 25, и извѣстно уже подъ именемъ *вечера колодокъ*. Оккапирмосъ сопровождался ворожбою, загадываніемъ и примиреніемъ, но съ тѣмъ, чтобы не ссориться впредь. Угощенія и поздравленія, украшали это празднество. Нынѣ на канунѣ коляды, таскаютъ изъ селенія въ селеніе колодки, перескакиваютъ чрезъ нихъ, и потомъ сожигаютъ при пѣніи и обрядахъ. У Латышей сохранилось преданіе о *Блокковомъ вечерѣ* или *вечерѣ колодокъ*, который бывалъ на Р. Х. (*).

Между Жиудью въ Литвѣ, празднуютъ канунъ Р. Х. кутьею, но кромѣ ея готовятъ еще изобильный столъ, состоящій изъ рыбы, студеней и сладкихъ кушаньевъ. За столъ садятся не прежде появленія первой зари; подъ скатерть настилаютъ сѣно, въ память того, какъ Спаситель родился въ ясляхъ на

вып. II. с. 65—70; Мясниковъ: Свѣдѣнія о народн. праздн. въ Шейкурскомъ и Вельскомъ округахъ, рукопись.

(*) Golebowski. Lud. polsk. i jego zwycz. War. 1830 г.

ствѣ; на другой день оно раздается всему домашнему сноту. Тамъ думаютъ, что ночью въ тотъ самый часъ, когда Іисусъ Христосъ родился, вода превращается въ одно мгновеніе, но не возможно уловить минуты этого чудеснаго превращенія. На другой день Р. Х. предаются увеселенію, называемому *важявимсз ѡй каралучю*, т. е. прогулка въ Королевецъ (Кенигсбергъ). Для этого пекутъ большой крендель, который засушиваютъ посреди избы, на ниткѣ. Одинъ, принимающій на себя названіе купца, садится съ жгутомъ подлѣ кренделя; прочіе подбѣгаютъ къ нему на скамеечкѣ, и спрашиваютъ: «какъ поживаете, господинъ купецъ?» — «Здоровъ, благодаря Бога! А вы откуда, господа?» — «Изъ Самогичіи» — «За чѣмъ сюда пріѣхали?» — «За товаромъ» — «Какого вамъ надо?» — «Пригожей дѣвушки, какъ калина, а сладкой какъ малина» — «Пожалуй, у меня есть пригожая и сладкая» — «Хорошо, нельзя ли отвѣдать?» — «Съ удовольствіемъ, — въ цѣнѣ сойдемся.» Каждый старается отвѣдать крендель, котораго никто не долженъ дотрогиваться руками; если же кто коснется, то купецъ гонить и бьетъ жгутомъ. Успѣвшій отвѣдать, получаетъ отъ купца въ награду поцѣлуй.

Прогулка въ Кородевецъ называется въ ливонскихъ мѣстахъ *кушанье сыра* (*surmatkis*), а въ

другихъ мѣстахъ (skajsti mergieli), и почти такъ же совершается, какъ прогулка въ Королевецъ.

Малороссіяне, за нѣсколько дней до Р. Х., приготовляются къ великому празднику, съ шумной радостію. — Чистятъ и убираютъ хаты, перемываютъ до чиста всю домашнюю посуду, покупаютъ новые наряды и запасаются на цѣлую недѣлю всѣми съѣстными припасами, лакомствами, настойками и наливками, которыя своимъ отличнымъ вкусомъ превосходятъ многія иностранныя вина. Кто ихъ не пивалъ на мѣстѣ, тому трудно повѣрить. Въ богатый вечеръ пекутъ паляницы, пироги: изъ маку, гороху, грушъ, капусты и пр.; въ тотъ же день варятъ кутю изъ сарочинскаго пшена или изъ пшеничныхъ крупъ; приготовляютъ медовую сыту и варятъ узваръ. Онъ дѣлается изъ сушеныхъ плодовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, вишень и изюму; жарятъ и варятъ разную рыбу, но все готовятъ постное. Образа украшаютъ херувимчиками и ангелами, вырѣзанными изъ разноцвѣтной бумаги, и обставляютъ высокими цвѣтными свѣчами, которыя зажигаются потомъ вечеромъ. Иные ставятъ на столъ церковныя свѣчи, и освѣщаютъ ими ужинъ.

По приготовленіи куты и узвару, ставятъ ихъ на сѣнѣ подъ *покутомъ* (мѣсто подъ образомъ), гдѣ они стоятъ до вечерней за-

ри. Въ богатый вечеръ или богатую кутю, не объдаютъ, но позволяется ѣсть; напротивъ въ голодную кутю,—которая предъ Крещеніемъ,—ничего не позволяется ѣсть въ теченіи всего дня, до вечерней зари. Столъ застилаютъ чистымъ полотномъ, кладутъ ложки, по числу объдающихъ. Иные кладутъ подлѣ ложекъ, по головкѣ чесноку, для предохраненія себя отъ нечистой силы. Дѣвушки и женщины, стараются нарядиться прежде вечера; если не успѣютъ, то это дурное для нихъ предзнаменованіе:— въ первомъ случаѣ не выйдутъ за богатыхъ жениховъ, а во второмъ не будутъ любимы своими мужьями.

По наступленіи вечера освѣщаютъ избу, и ставятъ на столъ приготовленное для ужина. Хозяинъ садится на *юкутъ*, съ правой руни его жена, а дѣти кругомъ. Прежде, нежели садутъ за столъ, молятся Богу и благодарятъ Его, что дождались святаго вечера. Ужинъ начинаютъ водкою, который продолжается довольно долго; взваромъ и кутьею, пресыщаются до крайней возможности, такъ, что отъ нихъ болятъ долгое время животы.

По окончаніи ужина, мушны выносятъ на дворъ опороженные горшки, и разбиваютъ ихъ объ землю, или поставивъ на землю, бьютъ издали палками, чтобы изгнать изъ

дому всякой недостатокъ. Другіе стрѣляютъ изъ пистолетовъ, въ знакъ провожанія богатой кутяи или богатаго сызгача вечера. Такою потѣхою, занимались прежде помѣщики.

Иные послѣ ужина, ходятъ къ родственникамъ съ поздравленіемъ. Поднося старшему въ семействѣ хлѣбъ-соль, съ поклономъ въ поясъ, говорятъ: «приславъ батько и маты хлѣбъ съ силой; на, тебѣ вечерю (ужинъ)». Принявъ отъ нихъ, ставятъ на столъ и благодарятъ: «спасибо батькови и матери, за хлѣбъ, за силу и за вечерю». Принесшихъ сажаютъ за столъ, и подчиваютъ пивомъ, медомъ и водою. Мальчиковъ же дарятъ пряниками и деньгами.

Въ первый день Р. Х. ходятъ мальчики со звѣздою, — поздравлять съ праздникомъ. Пришедши въ чужой домъ, они становятся у дверей, кланяются хозяину или пану въ поясъ, и спрашиваютъ позволенія на славленіе Христа, говоря: *благословите Христа славити*. Если отвѣчаютъ имъ: *добре*, то они начинаютъ. Это славленіе сопровождается часто пропѣваніемъ виршей, сочиненныхъ искусными грамотѣями, или выѣсто виршей, произносятъ церковныя: стихи: *Рождество Твое, Христе Божее нашъ* и т. д. Вотъ нѣкоторыя вирши.

Я маленький хлопчикъ,
Злѣвъ на стовчикъ;

Въ дудучку играю,
Христа забавляю.

А я малепькій Пахомиѣ,
Родився ви вторникъ;
Въ среду равно,
Мене въ школу отдали:
Книги читать, Христа величать,
А васъ зъ праздникомъ поздравляти,
Будьте здоровы зъ праздникомъ,
Съ Рождествомъ Христовымъ.

Горобчикъ летить,
Хвостикомъ вертитъ;
А я его не піймаю,
Васъ зъ праздникомъ поздравляю.
Будьте здоровы зъ праздникомъ,
Съ Рождествомъ Христовымъ.

Ой на рѣзци
На Иордани,
Тамъ Пречиста
Рызы прала,
Своего сынка
Сповывала,
На яыни
Колыхала.
Прилетило
Два Аніолы
Взяли Христа,
На небеса.
Вси небеса
Растворилися,

Уси святых
Поклонимся.

Христосъ родился, —
Тварь веселися!
Спасеніе открылось намъ.
Богъ зъ чоловикомъ помырився,
Прощенъ нашъ праотецъ Адамъ.
Торжествуйте, лыковствуйте!
Чого вы задумались?
Хиба вы не знаете,
Що Христосъ родился?
Дармо що я малый
Ай въ Церкви бувавъ,
И обо всимъ чувавъ.
Оце й вамъ звищаю,
И зъ праздникомъ Христовымъ поздравляю.
Якъ Христосъ народився,
Иродъ смутився,
Ставъ дуже бояци
Що не будуть його поважаты.
И маленькихъ дитокъ,
Жыдивскимъ бабамъ,
Великъ убываты.
Отъ лютого Ирода
Начали утукаты.
Я вамъ желаю,
Спасенія въ раю, —
И зъ праздникомъ
Поздравляю.
А пана у Иване, да на его дворы,
Стояло дерево, товкне высоке,

Тонке высоке, листомъ широке.
И зъ того дерева, Церковка рублена,
А въ той Церквии стоить три престола.
На первымъ престоли, Святее Рыздво:
На другимъ престоли, Святаго Василя;
На третьимъ престоли, Иванъ Креститель.
Святее Рыздво, намъ радость принесло;
Святой Василь, новый годъ принишъ;
Иванъ Креститель, воду перекрестить.

Нова радость стала,
Какъ не бывала:
Надъ вертепомъ звезда ясна,
Сонцю возсіяла.
Шли три Цари,
Ко Христу со дары.
Иродъ ихъ пригласи.
Куда идете? изпросы. —
Отвѣщаху ему:
Идемъ къ Рожденному. —
Къ Рожденному идите,
И мыни возвестите, —
Звезда жъ иде чудно,
Зъ востока на полудень.
Надъ вертепомъ сіяе,
Царя-Христа являе;
Ангель имъ вищае,
На путь наставляе.
Инымъ путемъ грядите, —
Ко Ироду нейдите.

Нова радость стала,
И на небѣ слава!

Надъ вертепомъ звезда ясна,

Весь свѣтъ осіяла.

Де Христось родився,

Отъ Дивы воплотився.

Пришли туда отъ вистока,

Цари поклонитця.

И пастушки зъ ягняткомъ

Передъ тымъ дытаткомъ;

На колѣняхъ упадали,

Бога восхваляли.

Христось народився

Весь міръ возвесѣлся,

Писля Адамова гриха.

Родився жъ въ Виѣлїи

Въ стойли, а не въ доми, —

Отъ дыковына яка!

Ы янгелы святїи

Крылати, чудьїи,

Такъ же то лѣпско спивали,

Що мы родились и похрестылись,

А далєби що такъ не чували!

Пастухи зъ степу,

Прийшли ажъ до вертепу

Ы по ягнаты принесли;

На дудки грали

Якои знали, —

Тай знову до стада пошлы.

А трїе Цари

Принесли дары

Хрысту, ажъ видъ вистока. —

Тутъ ихъ покланы и поздоровали

По письменськи,—эъ висока.

Будь ласковъ Царю,

Благословы насъ такъ:

Щобъ жыто родыло,

Ы вйны не було,

Ы щобъ мы пожылы въ смакъ.

Ісько старенькій, (*)

Бувъ імъ раденькій;

Гостынцы по прыймавъ.

Сндайте жъ у насъ,

Мы почаствуемъ васъ,

Чымъ Богъ намъ давъ.

Та якъ пиднись імъ,

По каганьцю сывухи,

Ы по кухлю варенухы;

Якъ хлестулы,

Такъ и поснулы—

Ы Ісько свитло погасывъ.—

Янголь Божій,

Ясный, гожий,

Царямъ во сні шепнувъ:

Мерщій вставайте,

До дому чухрайте,

Щобъ Ърода сіого не чувъ. —

Цари схватились,

Перехрыстились,

Тай до дому почухралы.

У ливо повернулы,

Якъ видъ Янголя чулы.

Одъ-такъ Ърода ошпувалы.

(*) Ісько,—сокращенное слово отъ Іосипъ, по-русски Іосифъ. Здѣсь Ісько разумѣется Іосифъ, обручникъ Божіей Матер.

Иродъ дожидався,
Въ живно пригладався:
Що ось, ось, ось,
Прийдуть до його Цари;
А дали схаменувся,
Мовъ видъ сна прочувся, —
Що воны кебаують зъ його.

Въ теченіе Рождественскихъ праздниковъ, ходять еще мальчики со звѣздою и вертепомъ. Звѣзда также дѣлается какъ въ Россіи, а вертепъ, это деревянной о двухъ верхахъ ящикъ, освѣщенный не большими восковыми свѣчами. Помѣщенныя въ нихъ деревянные изображенія на проволоку, представляютъ знаменія Рождества Христова: появленіе звѣзды на востоку, Рожденіе Спасителя въ ясляхъ, явленіе ангеловъ, поклоненіе мудрецовъ, бѣгство Іосифа съ Божіею Матерью въ Египетъ—(*).

Появляется пиръ и музыка во дворцѣ Ирода, царя іудейскаго. Балъ открываютъ деревяшки, какъ водится; онѣ смачутъ, вертятъ—

(*) Іисусъ Христосъ родился въ полночь субботы на Воскресенье, потому шестой Вселенской соборъ постановилъ праздновать день Рожденія Спасителя 25 декабря, въ Воскресенье. Въ этотъ самый день Богъ, по сотвореніи міра, оварилъ его свѣтомъ и самъ почилъ отъ трудовъ; сошла съ небесъ манна на бѣдствовавшихъ Израильтянъ въ пустыни; Искушитель міра принялъ крещеніе въ Іорданѣ отъ Іоанна; воскресъ изъ мертвыхъ и виспослалъ Св. Духа на Апостоловъ и Учениковъ.—См. Четью-Минею о Рожд. Іисуса Христа, дек. 25 л. 167. изд. Москов. 1815 г.

ся, кружатся и падаютъ въ обморокъ. — Иродъ, очарованный красотою танцовавшей съ нимъ Иродіадою, приказываетъ отсѣчь голову Іоанну Крестителю, и принести ее на блюди; за тѣмъ выскакиваетъ смерть. Выпрыгнувъ изъ за угла, тонкая и высокая, на однихъ костяхъ, съ предлинной козою, она рубитъ голову Ироду, который, упавши на землю, дрыгаетъ ногами и кричитъ: *Оце жь, лихо мѣни! якъ бы я зналъ, що всему причиной дичата, то бы не танцовалъ, и не жартовалъ бы ни зв одну.* — *Карас за мѣся Царь небесный!* — Часто вертепъ не оканчивается этой забавою, которая сопровождается музыкою и пѣніемъ духовнаго содержанія: иногда представляютъ разныя дѣйствія изъ частной жизни.

Въ первый вечеръ Рождества Христова, мушны, женщины, дѣвушки и дѣти, ходятъ колядовать подъ окна, а на канунъ новаго года *щедровать* (щедровать значитъ желать во всемъ изобилія и богатства). Домохозяевъ и господъ, восхваляютъ или поздравляютъ съ святымъ и щедрымъ вечеромъ. — Есть колядчики, которые при пѣніи бьютъ въ бубны, звонятъ въ колокольчики и именуютъ въ своихъ пѣсняхъ хозяевъ, ихъ дѣтей, или величаютъ ихъ особыми прозваніями. Колядуютъ до полночи. — Дѣ-

Колядованіе малороссійское.

вушки, ходя подъ окна, стараются подойти тихо и прислушиваются, что говорятъ, и изъ этихъ словъ выводятъ разныя для себя предзнаменованія. Колядскія пѣсни поютъ протяжно, и за каждымъ стихомъ произносятъ *святый вечеръ и добрый вечеръ*, а иногда отдѣльно. По окончаніи пѣсни поздравляютъ съ праздникомъ и святымъ вечеромъ, или Рождествомъ Христовымъ.

Иные изъ колядчиковъ, подходя подъ окно, говорятъ: *чи колядовать ? или благословите вечеръ славить*, имъ отвѣчаютъ: *добре*. Иногда одинъ изъ колядчиковъ произноситъ громко и скоро:

Колядую, Колядую,
Ковбасу чую.

Сидитъ дядько на стильцы,
Вбуваетца въ постыльцы:
Здоровъ дядьку износы,
А мыни вынеси ковбасы.
Добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ.

Ой нашъ Царю, Царю!
Небесный Сапарю.
Пошли Боже многа лѣта
Сему господарю. —
Добрый вечеръ!

А въ нашего пана
Собака пьяна,
Лежить на савяхъ,
Въ червонныхъ штавахъ;
А на пичи сидѣть,
Та въ рожокъ гудѣть.

Колядовало четыри бабы,
А пятый дидъ;
Выколядовали по палиниці,
Ище и хлѣбъ. —
А въ дядька, дядька,
Дядина гладка,
Не хоче встаты
Ковбасы даты.

Бигла телычка изъ березнячка,
Та въ дядинъ двиръ;
Я тоби дядю заколядую,
Дай пиригъ.
А ты дядинку хотъ палинычку,
Ой дай те худко,
Побижу прудко,
Бо змерзъ я.
Коротка свытка,
Измерзла лытка.
Брешу я —
Колы неймете виры.
Не хай вамъ поробляця,
На голови дыры.

Колядуй баране,
Не вмію пане! —

Пане господарю!
Богъ тебе кличе.
Дас тобі дни ланя жита,
А третью пшеницы, на паланицы,
Четвертую гречки на варенички,
А пятую овса, и коладка вся!
Вечиръ добрый!
Дайте пирогъ довгий, здобный.
А якъ не дасте,
То самы съесте.

Дѣвушки поють:

Ой якъ бѣе, такъ бѣе,
На шатры на городъ:
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вывели ему коня въ наряди,—
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Винъ коня взять,
Шапочки не сдвѣвъ,
Не поклонься.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вывели ему дивку въ наряди
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Винъ дивку взять,

Шапочку снѣвъ,
И поклонився.
Соколе, соколе ясный!
Молодце красный,
Пане Стефане вельможный.
Боже! дай вечеръ добрый.
Дайте пирога дошій,
А якъ не дасте,
То самы съѣсте.

Богородица Сына породила,
У снхъ святыхъ до себе созвала.
Стали думать и гадать:
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Святого Илии.
Богородица излюбила,
Всехъ святыхъ носмутыла.

Богородица Сына породила,
У снхъ святыхъ до себе созвала.
Стали думать и гадать,
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Святого Петра.
Богородица излюбила,
Всехъ Святыхъ носмутыла.

Богородица Сына породила,
У снхъ святыхъ до себе созвала.
Стали думать и гадать,
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Иисуса Христа.
Богородица излюбила,
Всехъ святыхъ восхранила.

Колядка взрослыхъ :

Чи дома панъ господарь?
А я знаю що винъ дома,
Сидить же винъ въ конци стола,
А на ему шуба люба,
А на шуби поясочекъ,
А на поясочку калиточка,
А въ калиточи снмъ шпеляжечникъ.
Сіому тому по шеляжечку,
А намъ братцы по пирожечку;
Ще того мало,
Дайте кусокъ сала;
Ще того трышки,
Дайте лемешки. —

Дай Боже вечеръ добрый

Дайте пиригъ довгий. —

Поздравляемъ васъ зъ праздиномъ. —

Эту коляду произносятъ еще такъ :

Чи дома, дома, панъ господарь?
А я знаю, що винъ дома,
Сидить же винъ въ кинци стола,
А на немъ шуба нова,
А на шуби калиточка,
А въ калиточки снмъ шпеляжечникъ
Сіому тому по шеляжечку,
А намъ братцы по пирижечку.

Боже дай вечеръ добрый,

А намъ дайте пиригъ добрый.

А якъ не дасте,

То возьму кобылу за чуприну;

Поведу въ кабакъ,

Да пропью за пятакъ.

Въ Подлѣсїи поють дѣти :

Эй коляду, коляду!
Дайте мачку и кутю.
Жкъ не дасте, откажите,
Монхъ ножскъ не забите.
Я дѣтинка маленькая,
Моя ножка босенкая —
Мыкъ, мыкъ!
Вынесите колядникъ (*).

Иные изъ колядчиковъ поють на два голоса, но предъ начатиємъ бросаютъ изъ за угла камень или палку, для соотвѣтствїя предстоящей колядки.

1. Хтось мене, дядьку,
Кизякомъ учкваривъ.

Святый вечирь!

2. Да може не влучивъ?

1. Да дежъ тоби не влучивъ,
Що — й гудзь налучивъ. —

Святый вечирь!

2. Да може не нарокомъ?

1. Да дежъ тоби не нарокомъ,
Щой гудзь пидъ окомъ.

Святый вечирь!

2. Да може на смихъ?

1. Да дежъ тоби на смихъ
Щой гудзь набигъ

Святый вечирь!

2. Да може не дуже?

(*) Goleow. Lud. pols. jeg. zwyc. zabobony. ч. 2. с. 281.

1. Да дежи тобі во думи,
Що ажъ у мозгу струже.

Святый вечирь!

Когда имъ выносятъ что нибудь, тогда
благодарятъ:

Спасибо тобі, дядьку, —
И шелягивъ кипа.
Щобъ же у тебе у поли,
Всего було вдоволи.

Въ заключеніи говорятъ: доброй вечеръ и
всімъ на здоровье.

Ишовъ, перійшовъ місяць по небу,

Святый вечирь!

Да стрився місяць съ ясною зорею,

Святый вечирь!

Ой зоря, зоря де у Бога була,

Святый вечирь!

Де у Бога була, де маєшъ стати?

Святый вечирь!

Де маю стати?—у пана Іаана,

Святый вечирь!

У пана Іаана, да на его двори.

Святый вечирь!

Да на его двори, да у его хаты,

Святый вечирь!

А у его хати да дви радости,

Святый вечирь!

Первая радость, сына женити;

Святый вечирь!

Другая радость, дочку выдавати,

Святый вечирь!

Сына жєниты, молодца Евєнимъ,

Святый вечеръ!

Дочкѣ отдавати молоду Настусю:

Святый вечеръ!

Бувай же здоровъ, молодче Евєнику,

Святый вечеръ!

Да не самъ зъ собою: зъ отцѣмъ, зъ матерью,

Святый вечеръ!

И зъ милымъ Богомъ и зъ всимъ родомъ,

Святый вечеръ!

Зъ Исусомъ Христомъ Святимъ Рождествомъ.

Святый вечеръ!

По окончаніи пѣсни говорятъ: *поздравляемъ васъ пане добродію, и паниматко, и всихъ вашихъ зъ Святимъ вечеромъ. Дай Боже вамъ дого жити да веселицѣ. Колядовщикамъ высыпаютъ денегъ, или дарятъ чѣмъ другимъ. Если долго имъ не даютъ, то продолжаютъ пѣть, пока не вышлютъ. Случается, что имъ ничего не даютъ, тогда говорятъ, что хозяинъ и хозяйка скупиндяги (скупые).*

Слѣдующія пѣсни поются во время праздничныхъ забавъ:

Ой въ Кієви да на рывочку,

Та на жовтымъ песочку.

Тамъ дивочка садъ сажала,

Садъ сажала, поливала,

Поливаючи примовала:

Рости, саду! высче мене,

Высче мене, красче мене!

Ой гула, гула крутая гора;
Що не вродилась шквова трава,
Тылько вродила зелене вино.
Красная паня вино стерегла,
Вино стерегла, крипко заснула.—
Якъ налили райскіи пташечки,
Одзябали зелене вино.
Да пробудили красну панну—
Ой скорожъ вона тоби учула,
Своимъ рукавцемъ на нхъ махнула.
Ой шуги, въ луги! райскіи пташки,
А минн вина самой надобно.
Брата жениты, сестру отдавати,
Сама молода заручена!—

Да чому ты, дивчино, гуляты не йдешъ?
Ой якъ же минн гуляти пійты,
Що мон братики зъ війска пріихали.
Привезли минн три подарочка,
Першій подарокъ, золотый перстень;
Другій подарокъ, зелена сукня;
Третій подарокъ, перловая нитка.
Золотый перстень якъ огонь сіае,
Зелена сукня, слидъ заметае;
Пермова нитка, головку обв'язуе.—

А въ сего пана скамья заслава,
Та на сей скамьи, три кубки стоять;
Въ першемъ кубци, медокъ солодокъ;
У другимъ кубци, крипкіе вино;
У третьемъ кубци, зелене вино.
Зелене вино, для пана сего,

Крикѣ вино, для ~~лишки~~ его;
Медокъ солодокъ, для ~~дитокъ~~ его.

Въ тому саду три корыстовьки:
Перша корысть, то оришьяньки;
Другая корысть, то вышеньки,
Третья корысть, то яблучки.

Оришками чечоватися,
Яблучками подкидатися.

Да бувай здорова зъ батькомъ, матерью.
И зъ милымъ Богомъ и зо всимъ родомъ,
Исусомъ Христомъ, Святымъ Рождествомъ.

Колядованье и щедрованье, не есть одно *Щедри-*
и тоже. Многіе изъ нашихъ писателей со-^{чи.}
единили ихъ вмѣстѣ. — Колядованье бываетъ
въ первый день Р. Х., а въ иныхъ мѣ-
стахъ продолжается и нѣсколько дней сряду;
между тѣмъ, какъ щедрованье или *щедрилки*,
всегда однажды, предъ новымъ годомъ. Это
есть собственно праздникъ мальчиковъ и дѣ-
вухекъ, которыя щедруютъ вечеромъ подъ
окнами. Случается, что участвуютъ въ щедро-
ваніи молодыя женщины и *парубки*, но въ та-
комъ случаѣ они подвергаются посмѣянію и
имъ ничего не даютъ. — Чтобы получить что
нибудь отъ домохозяевъ, они притворяются
подъ голосъ дѣтей. Однако ихъ голосъ узна-
ютъ. — Это они дѣлаютъ изъ одной шалости.

Мальчики щедруютъ и поютъ вездѣ едино-
образно: или очень протяжно или скоро:

Щедрикъ ведрикъ. ;
Дайте вареникъ,
Грудучку кашки
Кильце кавбаски.
Ще того, мало —
Дайте сала:
Ще того тришки,
Дайте лемипки.
Або дайте ковбасу,
Я до дому понесу ;
А якъ дасте кышку,
То зымъ у затышку.
Дай Боже вечеръ добрый,
Дай те пиригъ довгий,
Поздравляемъ васъ зъ праздникомъ.

Васильева маты,
Пшла щедроваты.
У стола стояла,
Золотый крестъ держала,
И золоту кадилицю.
Христитесь люды,
Отъ вамъ Христось буде. (*)
Богу свичу ставте,
А намъ пиригъ дайте.

(*) Въ простонародіи господствуетъ мнѣніе, что родившійся Христось невидимо ходитъ на святой вечеръ и въ новый годъ, къ добрымъ людямъ, и ниспосылаетъ на нихъ благословіе, поэтому здѣсь и сказано: *отъ вамъ Христось буде.*

Послѣ пѣнія приговариваютъ:

Вечирь добрый!
Давайте пироги довгий,
А хотъ коротенакій,
Дабы смашищный.

Маланка ходыла,
Васыла просыла:
Васылку, мій батьку,
Пусты мене въ хатаку.
Я жита не жала,
Честный крестъ держала,
Золотую кадильничку;
Срыбну хрыстынничку. —
Радуйтеса люди,
Къ вамъ Христось буде,
Богу свичу ставьте,
А намъ пиригъ данте,
А на тарылочку и денежку.

Ой на рыцци, на Іордани,
Тамъ Пречыста ризу прала;
Прала, прала, тай вымывала.
Щедрый вечирь, добрый вечирь!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Повисыла та на ялыни,
Щедрый вечирь, добрый вечирь!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Прывитылы янголыта,
Взяли ризу на крылатѣ.
Щедрый вечирь, добрый вечирь!
Добрымъ людямъ на здоровье! —

Поньма рину по нидь небесахъ,

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!

Добрымъ людямъ на здоровье!

Вси небеса растворилля,

Щедрый вечеръ добрый вечеръ!

Добрымъ людямъ на здоровье!

Вси святии поклонилля.

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!

Добрымъ людямъ на здоровье!

Несетъ се птахъ, —

А се есть Пречистой сынъ.

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!

Добрымъ людямъ на здоровье!

Дай Боже вечеръ добрый,

А намъ ширитъ догдй. (*)

Да сивъ Христось, да вечерати

Щедрый вечеръ,

Добрый вечеръ,

Добрымъ людямъ,

На здоровье!

(*) Въ изданіи Малорос. пѣсн. г. Максимовича, 1827 г.
с. 178 причислена къ щедривки слѣдующая пѣснь.

Улетивъ соколъ изъ улицы въ дворъ.

Ой сивъ же винъ на оконеньку,

Кватырочку одчиняе,

У свитличку заглядае:

Ще свитличка не метена,

Ще Марусинька не чесана;

Не чесалась, не вымалась,

На батинька розгивалась:

Сукню пошили, — покоротили,

Черевки зшили, — да помалали.

Да пришлажъ къ нему, да Божая-мату

Щедрый вечеръ,

Добрый вечеръ,

Добрымъ людямъ,

На здорowie! (*)

Въ Черной Россіи также въ обыкновеніи щедровать. Парни и дѣвушки, ходятъ подъ окна: домохозяевъ и поютъ пѣсни, за что богатые даютъ имъ деньги, а недостаточные киними (долгой клѣбъ) и пироги:

Щедрый вечеръ!

Добрый вечеръ!

Добрымъ людямъ

На весь вечеръ.

Щедрый вечеръ!

Добрый вечеръ!

Чи есть въ дому

Павъ господарь?

Ой есть въ дома,

Винъ въ конецъ стола;

На нимъ шуба

Соболева

А въ той шуби,

Дзенкатора;

Въ дзенкатори, (**)

Ста червонцивъ.

По содержанию она вовсе не соответствуетъ щедривкамъ, имѣющимъ въ виду поздравленіе предъ новымъ годомъ.

(*) Эту пѣсню щедруютъ дѣвушки, но она здѣсь не подана.

(**) Слово дзенкаторъ, по значенію пѣсни, должно быть карманъ въ шубѣ. —

Сему, тому,
По червочному,
А намъ, дѣтямъ,
По пшелянечку,
По пирожечку. —
Добрый вечеръ! —

Елка. Колядскія забавы хотя совершаются во всей Россіи, однако въ мѣстахъ, гдѣ живутъ иностранцы, особенно въ столицѣ, вошла въ обыкновеніе елка. Въ Европѣ существовалъ съ давнихъ временъ обычай дарить дѣтей, какими нибудь подарками, предъ Рождествомъ Христовымъ и на новый годъ.

Для празднованія елки избираютъ преимущественно дерево елку, отъ коей дѣтское празднество получило наименованіе; ее обвѣшиваютъ дѣтскими игрушками, которыя раздаютъ имъ послѣ забавъ. — Богатые празднуютъ съ изысканной прихотью. Одинъ изъ петербургскихъ богачей, заказалъ искусственную елку вышиною въ 3 $\frac{1}{2}$ арш., которая была обвѣта дорогой матеріею и лентами; верхушка елки была испещрена ленточками разныхъ цвѣтовъ; верхнія вѣтви ея были увѣшаны дорогими игрушками и украшеніями: серьгами, перстнями и кольцами; нижнія вѣтви цвѣтами, конфетами и разнообразными плодами. Въ десять часовъ вечера, стали съѣзжаться дѣти;

ихъ привозили маменьки и взрослые сестрицы. Комната, гдѣ находилась елка, была освѣщена большими огнями; повсюду блистала пышность и роскошь. Послѣ угощенія дѣтей, заиграла музыка. Танцы начались дѣтьми, а кончались сестричками. По окончаніи вечера, пустили дѣтей срывать съ елки, все то, что висѣло на ней.

Дѣтямъ позволяется взлѣзать на дерево; кто проворнѣе и ловчѣе, тотъ пользуется правомъ брать себѣ все, что достанетъ; но какъ эта елка была высокая, и не многіе отваживались взлѣзать, то имъ помогали ихъ миленькія сестрицы: онѣ подставляли стулья и указывали на вещи преимущественно заманчивыя.

Елка эта стоила около 50,000 рублей. — Одни Русскіе сорятъ деньгами. Недаромъ иностранцы думаютъ, что у cadaго Русскаго золотыя горы. — Кто живетъ на чужой землѣ скромно, о томъ думаютъ, что онъ притворяется бѣднякомъ.

Нѣтъ семейнаго дома въ Петербургѣ, гдѣ бы не праздновали елку. Есть еще обычай, что дѣти въ этотъ день и новый годъ, говорятъ похвальный стихи своимъ родителямъ, и въ нихъ выражаютъ непритворную къ нимъ свою любовь, желаютъ имъ наслаждаться здо-

рожденья, долго шить и вышивать. Трудъ, чтобы ихъ дарить.

Въ Германіи ставятъ дереве обѣшанное ягодами, конфектами и игрушками, которыя представляютъ исторію Рожденія Спасителя.

Елка доставляетъ дѣтямъ веселое препровожденіе времени. Она первоначально сдѣлалась извѣстною въ Москвѣ, съ половины XVIII вѣка; оттуда перешла въ Петербургъ, въ царствованіе Петра I.

Кавунъ новаго года извѣстенъ во всей Россіи, подъ именемъ *Васильева вечера*, въ который проводятъ старый годъ съ возможнымъ веселіемъ, чтобы новый былъ счастливой. Въ орловской губерніи жарятъ въ этотъ вечеръ годового поросенка, и съѣдаютъ цѣлымъ семействомъ.

Вообще о новомъ годѣ. Со святками тѣсно соединено празднованіе новаго года, а потому не отбѣляя его, скажемъ: новый годъ не составляетъ церковнаго праздника; онъ есть гражданскій.

Начало года надобно искать въ глубокой древности. Въ языческіе народы, означено было разными богослужебными обрядами, торжественными приношеніями и забавами. Египтяне праздновали воскресеніе Осириса, или новый годъ. Греки и Римляне, ознаме-

называли радостными и всенародными играми. Не было народа, который не встречалъ бы новый годъ, особеннымъ празднествомъ. Пляска и пиршества, слѣдовали за таинственными обрядами. Не только народъ, но жрецы надѣвали на себя маски, съ изображеніемъ разныхъ божествъ; ходили по городу, цѣли и танцовали подъ музыку. Греки, любившіе веселость и удовольствія, переряжались и бѣгали толпами по домамъ, гдѣ ихъ угощали, и всѣ веселились. Женскій полъ, болѣе изобрѣтательный въ удовольствіяхъ, наряжался въ мужскія платья, или, собравшись на вечера званые, занимался гаданіемъ и пѣніемъ подблюдныхъ пѣсней. Римляне встречали новый годъ съ торжественною важностію: консулы и патриціи, приходили въ пышныхъ одеждахъ во храмъ, для принесенія жертвъ. Первосвященникъ молилъ боговъ о ниспосланіи на народъ новыхъ милостей, и объ отвращеніи отъ него всякихъ бѣдствій.—По принесеніи жертвъ, все предавалось забавамъ: пиروвали, танцовали и бѣгали переряженные въ маскахъ по улицамъ, за полночь. *Въ дни солнца*, такъ называлось перенесеніе этого праздника на первое января, считалось безстыднымъ вестъ между собою раздоры: всѣ должны были примириться, и самыя тяжбы прекратить. Въ этотъ день ходили поз-

дравлять другъ друга, какъ обѣтнѣй день для
мира, и дарили взаимно. Патриція и богатые
отпускали на волю своихъ рабовъ, а дѣти осло-
бождались изъ подъ отцовской власти.

Обычай поздравлять въ новый годъ, пере-
шелъ отсюда въ Европу, и нынѣ онъ въ чи-
слѣ праздничныхъ дней.

*Старин-
ный граж-
данскій
годъ, съ 1
сентябр.* Новый годъ начинался у насъ прежде съ
марта мѣсяца, и это продолжалось до 1348 г.;
потомъ стали вестъ съ 1 сентября 1348 г.,
и таковое лѣтосчисленіе употреблялось до
1700 г.

Въ ветхозавѣтной церквѣ мѣсяцъ сентябрь
праздновался ежегодно, въ ознаменованіе по-
коя отъ всѣхъ житейскихъ заботъ. «Рече Гос-
подь къ Мойсею, рцы сыномъ Израилевымъ:
мѣсяца седьмаго (сентября, по европейскому ис-
численію), въ первый день мѣсяца, да будетъ
вамъ покой, всякаго дѣла работая не сотвори-
те во всѣхъ селеніяхъ вашихъ, и принесете все-
сожженіе Господу (*).» — «Шесть дней дѣлай, въ
день же седьмый, суббота Господу Богу Твое-
му: да не сотвориши всякаго дѣла въ осьмой.
Тако и мѣсяцъ седьмый благослови, и освати его,
и повелѣ людямъ своимъ почити въ немъ отъ

(*) Левитъ гл. XXIII, ст. 24 и 25, изъ кн. Мойсеев.

дѣлѣ своихъ.» Мѣсяца седьмаго сего, агда окончатѣе жита земли, да празднуете Господу. (*)».

Съ сентябремъ оканчивалась повсюду жатва, и потому всѣ народы приносили благодареніе Богу. Кромѣ празднованія, за успешное окончаніе сѣвскихъ работъ, мѣсяцъ сентябрь, бывъ достопамятнымъ по важнымъ событіямъ для всего міра, содѣлался предметомъ набожнаго воспоминанія. Въ этомъ мѣсяцѣ остановилась Ноевъ ковчегъ на араратской горѣ; пророкъ Мойсей вторично сходилъ съ горы синайской, неся новыя скрижали, съ начертанными на нихъ законами; воздвигнута синніа Господня и Архіерей великій приносилъ, во Святая Святыхъ, однажды въ годъ безкровную жертву; калялись люди въ грѣхахъ, изнурая себя постомъ и смиреннымъ всесожженіемъ предъ Богомъ; освященъ чудесный великолѣніемъ и роскошью храмъ сіонекій, построенный царемъ Соломономъ, и внесенъ сюда кивотъ завета; собирались въ Іерусалимъ всѣ колѣна Израилевы, и праздновали по повелѣнію Господа: «субботы субботъ да будетъ вамъ седьмый мѣсяцъ, и смирите души ваши предъ Господомъ» (**).

(*) Исход. гл. XX, ст. 9 и 10; Левит. гл. XXIII, ст. 10.

(**) Исход. гл. XXXIV, ст. 29 и гл. XXXV. Лев. гл. XVI, ст. 34; къ Евреямъ. гл. IX, ст. 3 и 7. Лев. гл. XXIII; II. кн. цар., гл. VIII; Лев. гл. XXIII, ст. 32.

обитовавшую землю; тогда по повелѣнію Божию, они обязаны были праздновать въ этотъ мѣсяцъ, каждый пятидесятый годъ, и убивать низкихъ животных; ни орать, ни засѣвать полей; ни собирать винограду, ни плодовъ отъ садовъ, чтобы все оставшееся было въ пищу убогимъ людямъ, птицамъ и звѣриямъ. — Возвѣстите трубнымъ гласомъ во всей землѣ вашей, и освятите лѣто, пятидесятое лѣто, и разгласите оставленіе на землѣ, всѣмъ живущимъ на ней: ни сѣять, ниже жать будете, еже само произникнетъ на ней, и да не объемлеше освященныхъ ея, но да ясти будутъ убогѣмъ языку твоему; останки же да сѣдѣятъ звѣрѣмъ дикимъ, тако да сотвориши винограду твоему, и масличю твоему» (*). Въ это пятидесятое лѣто, отпускали рабовъ на волю, прощали долги и совершали очищеніе отъ грѣховъ. — Пятидесять лѣтъ раздѣляли на семь седмицъ, седьмой годъ именовался *суббота* и *покой*, и всегда онъ приходилъ въ сентябрь мѣсяцъ. «Да возвѣстите лѣто покоя въ седьмый мѣсяцъ, сѣе есть въ сей сентемврѣй, то бо есть седьмый отъ марта; ниже первымъ есть отъ бытія міра» (**). Самые язычники праздновали сентябрь мѣсяцъ,

(*) Лев. кн. XXV, ст. 9—11. Исх. кн. XXIII, ст. 11.

(**) Лев. кн. XXV, ст. 3, 4 и 9.

ибо съ перваго числа его величїи и дїи (пять-
надцати-лѣтнее счисленіе).

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оканчивалось лѣто, и
начиналась осень, тогда и самая природа по-
всюду измѣнялась. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ собира-
ли хлѣбъ съ полей и плоды съ садовъ, люди
оканчивали всѣ работы сѣвныя и веселились
послѣ тягостныхъ трудовъ, и въ томъ мѣсяцѣ
праздновали ветхозавѣтныя и гражданскія со-
бытія, — вотъ почему въ послѣдствіи времени
стали вестъ новый годъ съ перваго сентября,
котораго начальный день есть праздникъ *Си-
меона марсаго столыника*, совершаемый доны-
нѣ нашей Церковью (*) и извѣстнаго въ простомъ
народѣ подъ именемъ *Семена лѣтопроводца*,

(*) Симеонъ родился въ Сисанѣ, Киликійской странѣ
отъ христіанскихъ родителей Сусотїона и Маремъ. На три-
надцатилѣтнемъ возрастѣ онъ внималъ пѣнію и чтенію бла-
женнаго Теодорита, и потомъ удалился въ монастырь, гдѣ
въ короткое время выучилъ наизусть весь Псалтырь. На
18-лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ уже многотерпѣливый инокъ,
и однажды въ недѣлю принималъ пищу. Умерщвляя тѣло
свое отъ волненія страстей, онъ обвязалъ себя колючей епи-
нковою веревкой, отъ бедръ до шеи, и послѣ десяти дней
появились на тѣлѣ раны, а въ костяхъ черви, которые, во
время хожденія, падали съ него и наполняли воздухъ сира-
домъ. Онъ оставилъ монастырь, и скитаясь по горамъ и пу-
стынямъ, поселился въ одномъ безводномъ колодезѣ, вмѣстѣ
съ гадами. Отсюда онъ перешелъ на гору, близъ селенія
Талонисъ, и прожилъ въ келїи, — выдолбленной изъ одного
камня, — три года. Тамъ онъ постился. Отсюда онъ перешелъ

потому что съ симъ днемъ оканчивалось лѣто, и начинался новый годъ. Онъ былъ у насъ торжественнымъ днемъ празднованія, и предметомъ разборовъ срочныхъ условій, собираній оброковъ, податей и личныхъ судовъ. В. К. Іоаннъ III велѣлъ всѣмъ имѣющимъ жалобу явиться на судный срокъ въ Москву, — въ день Симеоновъ лѣтопроводца. — Тогда же онъ казнилъ вятскихъ измѣнниковъ. — Если воеводы, окольные, волостели и старосты, не могли рѣшить тяжбыныхъ дѣлъ или осудить уличенныхъ въ преступленія; то рѣшались въ Верховной Думѣ, часто самимъ Царемъ, почему и говорили *рѣшилъ Богъ, да Государь*. Уличенному въ преступленіе объявлялся приговоръ, обыкновеннымъ выраженіемъ: *пойманъ ты есть Богомъ и Государемъ*

на высшій холмъ, и чтобы никогда не сходить съ него, онъ приковалъ лѣвую ногу свою къ камню и очи свои возводилъ на небо, — молясь мысленно. Когда распространилась объ немъ слава, тогда стали стекаться къ нему, даже изъ далекихъ странъ, и всѣ недужные получали отъ него изцеленіе. Блаженный былъ тревожимъ посещеніемъ народа, и желая успокоить себя отъ него, онъ поставилъ въ 6 локтей въ вышину столпъ, на немъ келію въ два локтя, и сталъ первый проводить здѣсь время въ постѣ и молитвѣ, потому онъ называется *первый столпникъ*. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, благочестивые люди выстроили ему столпъ, и возвели въ высоту на 36 локтей, наконецъ окружили двумя каменными оградами. На столпѣ онъ стоялъ 80 л., и скончался на 103 г. отъ своего рожденія. Питался однимъ медовымъ сотомъ и водою. — См. Четьи-минею, сентяб. 1.

Великимъ, отъ чего вошло въ пословицу: *спѣ-
дана Богъ да Гоеударь*. Невиншіеся къ от-
вѣту въ срокъ, признавались виновными, и да-
валось знать о томъ воеводамъ, намѣстникамъ
и проч. правительственнымъ лицамъ, о приве-
деніи въ исполненіе наказанія, что называлось:
чилить праведъ. Оправданному въ преступле-
ніи, давалась *правая грамота*. Для явленія на
судъ, опредѣлялось три срока въ году: Рож-
дество Христово, Троицынъ день и Семеновъ
день. Къ Семенову дню вносились оброки
крестьянскіе, пошлины и срочные платежи.
Царь Іоаннъ IV тоже, опредѣлялъ срочный
оброкъ, въ день Семена лѣтопроводца. Царь Бо-
рисъ Годуновъ постановилъ послѣдній пере-
ходъ земледѣльцевъ къ первому сентябрю, но-
велѣвъ, чтобы послѣ этого срока записать ихъ
за тѣми владѣльцами, на землѣ коихъ они жи-
ли (*). Царь Василій Шуйскій подтвердилъ его
распоряженіе, во всей силѣ. Замѣчательно еще,
что въ прежній новый годъ, Годуновъ вѣчалъ
на царство, а Царевичъ Феодоръ Алексѣевичъ
объявленъ, отцемъ его Царемъ Алексѣемъ
Михайловичемъ, наследникомъ престола.

На канунъ новаго года благовѣстили повсюду въ Москвѣ, и отправляли вечеромъ по уставу:

*Встрѣча
новаго го-
да, въ первое
сентября.*

(*) Судебн. Царя Іоанна Васильевича.

Патріархъ облачался и слушать молебна; всѣ стояли съ зажженными свѣчами. Въ заутреню раздавался снова благовѣстъ, а послѣ заутренни благовѣстали въ саловой полоколѣ (въ главной). До полудни народъ стекался на Ивановскую площадь, — между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Тамъ ставили два нады съ паволоками; на одномъ изъ нихъ лежалъ образъ Симеона Столпника. По правую сторону отъ Благовѣщенскаго собора, устраивали для Царя мѣсто съ паволоками; а другое для Царьосвятителя, съ коврами. Патріархъ Филаретъ, отецъ вѣнчаннаго Михаила Теодоровича, совершалъ торжественное моленіе. — По отслуженіи утренней обѣди въ Успенскомъ соборѣ, выносили Св. образа и хоругви, чрезъ западныя двери; Патріархъ шествовалъ въ великолѣпной одеждѣ, со всѣмъ духовенствомъ, останавливался предъ церковными воротами на востокъ, и начиналъ молитвословіе: «о аже благословити Господу вѣнецъ лѣта, благостію святою». Послѣ молитвословія Царь цѣловалъ Св. Евангеліе, а потомъ Патріархъ благославлялъ его оскѣненіемъ Животворящаго Креста, и спрашивалъ о его здоровьи. За тѣмъ оба отправлялись на красную площадь, въ сопровожденіи священнаго пѣнія и безчисленной толпы народа. Тутъ начиналось молебствіе съ водоосвященіемъ

мо окончаніи его, Патриархъ привѣстивъ
Монарха: «Государь, Богомъ вѣнчанный!
Царь и Великій Князь, обладатель многихъ Го-
сударствъ и Самодержецъ всел. Россіи! Въ на-
стоящій день новаго лѣта: мы молились Собо-
ромъ о вселенскомъ устройствѣ и благоустои-
ніи Святыхъ Божиихъ церквей, о вашемъ мно-
голѣтіи, Государь, бояръ, Христолюбивомъ во-
инствѣ и о всемъ Православномъ Христіанствѣ,
и чтобы Господь Богъ даровалъ Вамъ; Вели-
кому Государю, и Христолюбивому нашему во-
инству: крѣпость, храбрость, побѣду и одола-
ніе видимыхъ и невидимыхъ враговъ; возвы-
силъ бы Васъ Господь Богъ надъ всеми ино-
племенными народами, покорилъ бы къ сто-
памъ Вашимъ всякаго супостата, и царство
устроилъ бы во благоденствіи. Дай Господи, что-
бы Вы, Государь, наслаждались здоровьемъ съ
Государынею Царицею и со всеми Вашими до-
момъ, со всеми освященнымъ соборомъ, боя-
рами, Христолюбивымъ воинствомъ и со все-
ми Православными Христіанами. Здравствуй
Государь, въ нынѣшній годъ и на многія лѣ-
та!» Поздравилъ Царя съ новымъ годомъ, Пат-
риархъ окропляетъ его Святой водою, и воз-
вращался въ Успенскій соборъ для совершенія
обѣдни. Государь же поздравлялъ всѣхъ окру-
жающихъ его и народъ, который стѣвчалъ гро-

мегласно: «здравствуй на многія лѣта, надѣйся Государь!». Послѣ сыпали въ толпу народа мелкія деньги; богатые люди разбрасывали, по страннопріимнымъ домамъ, милостыню; другіе посылали отъ себя кушанье, всякаго рода хлѣбы: калачи, коржи, пироги, пряники и проч.; снабжали съ изобиліемъ жизненными припасами, надѣляли бѣдныхъ одеждою и пріютомъ, и новый годъ ознаменовывался благочестивыми дѣланіи. — Колокольный звалъ Иова Великаго возвѣщать о наступленіи новаго года, въ продолженіе цѣлаго дня. Встрѣча новаго года совершалась съ танковымъ же обрядомъ до времени Петра I, который въ послѣдній разъ торжествовалъ въ 1699 г., по древнему обычаю, на большой Ивановской площади. Онъ сидѣлъ на престолѣ, въ царскомъ одѣяніи, и принималъ поздравленіе отъ Патріарха Адріана, придворныхъ, гражданскихъ, военныхъ чиновъ и всего народа. — Одинъ нѣмецкій путешественникъ, бывшій въ Москвѣ въ царствованіе двухъ Государей: Іоанна и Петра, описываетъ встрѣчу новаго года слѣдующимъ образомъ: «на Кремлевской площади сидѣли оба Царя, на своихъ престолахъ, въ драгоценныхъ одеждахъ; ихъ окружали бояре и народъ. Патріархъ взошелъ на возвышенное мѣсто, опрокинулъ въ и все собраніе св. водкою,

далъ Государямъ цѣловать крестъ, и пожелалъ имъ долголѣтія и счастливаго царствованія. — Потомъ обратился къ народу, поздравилъ его съ новымъ годомъ и просилъ Божіаго благословенія во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. Народъ отвѣчалъ: «аминь! аминь! (воистину, воистину).» — Бояре, сановники и присутствовавшіе иностранцы сѣвши поздравить Царей съ новымъ годомъ. По принятіи поздравленій, Цари возвратились въ Кремлевскій дворецъ (*).

Съ истеченіемъ XVII ст., прекратилось празднованіе Царями новаго года, среди своего народа; но Церковь донынѣ празднуетъ новолѣ-

(*) *Anfang von der Russischen oder Moskowitischen Religion.* Leipzig. 1698 г. Древ. Вивл. Ч. VI. с. 163. Чина въ летописяхъ, изд. 1788 г.; Требникъ мірскій 1699 года. *Wichart: Moskowitischen Beschreibung in dem Jahr 1675*, с. 76 — 82, говоритъ между прочимъ, что на Кремлевской цющади, при пожеланіи Патріархомъ долголѣтствія царственному дому, въ-присутствіи многочисленнаго духовенства, государственныхъ чиновъ, иностранныхъ Посланниковъ и народа, играла музыка; что Царь Алексѣй и Патріархъ цѣловали взаимно другъ у друга руку; что Евангеліе, которое держали два Митрополита предъ Патріархомъ, было цѣною въ 170,000 червонцевъ; что послѣ поздравленія Патріархомъ, ближній Бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій приносилъ поздравленіе Царю, съ первостепенными Боярами и Князьями; за ними поздравляли Государя Митрополиты, а наконецъ и все духовенство.

тіе въ первое сентябръ, которое между народами превратилось въ *бабье лѣто*, сопровождаемое особыми своими забавами и увеселеніями.

Обычай поздравленія другъ друга съ новымъ годомъ появился у насъ не ранѣе XVII в. До сего времени онъ составлялъ церковный и торжественный обрядъ для Царей; конѣ наши Святители поздравляли всенародно на Красной площади. Князь Курбскій, любимецъ Іоанна IV и бѣжавшій потомъ отъ его гнѣва въ Польшу въ половинѣ XVI в., оуждастъ обычай поздравленія съ новымъ годомъ, считая оный противнымъ Христіанину, и думаетъ, что это поруганіе, а не оказываніе чести. «Неистовъ тотъ, говоритъ Курбскій, кто поздравляетъ челоуѣка, наилучшее созданіе Божіе, съ бездушнымъ новымъ годомъ. . . . Годы и времена, назначенныя на служеніе челоуѣку, суть бездушныя. Какъ можно желать здоровья челоуѣку, безчувственными предметами? — Перекрестись, образумься, проклѣни дьявола и впредь не поздравляй.» (*)

Нигдѣ не господствуетъ въ такой степени поздравленіе съ новымъ годомъ, какъ въ Россіи. Люди всѣхъ возрастовъ и сословій спѣшаютъ

(*) Сказанія Кн. Курбскаго Ч. II, изд. 1833. с. 210—211. Записки Курбскаго, издавныя подъ именемъ *Сказаній*, есть полезный и добросовѣстный трудъ, Профессора Устрялова.

непрерывъ привести взаимное поздравленіе съ наступившимъ новымъ годомъ и съ желаніемъ новыхъ благъ.

Поселяне равномерно встрѣчаютъ новый годъ поздравленіями, и канутъ его провожаютъ пирушками. Въ орловской губерніи, подъ новый годъ, рѣжутъ годовалаго поросенка и жарятъ. Вечеромъ садятся за столъ и всего непрестанно сѣдуютъ. Этотъ поросенокъ называется *касарецкимъ*, по имени праздника въ честь Василія Кесарійскаго.—Вытѣняютъ всѣмъ въ обязанность пить во время ужина водку, чтобы прогнать старый годъ.

Съ 1700 г. введенъ у насъ нынѣшній новый годъ. — Введеніе новаго года повелѣвалось начать повсюду торжественнымъ молебствіемъ, съ колокольнымъ звономъ, пушечною и ружейною пальбою, и чтобы всѣ, съ наступленіемъ праздника, поздравляли другъ друга; въ Москвѣ же приготовлялись встрѣтить его съ особыми обрядами. Наканунъ новаго года улицы насыпали ельникомъ а дома украшали зелеными вѣтвями. Въ полночь начались во всѣхъ церквахъ всенощныя, а поутру обѣды, послѣ которыхъ отправлялось молебное пѣніе, при колокольномъ звонѣ, съ испрашиваніемъ благословенія Божіаго на новоначавшійся годъ. Въ то время, бывшее въ Москвѣ

*Новый годъ
съ 1700 г.,
января пер-
ваго.*

войско, выступало строемъ изъ разныхъ частей города и шло съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и воинскою музыкою въ Кремль. Государь, разставивъ войско на Ивановской площади, отправился со всѣмъ дворомъ и вельможами, одѣтыми въ великолѣпныя одежды, въ Успенскій соборъ, для слушанія Божественной литургіи, которую отправлялъ рязанскій Митрополитъ Стефанъ, со всѣмъ духовенствомъ; по окончаніи службы онъ говорилъ проповѣдь, доказывая ея необходимость таковой перемѣны. Послѣ проповѣди, святитель Стефанъ со всѣми архіереями и многочисленнымъ духовенствомъ, совершалъ благодарственный молебенъ съ коленопреклоненіемъ. При возглашеніи Монарху изъ всего Царскому дому многолѣтія, начался колокольный звонъ во всей Москвѣ, пушечная пальба и троекратный бѣглый огонь отъ разставленныхъ полковъ. Государь поздравлялъ всѣхъ съ новымъ годомъ, и самъ отъ народа принималъ поздравленіе. — Потомъ онъ угостилъ нынѣшнимъ столомъ первенствующее духовенство и всѣхъ знатныхъ Русскихъ и иностранныхъ особъ. Послѣднія находились за столомъ съ своими женами и дочерьми; во время обѣда играла музыка, сопровождаемая хоромъ придворныхъ и патриаршихъ пѣвчихъ. Для народа

были выставлены предъ дворцемъ и триумфальными воротами разныя кушанья и чаны съ пивомъ и виномъ. Ввечеру всѣ улицы и дома были освѣщены разными огнями и прозрачными картинами, а немного позже, предъ дворцемъ и въ разныхъ частяхъ города, сожжены фейерверки и потѣшныя огни, въ сопровожденіи многочисленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Потомъ во дворцѣ былъ великолѣпный балъ и ужинъ, и сѣмъ заключилось торжественное введеніе новаго года. — Народъ сначала смотрѣлъ съ удовольствіемъ на забавы потѣшныя, но послѣ оныхъ и многія знатныя стали роптать, не понимая: какъ Государь могъ перемѣнить теченіе солнца! Въ предположеніи, что Богъ сотворилъ весь міръ въ сентябрь мѣсяцѣ, недовольные нововведеніемъ долго оставались при своемъ мнѣніи считая новый годъ по древнему обычаю (*).

Значеніе года неопредѣлено на славянскомъ языкѣ. У русскихъ, богемскихъ и вендскихъ Славянъ, онъ называется единообразно годомъ. У Венедовъ годъ собственно значить праздникъ, у Поляковъ, *рокъ* значить годъ и время неизбѣжное, судьбу или участь. У нихъ глаголъ *rokować*, доселѣ значить догадывать

(*) Годикъ. Дзвиз. П. В. ч. 2. с. 2—6.

ся, гадать по выводамъ или заключеніямъ, потому что на новый годъ производились гаданія. Есть еще польское слово *gody*, и значитъ пиръ. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думаютъ, что *gody* былъ народный увеселительный праздникъ, какъ святки. — Но ни по какимъ народнымъ событіямъ не видно, чтобы *gody* когда нибудь праздновался, или образовалъ какой нибудь праздникъ, и даже урочное увеселеніе, какъ святки, которые у всѣхъ Славянъ доселѣ составляютъ празднество. Другіе стали производить годъ отъ *godzię* — примирять, договариваться о цѣнѣ. Но и это не справедливо.

Годъ дѣлится нынѣ на четыре части времени: зиму, весну, лѣто и осень; но прежде наши предки раздѣляли его на зиму и лѣто, или на зимнее и лѣтнее время. У древнихъ Германцевъ годъ раздѣлялся на зиму, весну и лѣто; первая часть времени почиталась у нихъ священной, потому что тогда отправляли важнѣйшіе праздники въ честь кумировъ. Съ развитіемъ гражданской образованности это раздѣленіе измѣнилось.

У насъ существовало долгое время *пролѣтъ*, т. е., первые три весенніе мѣсяца, и съ марта начинался пролѣтній мѣсяцъ. Въ честь его праздновали *авсекъ*, *осень* или *таусень*,

который въ послѣдствіи переиелъ на новый годъ. Самое же лѣто, въ древности, заключалось въ нынѣшнихъ трехъ весеннихъ и трехъ лѣтнихъ мѣсяцахъ, — послѣдніе шесть мѣсяцевъ заключали зимнее время. Потомъ наши предки, усвоивъ слово годъ отъ своихъ собратій Славянъ, приняли его не въ смыслѣ праздника, но въ значеніи всего годичнаго времени, а лѣто, какъ его часть.

Временныя измѣненія въ природѣ подали поводъ къ ознаменованію ихъ разными пиршествами и обрядными дѣйствіями. Новый годъ или новое лѣто принадлежитъ къ числу гражданскихъ праздниковъ. — Кто не провожаетъ стараго и не встрѣчаетъ новаго года съ особливою радостію! Иному прошлый годъ былъ несчастливъ, но и тотъ его провожаетъ, въ надеждѣ найти въ новомъ счастіе для себя. Другой радовался и наслаждался всѣми земными благами и встрѣчаетъ новый годъ съ трепѣтнымъ волненіемъ: таковъ ли онъ будетъ для него и теперь? Перебирая въ своемъ умѣ всѣ счастливыя и несчастливыя выполненія, всякой ждетъ и желаетъ лучшаго въ новомъ. Всѣхъ чувства заняты тревожными гаданіями. Человѣкъ постоянно стремится къ осуществленію своихъ надеждъ, и каждый новый годъ ла-

*Обрядныя
дѣйствія въ
новый годъ,
между Славянами.*

ожаетъ его желанія и воображеніе наступленіемъ счастливой будущности.

У многихъ вошло въ обыкновеніе провожать старый годъ пирушками. Наканунъ новаго и въ самый новый годъ, обдариваютъ дѣтей незначительными подарками. Слугъ и бѣдныхъ людей дарятъ въ тоже самое время. Чиновные осыпаются Монаршими милостями, — повсюду радость и надежда на новое лучшее.

Эпоха этого времени совершается точно также у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Всѣ Славянскія племена праздновали, съ незапамятныхъ временъ, новый годъ. У Чеховъ, Сербовъ и Болгаровъ: *ходиши по коледе*, значило поздравлять съ новымъ годомъ, за что получали подарки; у Словаковъ *коледовать*, значило благословлять въ новый годъ; у Кроатовъ, Босняковъ и другихъ задунайскихъ Славянъ, *коледою* именуется подарокъ въ новый годъ; у Вендовъ *коледовати*, значитъ хожденіе дѣтей по домамъ съ пѣснями и плясками. У Поляковъ всѣ сословія принимаютъ участіе въ взаимномъ поздравленіи и обдариваніи, и это называется *коленда*. Дѣти ходятъ по домамъ и читаютъ поздравительныя стихи на новый годъ, или поютъ пѣсни священнаго содержанія. Употребительнѣйшая у

НИХЪ ДОСЕЛѢ: НА НОВЫЙ ГОДЪ КОЛЕНДА, СЛѢДУЮ-
ЩАЯ:

Nowy rok nastaje,

Ochoty dodaje,

Hej, nam hej, kolęda!

Ochoty szafarzu!

Dobry gospodarzu,

Hej, nam hej, kolęda!

Każ stoły nakrzywać,

My będziemy śpiewać,

Hej, nam hej, kolęda!

Aby na tym stole

Był kapłan w rosole,

Hej, nam hej, kolęda!

Do słodczy jarzyny

Falatek słoniny.

Hej, nam hej, kolęda!

Do kwaśniej kapusty.

Dobry jezior tłusty,

Hej, nam hej, kolęda!

Pokaż że nam łaskę:

Daj gorzalki flaszkę,

Hej, nam hej, kolęda!

Nie długo się bawić,

J drugą postawić,

Hej, nam hej, kolęda!

Nie bądź taki sknera,

Nakraj chleba, séra.

Hej, nam hej, kolęda!

Będziesz znakomity

Daj i taler bity,

Hej, nam hej, kołęda!
Bądź te w takim czasie
Daj i dwic kielbase
Hej, nam hej, kołęda!
Już cie odchodzimy
Za to dziękujemy,
Hej, nam hej, kołęda! (*)

*Посыпа-
ніе на но-
вый годъ.*

Въ Россіи и Малороссіи ходятъ мальчики по домамъ, еще до обѣдни, поздравлять хозяевъ съ новымъ годомъ. Въ это время обстаиваютъ ихъ ячменемъ, пшеницею и овсомъ. Малороссійскіе мальчики, съ разсвѣтомъ дня, отправляются посыпать. Для этого наполняютъ торбу (небольшой мѣшокъ) зерновымъ лѣбомъ, и повѣсивъ на плеча, ходятъ отъ избы къ избѣ.—Войдя въ хату, мальчикъ кланяется хозяйну, и потомъ посыпаетъ, приговаривая: *на счастье, на здоровье, на новое лито; роди Боже житю пшеницу и всяку пашиницю*. Ихъ дарятъ деньгами или пирогами. Посыпальное зерно собираютъ съ особыми замѣчаніями, и хранятъ его до весенняго посѣва. Нѣкоторые хватаютъ бросаемыя зерна, и кто сколько заберетъ въ руку какого зерна, то выводитъ по нимъ заключеніе объ урожаѣ на своей нивѣ.—Молодые парни также ходятъ посыпать, только въ такіе дома, гдѣ находятся

(*) Paul. Pieśń lud. polsk., с. 9.

невѣсты. — Этихъ посыпальщиковъ угощаютъ съ особеннымъ радушіемъ, потому что, по замѣчаніямъ стариковъ, они приносятъ съ собою богатство дому и счастье семейству.

Въ другихъ мѣстахъ кормятъ посыпальнымъ зерномъ птицъ, и по ихъ клеванію замѣчаютъ о будущемъ урожаѣ.

При посыпаніи пропѣваютъ еще пританье:

Ходить Илья
На Василья,
Носить пугу,
Дротяную;
А другую,
Жестяную.
Сюды махне,
Туды махне,—
Жито рѣсте.
Божая маты,—
Жито жала:

Роды Боже,
Жито пшевицю,
И всяку пашиницю.
Поздравляемъ васъ
Зъ праздникомъ,
Новымъ годомъ,
И зъ Васильемъ.

Гля, гля,—на Василья;
А у Василя, житня пуга.—

Куда. пахне,

Жито пахне.—

Въ Черной Россіи также ходять мальчишки, отъ самаго утра, съ разнымъ зерномъ въ мышкахъ. Застѣвая избу или господскія комнаты, они приговариваютъ: *на счастья, на одарения, на новой рожь! Роды, Боже! жито, пшеницу, всяку пшеницу, въ запичку дитяей копицу.*—Иные бросаютъ рожь подъ ноги проходящимъ, которые за то даютъ имъ нѣскольکو денегъ, ибо встрѣча съ посыпальщикомъ въ то время, особенно съ бросающимъ рожь подъ ноги, предвѣщаетъ добрый знакъ.

Осенъ, старинный русский посыпальный обрядъ, и разныя названія его.

Подобный обрядъ обстѣванія сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточной Россіи, такъ, на-прим., въ губерніяхъ: рязанской, владимірской, симбирской, нижегородской, пензенской и саратовской—тамъ онъ именуется *овсенемъ, овсеномъ, усенемъ, говсенемъ, бауценемъ, баусенемъ и таусенемъ.* Всѣ эти слова суть испорченныя отъ мѣстнаго употребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что они означаютъ *овесъ*, коимъ обыкновенно посыпаютъ въ то время, и самое поздравленіе по этому называется *овсеномъ.* Тамъ ходя по домамъ, обсыпаютъ овсомъ изъ лукошка или рукавицы; зерно это собираютъ для весенняго посѣва.

Овсень, въ тѣхъ же губерніяхъ, употребляется часто вмѣсто коляды. Въ этихъ мѣстахъ, по деревнямъ, начинаютъ кишки и желудки и варятъ свиные ноги, кои раздають посыпальщикамъ вмѣсто подарковъ. Молодые женщины и дѣвицы (въ рязан. губ.) ходятъ подъ окна пѣть овсень ввѣчеру новаго года. Одна изъ нихъ носитъ за собою кошель; называемый махомоска; для поклажи подарковъ. Подъ окномъ или у дверей избы спрашиваютъ: прокликать ли овсень? получивъ согласіе, поютъ:

Среди Москвы,
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.
Свѣтелъ мѣсяцъ
То самъ хозяинъ — сударь;
Красное солнце,
То подрута его;
Что часты звѣзды,
То дѣтки ихъ.
Прикажите, не держите,
Собаками не травите,
Подайте подачку!

Если не подаютъ подачки, то продолжаютъ:

Наша подачка,
Въ дверь не лезть,

Въ окошки не идетъ,
Самъ сударь не шлетъ.

Подайте подачку!

Кишки, желудки,
Свинья шутки
Въ печи сидели
На ихъ глядели.

Подайте подачку!

Съ полученіемъ подачки, отвѣчаютъ цѣ-
лымъ хоромъ: хозяина и хозяйку поздравляемъ
съ праздникомъ, съ новымъ годомъ.

Овсень, овсень!

Ты ходилъ, ты гулялъ;
По крутымъ горамъ,
По святымъ вечерамъ.

Овсень, овсень!

Ты леталъ, ты порхалъ,
Къ Филимону на дворъ
Ко Прокофьевичу.

Овсень, овсень!

Ты сыскалъ, угадалъ,
На широкомъ дворъ
Полны ведры виномъ.

Овсень, овсень!

У хозяина дворъ,
Осушенъ, омощенъ,
Чисто выметенъ.

Овсень, овсень!

Посрединъ Москвы
У хозяина дворъ
Воротами кризень.

Овсень, овсень !

Воротами красенъ,
Верен ихъ пестры,
Всѣ обточенныя.

Овсень, овсень !

У Прокофьяча дворъ,
Весь тыномъ затыненъ,
Серебромъ обнесенъ.

Хозяинъ открываетъ окно , смотритъ и радушно подаетъ подачку. Если она щедрая, то начинаютъ притопывать съ радостнымъ свистомъ, прищелкивать и плясать подъ пѣснь:

На дворъ у Филимона,

Три теремчика стоятъ.

Высокіе теремочки,

О двѣнадцати вѣщахъ.

Филимонъ сударь хорошъ,

Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

Овсень, овсень !

Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

Хозяинъ открываетъ въ другой разъ окно и говоритъ ласково: «милости просимъ, въ избу. Мы рады овсеню, гостюжданому.— Не погнѣвайтесь только, чѣмъ Богъ пошлетъ».— Они входятъ въ избу, съ похвальными припѣвами:

Первой теремъ — свѣтелъ мѣсяцъ,

Другой теремъ — красно солнце,

Третій теремъ — часты звѣзды,

Свѣтелъ мѣсяцъ — хозяинъ самъ,

Красно солнце — хозяйюшка,

Часты звѣзды — нѣ дѣтушки.

Въ Муромѣ владимірской губерніи и его окрестностяхъ, толпы колядчиковъ стоятъ предъ домомъ и спрашиваютъ позволенія пѣть таусень. Дома ли хозяева? Спрашиваютъ колядчики.—Дома нѣтъ, отвѣчаютъ имъ.—Гдѣ же хозяинъ?—Уѣхалъ на торгъ, соли купить.—Для чего соли?—Мясо солить.—На что мясо?—Сына женить.—На что сына женить?—Чтобы пашеньку пахати, хлѣба промышляти.—

Колядчики тогда начинаютъ:

Ой тавсень, тавсень!
Мы ходимъ не гуляемъ,
Съ святымъ вечеромъ
Поздравляемъ.
Хозяинъ дома, ой дома,
Хозяинъ давай пирогъ.

Если не высылаютъ подачки, то шумятъ подъ окнами, кричатъ и грозятъ разломить двери, и вынуть изъ печи пироги.

На Васильевъ вечеръ и въ святки, старухи говорятъ причитанья дѣтямъ и дѣвщамъ:

Калёда, калёда,
Гдѣ была?
Ковей пасла. —
Что выпасла?
Кони въ сѣдлѣ
Съ золотымъ чепракомъ,
Шелковой уздой. —
Гдѣ кони?

За вероты ушли. —

Гдѣ вероты?

Водой снесло. —

Гдѣ вода?

Быки выпили. —

Гдѣ быки?

Въ роши ушли. —

Гдѣ роши?

Черни выточили. —

Гдѣ черни?

Гуси выклевали. —

Гдѣ гуси?

Въ тростникъ ушли. —

Гдѣ тростникъ?

За лугомъ зеленымъ. —

Гдѣ луга?

Дѣвки вытоптали. —

Гдѣ дѣвки?

За мужъ пошли. —

Гдѣ мужъ?

По каледу ушли. —

Гдѣ каледѣ?

На печи въ углу. —

Каледѣ, каледѣ!

Въ печи была. —

Коледныя причитанья часто сочиняются по произволу, и принаравливаются къ случаю.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ саратовской губерніи, малышки ходятъ подѣ сына и носятъ эту каледу уже съ нѣкоторыми измѣненіями.

Коляда въ упомянутыхъ мѣстахъ Россіи такъ искажена народомъ, что она иногда поется на Васильевъ вечеръ, какъ обыкновенная коляда, а иногда замѣняетъ посыпальный обычай. — Такое ощутительное измѣненіе приписать должно мѣстнымъ обыкновеніямъ.

Въ пензенской губерніи, въ вечеръ предъ новымъ годомъ, ходятъ мальчики и дѣвушки и кричатъ подъ окошками:

Таусень! таусень!

Кишки да лепешки, свиные ножки,

Кто подастъ, тотъ золотой глазъ,

А кто не подастъ, собачій глазъ.

Изъ окошка подаютъ жареную кишку, или сдобную лепешку.

На канунъ новаго года, женщины саратовской губерніи хвалынскаго и петровскаго уѣздовъ, сносятъ огромный *ометъ* (кучу) соломы, и зажигаютъ его посреди улицы. Горящій ометъ называется тогда *костромю*, которая окружается дѣвушками и ими величается:

О свѣтъ, моя кострома!

У костромушки головушка болитъ,

У костромушки бѣло лице горитъ.

Ходятъ еще подъ окнами съ кошелемъ и поютъ таусень. — Подошедши къ окну, спрашиваютъ: старый русинъ! не кричатъ ли таусень? — Если хозяинъ согласенъ, то поютъ:

Таусень, таусень?

Дома ли хозяинъ?

Таусень!

На базаръ ухватъ,

Таусень!

Топорикъ купить,

Таусень!

На что топорикъ?

Таусень!

Дровцы рубить,

Таусень!

На что дровцы?

Таусень!

Пивцо варить,

Таусень!

Сына жемить,

Таусень!

Летѣла пава,

Таусень!

Черезъ наши поля,

Таусень!

Ровяла перья,

Таусень!

Кому перья брати?

Таусень!

На что перья?

Таусень!

Шляпочку шить,

Таусень!

Перьями пушить,

Таусень!

На что пашпочку?

Таусень!

На базаръ явити,

Таусень!

Гопорикъ купить,

Таусень!

Дрова рубить,

Таусень!

Пиво варить,

Таусень!

Мосты мостить,

Таусень!

Кому мостами вздиги?

Таусень!

Царю Государю,

Таусень!

Если вмѣсто словъ: Царю Государю, говорятъ—молодцу удалцу, тогда прибавляютъ:

На чемъ ему вздиги?

Таусень!

На свиной сзинки.

Таусень!

Чимъ поговати?

Таусень!

Живить поросенкомъ,

Таусень!

По окончаніи таусень, приговариваютъ :

Кышки да лепешки

Свиния пожи,

Въ печи сидѣли,

На насъ глядѣли,

Въ коммѣ захотѣли.

Хозяинъ подаетъ кишку, лепешку и сви-
ную ножку, нарочно для нихъ заготовленные.

Въ балашовскомъ уѣздѣ поютъ таусинъ,
въ вечеру новаго года. Толпа мальчиковъ и
дѣвушекъ сговаривается: къ кому итти пре-
жде?—Пойдемъ къ Онуфричу: онъ вѣдь ба-
рана рѣзалъ нынче, а потомъ зайдемъ къ Си-
доричу, и т. д.: они знаютъ, гдѣ что стряца-
лось. По-очереди подходятъ къ воротамъ, и
спрашиваютъ:

Чанны ворота!

Посконна борода!

Кричать ли Таусинъ!

Получивъ позволеніе хозяина, поютъ:

Кишки да желудки,
Таусинъ!

Въ печи то сидѣли,
Таусинъ!

На насъ то глядѣли,
Таусинъ!

Въ кошель захотѣли.
Таусинъ!

Стояла тутъ сосна,
Таусинъ!

На соснѣ то пава,
Таусинъ!

Пава то упала,
Таусинъ!

Перья разроняла,
Таусинъ!

Кому эти перья брать?

Таусинь!

Кому подбирать?

Таусинь!

Хозяину дома, Онуфричу,

Таусинь!

На что ему перья?

Таусинь!

Шурьевъ то дарить,

Таусинь!

Шурья то спъсивы,

Таусинь!

Съ коней не слъзають,

Таусинь!

Сапогъ не ломають,

Таусинь!

Во время таусена, нѣкоторые изъ поющихъ пляшутъ; потомъ кричатъ хозяину дома:

Чанны ворота!

Посковна борода!

Честъ была тебѣ предложена,

Теперь подавай кишки да ножки,

Въ заднія окошки,

Въ честъ любимой свошки,

если есть у хозяина сноха; въ противномъ же случаѣ приговариваютъ въ честъ любимой дочери или самой хозяйки. Подавшего хозяина благодарятъ, а на не подавшего закричатъ:

На слѣдующій новый годъ,
Осеновой тебѣ гробъ!

Въ кузнецкомъ уѣздѣ поютъ:

Таусинь! подай брусинь.

На что брусинь?

Косу точить.

На что косу?

Траву косить.

На что траву?

Кормить коровъ.

На что коровъ?

Молоко доить.

На что молоко?

Робять кормить.

На что робять?

За жолудками ходить.

На что жолудки?

Свиней кормить.

На что свиней?

Свинья ножки въ печи сидѣли,

На насъ глядѣли.

Таусинь!

Старой чортъ, подай пирога,

Не подашь пирога,

Изрублю ворота.

Таусинь!

Вотъ еще нѣсколько овсеновъ:

Ой овсенъ, ой овсенъ!

Походи, погулай,

По святымъ вечерамъ,

По веселымъ теремамъ!

Ой осень, ой осень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посети
Къ Филимону на дворъ.

Ой осень, ой осень!
Посмотри, погляди,
Ты нашелъ, ты вошелъ
Къ Филимону на дворъ!

Ой осень, ой осень!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь ворота красны,
Веревъ пестры.

Ой осень, ой осень!
Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипариснымъ тыномъ.

Ой осень, ой осень!
Филимоновъ то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увить.
На дворъ у Филимонова,
Три терема стоятъ,
И свѣтленьки и красненьки
Золотыя терема.
Первый теремъ,
Свѣтель мѣсяцъ,
Другой теремъ,
Красно солнце;
Третій теремъ,
Часты звезды.
Свѣтель мѣсяцъ,
Хозяинъ янтарь;

Красно солнце,
Жела его,
Часты звёзды,
Ихъ дѣтушки.
Ой овсень, ой овсень!

Говсень, говсень! Я тетерю гоню,
Говсень, говсень! полевою гоню,
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ;
Мнѣ начла хвостъ,
Анъ денегъ горсть.

Колядчики стучатъ потомъ въ окошко,
просятъ пироговъ и, вошедши въ избу, поютъ:

Петръ въ орду собирается.
Коледа таусень!
Александръ у ногъ увязается.
Коледа таусень!
Ты не ѣди въ орду, не служи Королю.
Коледа таусень!
Служи бывому Царю.
Коледа таусень!
Ужъ какъ мнѣ ли безъ тебя,
Хвѣба соли не ѣдать.
Коледа таусень!
На постыли не сыпать.
Коледа таусень!
Ужъ какъ спать въ тоснахъ,
На голыѣ доснахъ.
Коледа таусень!

На горячей печи,
На девятомъ кирпичѣ.
Коледа таусень!

Встрѣчаемыя сдѣсь слова: орда, король и бѣлый царь, показываютъ намъ, что эта пѣснь извѣстна была во время татарскаго порабощенія Россіи.

Ай во боръ, боръ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена кудрява,
Ой овсень, ой овсень!
Бѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Ой овсень, ой овсень!
Мосточки мостили,
Сукномъ устилали,
Гвозди убивали.
Ой овсень, ой овсень!
Кому жъ, кому бѣхать,
По тому мосточку?
Бѣхать тамъ овсеню
Да новому году.
Ой овсень, ой овсень!

*Выходъ
изъ обы-
чая по-
сы-
пать.*

Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ тоже въ обычаѣ посыпать зерномъ на новый годъ. Въ Червонной Россіи самый припѣвъ и обрядъ обѣщанія во многомъ сходствуетъ съ малороссійскимъ; но нынѣ посыпаніе повсюду выходитъ изъ обыкновенія. Въ небольшихъ городахъ и по

деревнямъ встрѣчается еще, но и торѣднѣ. Пройдетъ пятьдесятъ лѣтъ и, быть можетъ, этотъ обычай совсѣмъ уничтожится, и посыпальный обрядъ останется въ одномъ воспоминаніи. Его вытѣснили изъ своего круга подарки. Въ старинные годы дарили безъ различія состоянія значительными подарками, которые вознаграждали нетерпѣніе ожидавшихъ новый годъ, а нынѣ и это прекращается: оно досталось въ удѣлъ дѣтей, коихъ дарятъ книжечками, или конфектами. Эта ощутительная перемѣна показываетъ бѣдность повсемѣстную, защищающуюся свѣтскимъ приличіемъ, но формулъ: что было хорошо въ прошлые вѣки, то нейдетъ къ нашему.

Въ честь новаго года столько написано *Заключеніе о новомъ году.* привѣтственныхъ стиховъ и сочиненій, на всѣхъ возможныхъ языкахъ, какими только говорилъ смертный и говоритъ нынѣ, что нѣтъ возможности исчислить ихъ. А сколько еще писать будутъ! Но сколько ни писали, всегда имѣли въ виду подарочекъ: посему новый годъ справедливо назвать можно подарочнымъ. Если-бы кому вздумалось сосчитать, сколько уже сдѣлано подарковъ въ новый годъ, съ того времени, какъ міръ стоитъ, то вѣрно бы онъ сказалъ: считайте сами, если хотите сойти съ ума.

Нынѣ каждый новый годъ заваленъ грудой визитныхъ карточекъ, концы поздравленія, желаютъ каждому счастью, почестямъ и богатства.

Мы желаемъ, чтобы каждый встречалъ новый годъ съ золотыми подарками, веселился въ почестяхъ и наслаждался земнымъ счастьемъ; мы желаемъ этого всѣмъ, какъ желаютъ въ поздравительныхъ стихахъ; но болѣе всего желаемъ, и просимъ Бога, чтобы Онъ посылалъ намъ Русскимъ покровителей наукъ, если не каждый новый годъ, то по крайней мѣрѣ чрезъ каждое столѣтіе.

II. Святочныя увеселенія.

Русское житье-бытье нигдѣ не просвѣтлѣвается такъ ясно, какъ на святкахъ. Тамъ все радуется и всѣ забываютъ свое горе. Не одиѣ дѣвушки, но и пожилыя женщины предаются тогда безотчетному разгулу веселости. — Здѣсь народность выказывается въ сердцахъ каждого, и самые враги нашихъ забавъ подслушиваютъ игры, пѣсни и загадки сельскихъ дѣвушекъ. — О, какъ много красавицъ, востлѣвающихъ въ блестящихъ палатахъ, снѣжать упрядною полюбоваться неподдѣльными играми деревенской жизни!

У многихъ славянскихъ племенъ, овятки не имѣютъ того значенія, какое у насъ. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей производятъ святки, отъ балтійскаго идола Святовита, безъ всякой причины. Въ славянскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ, донинѣ въ употребленіи имя Бога *Вита* или *Вида*, въ честь коего приносили жертвы и совершали празднества. — Рюгенскіе Славяне долго праздновали *Святовита*, за-одно съ Св. Витомъ; въ честь его жгли благоухающія деревья. Нѣкоторые обратили *Святовита* въ *витай*, означающее привѣтствіе и поздравленіе. Всѣ прибалтійскіе славяне приносили ему въ жертву медовый калачъ или пирогъ, величиною въ ростъ человѣка. Арконскій жрецъ выметалъ, на канунъ праздника, чистилище, недоступное для всѣхъ, кромѣ его одного. — Въ день праздника, онъ бралъ изъ рукъ истукана Святовита рогъ, и смотрѣлъ: есть ли въ немъ вино? — И по нему угадывалъ о будущемъ урожаѣ. Оставшееся вино выпивалъ, наполнялъ новымъ и вручалъ рогъ божеству. Потомъ подносилъ ему пирогъ и, спрятавшись за него, спрашивалъ у народа: видитъ ли онъ его? Когда отвѣчали ему нѣтъ, тогда онъ объявлялъ благословеніе божества.

Значеніе
святкохъ у
нѣкоторыхъ сла-
вянскихъ
племенъ.

Чехи имѣли *Вита* или *Витъ*. Венгерскіе Славяне сохранили пѣснь въ честь святаго *Вита* и святаго *Дюнда*.

Прійде, пугай, прійде къ намъ,
Сама коморку мамъ.

Никто ты не збада,
А я та мамъ рада.

Прійдемъ, діовча, прійдемъ,
Веру истъ, прійдемъ.

На Святого Вида
Чо не буде никда.

Эта пѣснь доказываетъ, что святой Витъ, который извѣстенъ подъ именемъ славянскаго апостола, не есть Святovitъ. — Названіе святокъ могло ли произойти отъ Святovита? —

Другая пѣснь въ честь *Динда* или *Дюнда*, между тѣми же Славянами, можетъ служить любопытнымъ свѣдѣніемъ объ остаткѣ язычества, вошедшаго въ хороводную забаву.

Дѣвушки становятся въ два ряда, и поютъ попеременно:

1. Гоя, Дюнда, гоя! Послала васъ Крыловна.

Гоя, Дюнда, гоя!

2. Гоя, Дюнда, гоя! На что же васъ послала?

Гоя, Дюнда, гоя!

1. Гоя, Дюнда, гоя! Пре три возы каменья.

Гоя, Дюнда, гоя!

2. Гоя, Дюнда, гоя! На что вамъ каменья?

Гоя, Дюнда, гоя!

4. Гоя, Дюнда, гоя! Златъ мосты ставили.

Гоя, Дюнда, гоя!

2. Гоя, Дюнда, гоя! Чи насъ цесъ не пустатъ?

Гоя, Дюнда, гоя!

4. Гоя, Дюнда, гоя! Чо намъ за даръ несеть?

Гоя, Дюнда, гоя!

2. Гоя, Дюнда, гоя! Червооке двчатко.

Гоя, Дюнда, гоя!

1. Гоя, Дюнда, гоя! Не бѣжъ а посперите.

Гоя, Дюнда, гоя!

Иллирійскіе Славяне празднують *Св. Вима* июля 18 днѣ, и совершаютъ языческіе обычаи, употреблявшіеся при поклоненіи идола Святovidу.

Изъ Церковной исторіи извѣстно, что воздѣстители Евангельскаго слова, измѣняя постепенно языческіе обычаи, соединили празднованіе Святovidа въ одно время съ христіанскими святками, а простой народъ принялъ это за одно и то же.

Новообращенные Славяне возсылали долго такіа же молитвы Святovidу, какія самому Богу (*).

(*) Kollar: *Národ. zpiewy*, ч. I. т. 3 и 404; *Witten: Gesch. der Wissenschaft und der Mark Brandenburg*. с. 59; *Ant. Ueber die alt. Slaw. ч. I. с. 44, Gesch. Gesch. der Wenden ч. I. с. 25; Sredowsky: Morava sacra; Kap. II. Г. Р. т. I. с. 99 и 100; Rałowicki: *Prawda Ruska*, ч. I. гл. II. с. 25. —*

Значеніе
святковъ у
Русскихъ.

Древніе Христіане освящали: всѣ торже-
ственные праздники благочестивыми дѣлами.
Государи освобождали народъ, съ Р. Х., отъ
разныхъ недоимокъ, уменьшали подати, вы-
пускали преступниковъ изъ темницъ, и проч.
Пастыри наставляли людей святить праздни-
ки Господни богоугодными приношеніями.
Христіане ревностно выполняли благія вну-
шенія наставниковъ, дѣлая въ пользу стра-
ждущаго челоувѣчества посланныя рожденія,
которыя Церковь освящала Божескими благо-
словеніями. Эти дни, ознаменованные душе-
спасительными дѣлами, прослыли святками или
Святыми; народъ же обратилъ ихъ въ свои
забавы.

Святки, происходя отъ глагола святить,
находятся въ тѣсной связи съ воспоминаніемъ
о Рожденіи Спасителя міра.

Въ какое время появились святки въ Рос-
сін? — Откуда они перешли къ намъ? — Объ
этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣ-
ній. — Изустные рассказы не превыщаютъ
древности ста лѣтъ. — Святки конечно сдѣла-
лись извѣстными по введеніи христіанской въ-
ры въ Россію, но объ нихъ ни Несторъ, ни про-
должатели его лѣтописи не упомянули. — Пре-
рывая многія Русскія лѣтописи, я не встрѣтилъ
названія святковъ ранѣе XIII вѣка, исторіи

на счетъ сего предмета совершенно молчать.—
 Литовисцы, кини, оминованіи событія граждан-
 скихъ и церковныхъ, не заботились о житиіи бывшихъ
 нашихъ предковъ, а старые обычаи изгнали вмѣ-
 стѣ съ преданіями. Нынѣ собирають преданія,
 и какъ это тяжело!—Нельзя же допустить, что
 святки праздновались иже въ отдаленныя вре-
 мена.—Хотя новый годъ считается первоначально
 съ марта мѣсяца, со дня Благовѣщенія; по-
 слѣ съ сентября мѣсяца; въ великокняже-
 ніе Симеона Гордаго, и наконецъ (когда Царь
 В. ввелъ общее европайское лѣтосчисленіе)
 съ гендера мѣсяца. 1700 въ одно это лѣ-
 тосчисленіе не вошло святочныхъ дней;
 празднваніе ихъ приходилось къ одно и то-
 же время, конъ нынѣ. Но при этомъ условіи,
 рѣшеніе вопроса о положительномъ проявленіи
 святыхъ остается невозможнымъ, не причинѣ
 недостатка свидѣтельствъ.
 Наши прѣдѣлы, безъ сомнѣнія, праздновали
 святки иначе, не жаль, никакъ по-своему, и мо-
 жемъ праздновать мы сами. Время дѣлается
 много въ жизни. Самые забавы и игры, предкомъ
 уже не тѣ, какія нынѣ. Вѣтъма было бы по-
 лезно, если бы можно было представить нары-
 ту, иже, бывъа, давно — мануици, а чѣмъ
 въ ней быны увидѣли исторію, коней, и народы
 иже, гдѣ! Децарно, иже старое, иже новое.

утѣшаютъ насъ разсказами о баллахъ; а нянюшки забавляютъ своими простодушными похвалами о томъ, какъ приживаются веселились наши дѣды, и поютъ пѣсни о прошломъ по одному новонаженному слуху.

Время празднованія сел-токъ.

Святки начинаются въ Россіи съ Р. Х. и продолжаются до крещенскаго сочельника. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, въ половинѣ XVII в., Малороссіане начали мало по малу заимствовать нѣкоторые святочные обряды отъ Русскихъ.

Святки составляютъ собственно время забавъ.—Мы нигдѣ не видимъ, чтобы святки празднество вались съ такой безотчетной веселостію, какъ между Русскими. Многіе славянскіе писатели, оставившіе намъ прекрасные отрывки по части древности, ничего не сообщили о святкахъ.

Предметъ святочныхъ забавъ.

Предметъ святочныхъ забавъ весьма разнообразенъ: онъ выражаетъ народное веселье и семейную жизнь въ гаданіяхъ и переряжаніи, которыя совершаются ночью, а почти въ это время, бывають намъ нарочно темныя, наводящія ужасъ на самыхъ участниковъ святочныхъ игръ.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи доселѣ думаютъ, что въ святочные ночи бѣгаютъ черти. Въ орловской губерніи особенно опасаются чертей, и ихъ называютъ здѣсь *селтошными* и *селтошами*. Никто не

ходить нечаяю поздно въ гости, и никто ни за что не согласится ходить въ полночь, изъ опасенія попасться въ руки чертей.

Но мѣръ ознакомленія Россіи съ Европою, перешли къ намъ многіе иностранныя обряды и новѣрья, но есть обычаи и увеселенія, перешедшіе также отъ Греновъ и Римлянъ. По разрушеніи Западной Имперіи, Готы ввели въ Европу свои игры.

Нѣкоторыя изъ святочныхъ игръ суть: оанты, жмурки, жарты, наряжанье козою, журавлемъ, медвѣдемъ. — Харн, личины или маски, употреблявшіеся у насъ издревле, были преслѣдуемы духовенствомъ. Въ *Кормчей* рун. XIII в. они назывались *обличьями шръщъ*, *ликоставенникъ* и *наличникъ*; въ *Стоглавѣ*: *скарѣдными образованіями, лицами косматыми, козлими, сатирскими, окрутами, скуратами*. — Переряживанье имѣвалось *москолюдствомъ* (надѣваніемъ маскъ) и *окручаньемъ*. — Архіепископъ Лука, въ поученіи своемъ XII в., запрещаетъ *москолюдствовать*, т. е., принимать нечеловѣческіе образы.

Изъ всѣхъ древнѣйшихъ славянскихъ обрядовъ извѣстнѣйшіе суть гаданія. Ими прославились преимущественно ретрскія и рюгенскія женщины, за ними кіевскія, кои, чрезъ свою склонность къ чудеснымъ предска-

*Древность
славянскихъ
гаданій, и ча-
родѣйство.*

цѣмъ, проявивши въ народѣ *киселками* *судь-*
мами. — Чудъ дъ Финны также слагались во-
лшебствомъ, какъ, въ Италиі: древніе Этрур-
ски. Нестръ разсказываетъ, что Новгородцы
въ XI в. ходили въ Эстляндію, узнавая бу-
дущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые
водились *оъ черными, крылатыми дувами*. —
Жены прозвали *блесккія волшебницы*, но-
кномъ бо *бъсз жену прельсти*, а жена *магуса*.
Жены *волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою*.
Одинъ изъ Финновъ торжественно осуждалъ
въ Новгородѣ христіанскую вѣру, и хотѣлъ
итти, *пѣшомъ, чрезъ р. Волховъ*. Народъ въ-
рнулъ ему, *чѣмъ боги живутъ въ безднѣ, обра-*
зомъ черны и крылаты, тѣлосты и мѣтце. Ни-
скаемъ Феодоръ стоялъ на площади съ Крес-
томъ въ рукахъ, и убѣждалъ Христіанъ пе-
вѣрять Финну. Но все было напрасно! Тогда
Князь Глебъ подошелъ къ чародѣю и спро-
силъ: *знаешь ли, что случится съ тобою въ*
этотъ день? — Волшебникъ отвѣчалъ: *я сделаю*
великія чудеса. — Не правда! возразилъ Князь, и
разсѣкъ ему голову топоромъ. (*)

Гаданія сопровождаютъ иногда пѣніемъ,
а иногда таинственнымъ молчаніемъ. — Сущес-
твенный предметъ гаданій, суть суженныя

(*) Кар. Н. Г. Р. т. II с. 90; Ростовская и Никонс-
кая.

дѣвушки прислушиваются къ нему съ душевными восторгамъ; и только въ сѣвѣтные дни, оне имеютъ право сидѣть подлѣ суженыхъ, и гадать при нихъ. Матушки весело тарбаряють про старину, грустятъ о дѣвчьемъ житѣ, припоминають прежніе счастливые годы; и шепотомъ просятъ красныхъ дѣвицъ загадать ихъ судьбу.

Изъвѣстно вѣдѣтся обычай, что молодыя женщины водятъ другъ въ дружитъ съ работою на весь день, а въ-вечеру прихдять къ нимъ старушки, потолковать о томъ о-семъ.

*Приглаше-
ніе на свят-
ки.*

Въ дружескомъ кругу всѣ были откровенны: матушки тужили, что ихъ дочери уже взрослые; а жейхоу нѣтъ; молодыя вызывались помочь ихъ горю. Наставали святки и онѣ принимались за дѣло.

Молодые женщины добровольно вступали въ обязанности свахъ; объ остальномъ предоставляли хлопотать родителямъ.

Богатый день, назначенный сборнымъ въ-стомъ для дѣвицъ, посылая нарядныхъ съ домомъ; просить старыхъ и молодыхъ, посидѣть в-вечеру; но здѣсь разумѣлось просить дѣвушекъ на сѣвѣтныя игры и посидѣлки. Послаемые съ наряднымъ дѣломъ, были старыя женщины и нянюшки, которыя ходили по-домамъ съывать на святки. — При приглашеніи онѣ приговаривали: *если милости в-вашей не*

вснорбительно, проситъ помаломъ съ братомъ,—который всегда былъ изъ тысячъ сузюмныхъ.

Нарядныхъ съ дѣломъ принимали съ наклонами и почестію и старались наперерывъ угощать. Чарка вина встрѣчале и провожала ихъ. Матушки хлопотали узнать напередъ у нарядныхъ съ дѣломъ: кто будетъ изъ молодыхъ? Но онѣ хранили глубокое молчаніе. Ситливая хозяйка дарила ихъ бѣлыми платочками съ красной обрубкою, или кускомъ полотна, или чѣмъ нибудь другимъ. Тогда нарядные съ дѣломъ открывали все и общались хвалить ихъ дочерей предъ прочими. Въ-востру появлялись бабки-подыматки; ихъ угощали еще усерднѣе, нежели первыхъ, потому что онѣ ходили высматривать невѣсть. Имъ поручали бывать у сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ, выслушивать и замѣчать о житьѣ-бытьѣ ихъ, и потомъ избирать, по своему усмотрѣнію, тѣхъ изъ дѣвцъ, которыя согласовались съ видами завтрашняго общества.

Бабки-подыматки получали отъ дѣвицъ подарки, узели съ орѣхами, пришивали и ценными ягодами. Отдавая имъ, одна изъ дѣвицъ улыбалась и говорила: вотъ тѣ, бабушка, возьми, не прогнѣвайся, внушанье твоимъ зубки позабавить, а тебѣ на потѣшенье.—Вѣстимо, мать моя, отаѣчала бабка-по-

звѣтка, благодарствуютъ, и уходятъ отъ нея съ поклономъ. Обдернанная трубаго по вѣтѣхъ дошлѣхъ, о любезности и красотѣ дѣвушки, которая въ домѣ родителей буціѣ ангельчичѣхъ,— а маленькія дѣтки у нея, что цвѣточки твоѣ!

Въ нѣкихъ мѣстахъ, приглашенія на вѣтеръ происходили за нѣсколько дней, а въ другихъ, въ тотъ же самый вѣтеръ, смотри по доуму или вѣстному разстоянію.

Приглашенные гости суетились о нарядахъ: дѣвушки прайтѣрали старыя платья свои и матушечѣхъ: тогда наряды вѣтѣхъ шли по вѣтѣхъ. То-то было блаженное время! Смотрѣли другѣ на друга, любовались, хвалились и ожидали съ вѣтерпѣніемъ поѣзда.

Въ старыя годы сѣзжались дѣвушки длинными поѣздомъ; матушки неотлучно находились при своихъ дочеряхъ. Если же дѣвица не имѣла матушки, то ее загибала няня или бабушка воркуня, которая во всю дорогу толковала ей, какъ вести себя, и не крѣпко рассматриваться на суженныхъ: да они, вѣда, плуты, мать моя!—Въ парныхъ саняхъ сидѣла матушка съ дочкою, въ погахъ новѣрчанная тайнѣ берышки, горючкая; въ другихъ саняхъ няня съ нарядными узлами. Въ третихъ дошечныхъ челядѣ, умножавшемъ тѣдесланіе вѣселихъ. Къ нимъ присоединялись иногда сестрицы и

братцы. Чужих диннѣ поварѣ, — лимъ бѣше
гости для свадного дома. — Радикалаи: стары
люди; кто на святки съѣзжалось мно
гихъ гостей до 400 человекъ, и гуляли нѣ
сколько дней сряду. — Дѣтки поспѣлки
превращались въ пированіе: веселились, какъ
можно веселиться на свободѣ. Хозяинъ обя
затъ былъ кормить и поить, не только гостей,
и ихъ прислугу, которая числится превосходная
обслуживанно въ трое противу своихъ господъ;
и ихъ лошадей, и имѣть надзоръ за: вѣща
ми, чтобъ все было сыто и довальны. — Домъ та
когого хозяина представлялъ таборъ-скиталь
ковъ. Не только изъ окружающихъ деревень, но
изъ уѣздовъ дальнихъ, съѣзжались туда: . . .

*Пріездъ
двушукъ.*

Когда поѣздъ приближался къ дому, тогда
выходили изъ сенихъ чловѣкъ, и стучали въ
ворота; все прочіе сидѣли въ сеняхъ. Хозяинъ
немедленно выходилъ съ хозяйкою, чтобъ
встрѣтить гостей и просить въ тацѣхъ по
нати. Гости чинно входили; малялись сначала
иконамъ, а потомъ обшлись взаимными привѣ
ствіями. Гости прѣски приобѣтъ, они отъѣзжа
лись; прѣзды потерлись, но они все отъ
зывались, пока не устанутъ стоять, и замкнутъ.
— Дѣвушки входятъ въ шолохъ, и
съ своейной робостью, и не только отъ
на привѣстіе дочери хозяйской, и поном

номъ утѣшались на банному походу; выходя на большіе сады на ветру; съ своими сѣнцами дѣвочками и нянями. Пока матушки усаживались, дѣвушки заводили между собою разговоры, мѣнялись частыми поцѣлуями, садясь; но вѣста и молчали. — Прислуга между тѣмъ выбирала изъ самой господской урядки, споевля ихъ въ отдельную комнату; и заставляла углы вслой вѣчиныю.

Если матушки прѣзжали сюда за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какія собирались дѣвушки; и потомъ оставить гостить одну свою дочь; то онѣ поручали имѣть надъ нею попеченіе дѣвущкѣ - ухаживалкѣ, которую не оставляли безъ подарковъ.

Матушки оставляли своихъ дочерей съ строгими наказами, какъ вести себя, и прощались съ ними со слезами. Хозяйка старалась утѣшить мать: говорила: э, матушка, не вѣдь о дѣтской жизни; не вѣдь глядѣть на дѣтскую, прескверную полагаящую. Утѣшась и потѣшившись, мать моя. Потѣшившись дѣвочки ревели латинскими, а всѣмъ не благодарить ли Бога; и погулять: мать на хвастахъ. — Покорѣнія слова: протѣскались: немоты. Но дѣвушки: допадывались; отъ лѣтъ: и лѣтъ, и лѣтъ ихъ покрывалось румянцемъ отъ лѣтъ.

Дѣвушки, не бывъ иногда знакомы между собою, успѣвали въ нѣсколько минутъ сдружиться; называли одна другую нѣкою подруженькою; стѣныя дѣвушки величали ихъ прекрасныя дѣвушканы.

Угощеніе. Званыхъ красавицъ угощали сущими пирожками, пряниками и варенье; наваривали варенья и печеныя, и укладывали ихъ спать на пуховыхъ подушкахъ, покуда въ одной комнатѣ. Нанюшки и стѣныя дѣвушки рассказывали имъ поочередно сказки: про жаръ птицу, семь жениховъ-молодцевъ, похищеніе Іеруслана Лазаревича и проч. Когда замѣчали, что красавицы начинаютъ засыпать, тогда совѣтовали имъ помнить, что приснится, а чтобы не забыть сна, не подкладывать правой руки подъ голову.

Едва начинало разсвѣтать, какъ все въ домѣ поднималось и суетилось: хозяйка отдавала приказанія на кухню, что готовить къ завтраку для барышень. Завтракъ по обыкновенію состоялъ изъ вару, шпронговъ съ сухими пирожками, изъ молочныхъ палачей, яицъ въ сметану, желона, творогу, смѣтаны и т. п.; чаю и кофе тогда не знали. Всіахъ старался поставить на столѣ муть, сколько можно болѣе, не разбирая, что идетъ и что вѣтъ, лишь были бы онѣ сыты и здоровы. Это было главнымъ условіемъ:

заботою хозяйки, потому что хорошо пошить и пошить, составляло необходимую гастрономическую принадлежность наших предковъ.

Сънныя дѣвушки приготовляли для своихъ барышень платья. Подходили по нѣскольку разъ къ дверямъ на цыпочкахъ, чтобы прогнать: не проснулись ли онѣ? Имъ строго запрещалось будить, пока сами не встанутъ. Солнце давно взошло. Хозяйка, которая долго ожидала ихъ пробужденія, потому что завтракъ уже былъ готовъ, подходила къ дверямъ, отворяла по-вѣчному, и слушала какъ онѣ шепотомъ пересказывали другъ другу свои сновидѣнія; до слуха ея доходили полувнятные слова: ахъ, моя подруженька! Тяжелый мой сонъ, не къ добру онъ.—И мой тяжелый, говорила другая.—Мой суженый не будетъ сюда, говорила третья; а мой тоже, я не увишу его болѣе!—Но все ли то правда, что во снѣ пригрезится?—Разговоръ дѣвицъ, прекращался съ появленіемъ хозяйки онѣ поспѣше укутывались одеялами. Поразамъ, красныя дѣвушки, вставать, говорила хозяйка, окруженная нянюшками и сънными дѣвушками.

Вспомо-
ме дѣлу-
шка

Пора, моя голубушка, ягодки малиновыя, продолжала няня, пора! Ужъ ваши суженные дѣвчонки давно встали, а вы еще въ постели. Чай не добрый сонъ? Расскажи.—Настойчивая

явля не отходила отъ красавицы, пока онъ не раскануть ей про сонъ, и она толковала его, по большей части, въ добрую сторону.

Дѣвушки красавицы набрасывали на себя снѣжна спальшее платье, и потомъ умывались икрою, холодной водою; румянецъ игралъ по всему лицу, — куда вани роса! Волосы набиралась подъ ленту, рукава рубашки заворачивались. Въ цѣлительномъ уберѣ протрѣны, онъ обращался къ образу. Спаса и горюча-лились. Послѣ молитвы садилось за уборный столъ, передъ зеркаломъ, и расчесывали свою бѣлатую, волнисто-русую косу. У кого-то была не длинная и не русая, та, въ тѣлѣхъ своихъ подругъ, терала очаровательную про-лестъ. Сѣнная дѣвушка расплатилъ и заплета-ла косу; алая лента привязывалась къ сѣ кон-ну. Серьги составляли необходимую часть укра-щеній. Шейные перья; жемчужная нитка, чоканки изъ жемчугу, въ андѣ широкой тѣ-мы, золотые парчевые или бархатные малин-ные нарукавники, сорочка изъ предмѣтъ рѣш-ди. Бѣлая косынка, малиновый сорочка, бѣ-лые кисейные накрахмаленные со сбраву, ку-кара, длиною въ два аршина, а шириною въ ар-шинъ и болѣе, мастровые или конные жемчуж-чудли, сѣдящие башмаки на выюшкѣ, дѣржав-ные набутки, кисейная юбка, дѣржавная,

дубография, лавровая или бархатная, — простейшая, но милый уборъ — шалить прабубушекъ.

Одѣвшись, красавицы собирались въ одну Гостиницу. общую нематку, гдѣ подавали имъ завтракъ. Сюда никто не могъ входить изъ мужицка, кромѣ: горничныхъ, нянчинокъ и сваръ-модокъ — мамки, кои обыкновенно приходили съ порученіями отъ матушки: не была ли что въ суженіи? что снизошло? не скучно ли имъ безъ нихъ? в. т. н. А нянчонки держали узлы, съ гостинцами, кои состояли изъ орѣховъ, ореховъ, каштановъ, яблокъ, варенья, сушеныхъ сладкихъ плодовъ, моченыхъ яблокъ, грушъ, слезъ и приправовъ. Углы комнаты были ими заставлены; на кровати сардинизовъ, что при-
смыслили горничныя: у насъ дѣлать будто нечего! Нянчонки унывающи, въ приговариваяхъ присыла дѣвочки любить: полагаться; на сердаски, матушка судрыни. Вѣстимо, у насъ много, много, но ужъ такъ водится: дѣтей нѣтъ ни морни, зони все: не прѣтъ отъ аму-
шекъ. А красавица дѣвушка, пока еще не ла-
бать, тождѣсти. — Нянчонки оудавали дѣвочки
востанови, пооторыя наперевзвать върысали
они изъ рукъ, и изъ жакетъ у сердаски, что
забывали даже спросить: прѣвдровъ родальн:
Хитрая досланишка: набавляла съ: цѣлымъ
матушкинъ, за каждаго словомъ формации, а

не упустили имъ пересказывать, какъ грустятъ по нимъ родные. Слезы навертывались на глазахъ дѣвушки, и когда бывало расплачутся подруженьки, тогда стояло великаго труда утѣшить ихъ. Если посланница замѣчала, что подруженька снучаетъ, или что ей не нравится званое общество; то объ этомъ немедленно узнавала матушка дочери неугодиной; она прѣзжала за нею и отвозила тотъ же часъ, не въ предлогомъ, что по ней соскучилась, или что ей привидѣлся недобрый сонъ.

*Препрово-
жденіе
франтъ.*

До свѣзда гостей, подруженьки предавались пріятному препровожденію времени. На большомъ дворѣ стояли ледяныя горы, и съ почти-самокаточки, окрашенныя разными цвѣтами. Ворота большого двора запирались накрѣпко запорами, чтобы никто не смѣлъ входить сюда. Дѣвушки, безъ даваемыхъ чинотъ, сажали свои санички на гору, и съ нея скатывались отлично. Случалось порой перевернуться, — нянюшки и сѣняли сей часъ на помощь: поднимаютъ, голубятъ красными словцами, обнимаютъ золотилинымъ платкомъ голову, и бѣда прошла. Сдѣлалась ли на рукѣ опухоль, или въ другомъ мѣстѣ, высасываютъ ея лызкомъ; или дѣлаютъ прицарни.

Наскучивъ дятельемъ, занимались бросаніемъ другъ въ дружку сѣтгомъ, или дѣлали сѣтжнан

изображенія, представлявшія дорогія для ихъ сердца воспоминанія. Если морозъ загонялъ ихъ въ комнаты, то онъ приготовлялся къ вечернимъ гаданіямъ, а покамѣстъ препровождали время въ кусаніи орѣховъ, лущеніи сѣмянъ, кушаньи сластей, и разговаривали о предстоящихъ играхъ.

Вечеромъ начинали сѣзжаться званые гости. *Гости.* Морозный скрипъ саней возвѣщалъ хозяину издали о прибытіи гостей. Хозяинъ и хозяйка спѣшили встрѣтить ихъ у крыльца. Дѣвушки выбѣгали сюда посмотреть: не пріѣхали ли съ ними суженые? Важныхъ сажали на почетныя мѣста, прочіе сами усаживались. — Старики сѣдѣли на деревянной лавкѣ, на нервомъ мѣстѣ, за простымъ деревяннымъ столомъ, покрытымъ камчатной скатертью; въ концѣ лавки помѣщался хозяинъ. — Въ такомъ порядкѣ усаживались и барыни. Румяная и до родная изъ нихъ принималась хозяйкою съ низкими поклонами; ея усаживали на почетномъ мѣстѣ; съ лѣвой стороны располагались прочіе гости. Только старики и пожилыя женщины могли говорить; всѣ прочіе должны были слушать, не перебивать и не вѣшиваться въ разговоръ, пока ихъ не спросятъ.

Молоденькія женщины и дѣвушки, потупивъ глаза въ землю, клали на колѣна руки,

сводили пальцы съ пальцами, вертели и хрустѣли ими; другія водили пальцемъ около руки, и забавлялись перебираниемъ пальцевъ, что называлось переборочкою. Это было похваляемымъ тогда дѣломъ, потому что оно относилось къ скромности и стыдливости.

Матушки гордились дочерьми, а братья хвастались повсюду. Суженные садились по угламъ, и высматривали барышень украдкой.—Считалось неблагопристойностію смотрѣть въ глаза дѣвушки, и сидѣть молодому мушкетѣмъ паровикъ съ нею. Это значило нанести позоръ семейству. Когда дѣвушки соскучивались отъ переборочки, тогда онѣ могли порешиваться между собою и выбѣгать, для развлеченія, въ другую комнату за гостинцами, или чтобы пошептать съ нянюшкой.—Домашняя прислуга стояла за дверями, и жорой высовывала головы, изъ любопытства.

Усѣвшіеся чинно гости щеголяли другъ передъ другомъ своими одеждами. Мушкетеры держали въ рукахъ высокія бобровыя, или лисьи съ соболевой опушкою шапки; нарядились въ собольи или лисьи шубы, крытыя персидскою пестрою матеріею; рукава у нихъ были широкіе и длинныя, воротникъ стоялъ съ серебряною и золотою застежкой; любимый нарядъ былъ синій и голубой, съ золотыми остроугольными пуговицами, почти во всю дли-

ну кафтана, который подпоясывался краснымъ малиновымъ шелковымъ поясомъ, съ висящими напередѣ концами. Выстроченные сафьяные сапоги были на высокихъ желтыхъ или серабристыхъ подковахъ, съ рипами. Носили широкия рукавицы, обстроченныя бисеромъ. Рубашка была бѣлая выстроченная, съ высокимъ стоячимъ или откладнымъ воротникомъ. Шаю повязывали бумажнымъ цвѣтнымъ платкомъ. Носовой бѣлый платокъ, вышитый краснымъ шелкомъ, клался за пазуху; строчные концы торчали изъ-за груди. — Одежда была въ то время одинакая для всѣхъ, и отличалась только богатствомъ. — Тоже самое можно сказать и о женскомъ уборѣ. Шли широкое и длинное платье, и чѣмъ оно было шире и длиннѣе, тѣмъ почетнѣе. Головной уборъ состоялъ изъ кокошниковъ, которыми славилась московскія, калужскія, тульскія и орловскія женщины. Довыше орловскіе кокошники въ большой изысканности. Они дѣлались изъ разноцвѣтныхъ матерій, бархатные, малиновые съ золотою окраской, съ бисернымъ и жемчужнымъ узоромъ, — но это было отличіемъ знатныхъ и богатыхъ людей. — Серьги и жемчужныя нитки на шеѣ, носили боярскія жены. — Епанчи, сарафаны и соборны шубы такіа же носили, какъ и дѣвочки.

*

Усадивъ гостей, хозяинъ подносилъ чарку вина прежде всѣхъ *почтеннѣйшему*. Онъ просилъ его выпить за здоровье съ особымъ почтеніемъ; хозяйка держала поднось и кланялась ему въ поясъ, величая полнымъ именемъ. *Почтеннѣйшій* гость вставалъ съ лавки и выпивалъ по немногу, съ важной медленностію, желая здоровья всему дому хозяина. Особымъ считалось уваженіемъ, когда подносила хозяйка. Гость, вставая съ мѣста, кланялся ей, и потомъ раскланивался по обѣ стороны. Тогда вставали всѣ гости, и не прежде садились, пока не усадится важный гость. За нимъ подносила хозяйка остальнымъ гостямъ по порядку. Молодые мужчины и женщины не смѣли пить; имъ дозволялось только прикасаться къ чаркѣ губами и пожелать здоровья. За то они выходили въ другую комнату, когда мучила ихъ жажда. Тутъ ихъ угощали изъ темнаго стакана крѣпкимъ медомъ, а случалось, и крѣпкой наливкою. Потомъ хозяйка обносила гостей, приготовленными на деревянныхъ тарелкахъ лакомствами, которые потомъ ставились на столъ въ безпорядкѣ. Чего тамъ не было? орѣхи каленые и простые всѣхъ названій, пряники вяземскіе, крендели смоленскіе, коровайники, папушники, медовые пироги, яблошники, постила, яблоки моченые и

свѣжіе, сухіе сладкіе плоды, варенья изъ вишни, смородины, малины, крыжовника, морошки, брусники, клюквы и проч. На другомъ столѣ находились, въ глиняныхъ закупоренныхъ кружкахъ, наливки: сливянка, вишневка, клубниковка, малиновка и превосходная рябиновка; душистые меды: красные, бѣлые и мартовскіе; пиво красное, черное и бархатное. — Тогда не знали ни заморскихъ винъ, портящихъ желудокъ и здоровье, ни зловредныхъ конфектовъ, истребляющихъ зубы. Тогда жили по-своему и всѣ были здоровы. — Если хозяинъ и хозяйка замѣчали, что гости не ѣдятъ и не пьютъ, то они приступали къ нимъ съ поклонами, и не прежде переставали кланяться, пока не станутъ ѣсть и пить. Чинились ли гости? хозяйка жаловалась, что они ничего не ѣдятъ, и сама насыпала имъ въ руки орѣхи, ягоды и т. п. Хозяинъ также не переставалъ потчивать, сначала чаркой, а потомъ кубкомъ или стопою (*).

Домашняя прислуга, стоявшая толпою у дверей, не прислуживала: вся забота лежала на хозяинѣ. — Прислуга успѣвала заранѣе на-

(*) Вѣстимость кубка и стопы, была неодинаковая. При бракосочетаніи В. К. Іоанна III., кубокъ вмѣщалъ полтора ведра вина, а стопа болѣе двухъ ведръ. Угощальный кубокъ въ два стакана, а стопа въ три.

пиваться зеленого вина (зеленчану), а съезжая двушныя крѣпкихъ медовъ. Все ходило мыслетями. Гостялъ же давали отдыха: они должны были пить и ѣсть, этимъ только доказывали особое уваженіе дому. — Дѣвушки угощали сами себя. Суженые смотрѣли на нихъ изъ-подлбья, перебирая пальцами шуговицы на кафтанакъ, или поправляли свои длинные курчавые на головѣ волосы.

*Пѣніе сла-
вы.*

Вино скоро разшевеливало сердечушки; самая строгая молчаливость забывалась. Неприступные и важные до того гости, дѣлались разговорчивѣе: шутили, смѣялись, а наконецъ принимались пѣть подблюдныя пѣсни. —

Подблюдными онѣ называются по той причинѣ, что ихъ пѣли, и теперь поютъ, за столомъ при кушаньи. Я называлъ ихъ пѣніемъ славы, потому что каждый стихъ оканчивается припѣвомъ: слава.

Новыхъ подблюдныхъ пѣсней мы не имѣемъ, а потому помѣщаются здѣсь старыя, какія пѣли наши предки. Они пѣли отъ избытка радости и удовольствія, а мы, отушевленные заморскими вычурами, повторяемъ ихъ пѣсни. Наши бояры, князья и знаменитые сановники не чуждались народныхъ увеселеній, и народъ соперничествовалъ въ томъ съ ними. Знатные люди собирались, въ старыя годы,

чтобы повеселиться; мытъ собирается большею частью для того, чтобы провести ночь за картами. Что скажетъ объ насъ потомство? Оно скажетъ, что мы открыли въ картахъ новый путь къ истребленію просвѣщенія. Больно, когда объ этомъ подумаешь!—Посмотрите, какъ забавлялись прежде на святкахъ. Знатные гости первые значили пѣть славу всему тому, что было достойно славы, что было славно.— Нашъ Бѣлый Царь, всегда драгоцѣнный для русскаго сердца, привѣтствовался прежде всѣхъ:

Слава Богу на небѣ,

Слава!

Государю нашему на сей землѣ,

Слава!

Чтобы нашему Государю не старѣться,

Слава!

Его цвѣтному платью не изнашиваться,

Слава!

Его добрымъ конямъ не изъѣживаться,

Слава!

Его вѣрнымъ слугамъ не намзвиваться,

Слава!

Чтобы правда была на Руси,

Слава!

Красно солнце светило,

Слава!

Чтобы Царева золота казна,

Слава!

Быде вѣкъ полинымъ полнѣ,

Слава!

Чтобы большимъ рѣкамъ,

Слава!

Слава песлась до моря,

Слава!

Малымъ рѣкамъ до мѣльницъ,

Слава!

А эту пѣснь мы хлѣбу поемъ,

Слава!

Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,

Слава!

Старымъ людямъ на потѣшенье

Слава!

Добрымъ людямъ на усмѣханье

Слава!

Славу поютъ всѣ безъ различія, примѣли
ее къ предмету и обстоятельствамъ. Дѣвушки
красѣли, когда гости просили ихъ пропѣть,
молодыя женщины понимали, къ чему клоня-
лось прошеніе, начинали пѣть, и своими на-
меками о суженыхъ, забавляли все общество.

*Замуже-
ство съ ро-
выми.*

Катилось зерно по бархату,

Слава!

Еще ли то зерно бурматское,

Слава!

Прикатилось зерно къ яхонту,

Слава!

Крупенъ жемчугъ съ яхонтомъ,

Слава!

Хорошъ женихъ съ невестою ,

Слава!

Кому мы сѣкли, тому добро ,

Слава!

Кому вынется, скоро сбудется ,

Слава!

Скоро сбудется, не минется ,

Слава!

Три послѣдніе стиха присоединяются не только къ подблюднымъ пѣснямъ, но большею частію по-произволу къ игорнымъ и гадательнымъ.

Пѣніе славы въ честь дѣвицы невесты:

Дѣвичье

Идетъ кузнецъ изъ кузницы ,

прошенье.

Слава!

Несетъ кузнецъ три молота!

Слава!

Кузнецъ! кузнецъ! ты скуй вѣнецъ,

Слава!

Ты скуй вѣнецъ, и золотъ и лѣсъ,

Слава!

Изъ остаточковъ золотъ перстень,

Слава!

Изъ обрывчиковъ булавочку.

Слава!

Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчаться ,

Слава!

Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися ,

Слава!

Мнѣ тою булавою убрѣсть притыкати,

Слава!

Исполне-
ніе скла-
наіа моло-
дыхъ.

Родители любятъ дочерей своихъ, а еще
болѣе любятъ видѣть ихъ счастливыми. Съ ка-
кою радостію поютъ они согласіе и любовь
молодыхъ !

Летитъ соколъ изъ улицы,

Слава!

Голубушка изъ другой,

Слава!

Связыми крыльями обнимались,

Слава!

Ужъ и имъ добрые люди дивовались,

Слава!

Какъ соколъ съ голубкой уживались,

Слава!

Кому мы спали, тому добро,

Кому мынется, тому сбудется,

Тому сбудется, не минуется.

Во время пѣнія, держащая блюдо дѣвушка,
дастъ кому нибудь изъ загадавшихъ, положить
подъ платокъ руку и потомъ велитъ вынуть
вещь на-удачу. Чья вещь вынется, тому спѣ-
тая пѣснь служить предвѣщаніемъ.

Другія поютъ эту пѣснь иначе:

Летитъ соколъ изъ улицы,

Слава!

Голубушка изъ другой

Слава!

Слетались клановались,

Слава!

Сестрами кралянами обнимались,

Слава!

Кому мы спели, тому добро,

Слава!

Кому вынется, тому сбудется,

Слава!

Тому обудется, не минуется.

Слава!

Дѣвушкамъ не суждено вѣчно жить въ родительскомъ домѣ. *Замужество.*

Грустно! но грустиѣ быть одинакой.

Ласточка, ласточка!

Слава!

Не вѣй гнѣзда въ высокомъ терему,

Слава!

Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не летывать.

Слава!

Сердце дѣвушки, вѣщунъ,—оно не обманулось, ожидая суженаго.

Ты мати, мати, порода моя!

Слава!

И ты выгляни, мати въ окошечко,

Слава!

И ты выкини, мати, опутинку,

Слава!

Чтобы было чѣмъ опутать ясна сокола,

Слава!

Что ясна сокола, то слово жениха.

Слава!

Замужество за милымъ.

Ахъ ты гнѣвое деревцо, черемуха,

Слава!

Куда клонись, туда склонись,

Слава!

Суженой. Сердце дѣвушки груститъ: оно ищетъ суженаго, мысленно готовить ему полотенце и постель:

По огороду хожу, полотенцы стелю,

Слава!

Я еще похожу, я еще постелю.

Слава!

Снимасть колечко, катаетъ его и идетъ за нимъ:

Покачу я колечко кругомъ города,

Слава!

А за тѣмъ колечкомъ, я сама пойду,

Слава!

Я сама пойду, мила друга найду,

Слава!

Мила друга, суженаго.

Слава!

Подъ первой пѣснью разумѣютъ замужество съ милымъ, а подъ другою отъѣздъ.

Красныя дѣвушки сидѣли, какъ на иголкахъ, когда имъ пѣли про будущую ихъ долю; онѣ переставали играть въ переборочки и не смѣли поднять своихъ глазъ. Не однѣ онѣ терпѣли, но и самые суженые:

Скачетъ грузочекъ по ельничку,

Слава!

*Исканіе
болярыни.*

Ищетъ грузочекъ бляничку,

Слава!

Не грузочекъ то скачетъ, дворянской блянь,

Слава!

Не бляничку ищетъ, болярыню,

Слава!

Суженые посматривали на своихъ красавицъ, не смѣя говорить; но разгулье поющихъ вызывало новыя пѣсни:

Я брошу подушечку черезъ ворота,

Слава!

*Отрокъ съ
отрочицею.*

Ты поди, моя подушечка, черезъ ворота,

Слава!

Что черезъ ворота во высокъ теремъ,

Слава!

Изъ высокаго терема на тесовую кровать,

Слава!

Да кому на той подушечкѣ спать, почивать,

Слава!

Спать отроку съ отрочицею,

Слава!

Еще молодцу съ дзвицею.

Слава!

Хозяинъ радовался, что его гости веселились и снова подносили по чаркѣ вина. Если онъ не догадывался, то пѣли:

Чарочка поплывушечка,

Слава!

До чего тебе доплывать?

Слава!

Князьямъ и боярамъ вино подносить.

Слава!

Подобнымъ образомъ поются, со словомъ
слава, всѣ нижеслѣдующія пѣсни:

*Исполненіе
желанія.*

Стоять санки снаряженныя
И полостью они подернуты.
Только сѣсть въ санки, да доплыть.

Отшельды.

Саячки, самокаточки!
И сами катятъ, сами вѣзть хотятъ.

По огороду хожу, полотеныцы стелю,
Я еще похожу, я еще постелю.

*Будущая
прибыль.*

Разтворю я квашонку на доньшкѣ,
Я поставлю квашонку на столбушкѣ,
Я покрою квашонку чернымъ соболемъ,
Опою квашонку краснымъ золотомъ.
Ты выйди моя квашонка полнымъ полна,
Полнымъ полна, со краями ровна.

Богатство.

Щука шла изъ Новгорода,
Она хвостъ волкла изъ Бѣла озера.
Какъ на щуку чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченная,
А головка у щуки унизанная.

*Замужество
за деньги.*

Я на корытѣ сажу, я корысти глажу;
Я еще посажу и еще погляжу.

И в гладь пергады, корысть на дворъ,
Корысть на дворъ, сто рублей на столъ.

Ахъ сѣй, мати, мучицу, пеки пироги!
Какъ къ тебѣ будутъ гости печалыные,
Какъ печалыные и невѣдаыные,
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи;
Къ тебѣ будутъ въ лаптахъ, ко мнѣ въ сапогахъ.

*Замужество съ дво-
рянщиной.*

Вился, вился ярыи хмвль,
Около тычкии серебряныи!
Такъ вилися князья и бояре
Около дѣвицы, красной души.

*Замужество съ чи-
новникомъ.*

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
У богатого мужика двѣ радости:
И онъ сына-то женить,
Дочь за мужъ отдатьъ.

Свадьба.

Ужъ какъ кличетъ котъ кошку въ печурку
спать:
Ты поди, моя кошурка! въ печурку спать.
У меня у кота есть скляница вина,
Есть скляница вина и комецъ пирога;
У меня у кота и постеля мягка.

*Двухамъ
замужество,
а холостымъ
женитьба.*

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою,
Живутъ мужики все богатые,
Гребутъ золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.

*Замужество съ бо-
гатыми.*

Никто разумѣютъ подѣ сею пѣсню смертъ
пожилымъ, а не замужнимъ бракъ, но это не-

правильно: самое содержаніе выражаетъ богатство, а не смерть. Значеніе же золота и серебра употребляется въ гаданіи вмѣсто богатыхъ жениховъ.

Несчастіе.

Жемчужина окатная!

До чего тебѣ докатится?

Пора тебѣ выкатиться,

Князьямъ и боярамъ на шапочку.

Большое богатство и счастье.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,

Шубенька на немъ худенькая;

Одна то пола во сто рублей,

А другая пола въ тысячу,

А всей шубеньки цѣны нѣту:

Цѣна то ей у Царя въ казнѣ,

У Царя въ казнѣ въ золотомъ дворцѣ.

Забавы и разставанія.

Подблюдныя пѣсни пѣли по произволу: иногда прежде дѣвичьихъ игръ и гаданій, а иногда послѣ потѣхъ, которыя состояли въ пляскахъ, разсказахъ, прибауткахъ, сказочкахъ и наряжаньи. Не было правила для веселья: все зависѣло отъ расположенія духа гостей; но хозяинъ, чтобы болѣе развеселить ихъ, вводилъ въ комнату наряженныхъ шутовъ. Скоморохи выдумывали забавные наряды, чтобы поразсмѣшить. Узкіе брюки, трехугольная бумажная шляпа съ гусинымъ перомъ, длиннополый съ широкими фалдами до пядей фракъ, долгій носъ, сухощавое лицо, ноги тонкія и высокія, и брюхо одавленное

во' внутрь тѣла, были изображеніемъ Нѣмцевъ. *Мей, мзоя*, ходили съ низкими поклонами и ѣли траву. Другіе шуты представляли въ смѣшномъ видѣ и боярскую спѣсь, не въ бровь а прямо въ глазъ. Въ числѣ наряженныхъ находились часто самые суженые, которые принимали на себя разнообразныя виды. Слепые лазари, одѣтые въ оборванное платье и съ кіемъ въ рукѣ, были суженые; они подходили къ дѣвушкамъ просить милостыню, стараясь разсмотрѣть ихъ поближе; съ намѣреніемъ вступали съ ними въ сердечный разговоръ; жаловались на тягостную судьбу, бездомную жизнь. Лазарь, бѣдный Лазарь, чего ты ищешь? спрашивала суженая. Судьбы своей, отвѣчалъ онъ. Сердце дѣвушки сильно билось, когда она узнавала знакомый голосъ; гости старались открыть его, но приличіе не допускало. Суженому дозволялось тѣшить гостей, а невѣстамъ отгадывать. Иногда, неожиданно вбѣгала въ комнату толпа переряженныхъ мужчинъ и женщинъ: лица ихъ окрашивались кирпичемъ и вохрою, а иногда вымазывались сажею; на головѣ торчалъ предлинный бумажный колпакъ, разрисованный произвольными изображеніями. Толпа начинала плясать и скакать. Къ ней принадлежали и не приглашенные гости.

Судя по разнообразію переряжваній , нельзя утвердительно сказать, какіе изъ нихъ были употребительнѣйшія. Говорятъ, что бука, коза, медвѣдь, яга-баба, пласуны и дорожные люди, употреблялись всего чаще. Бука наряжался воѣхъ забавнѣе: лице его было обмазано сажею, голова обставлена рогами, уши обвернуты лохмотьями, руки изъ соломы, ноги толстыя и кривыя, тѣло обвивалось чѣмъ нибудь косматымъ, съ привѣшенными бубенчиками; во рту онъ держалъ раскаленные уголья, и изъ онаго выпускалъ онъ дымъ. Коза шла за букою, одѣтая въ вывороченный тулупъ, и кричала: бя; за нею, неворотливый въ лаптяхъ медвѣдь, съ палкою, и ревѣлъ: его велъ Литвинъ въ своемъ народномъ платьѣ; по его требованію, медвѣдь плясалъ и дѣлалъ разныя кривлянья. Яга-баба ѣхала въ ступѣ, съ костяными ногами, помеломъ заметала свой слѣдъ и правила костьюлемъ. Зубы имѣла она черныя и открытые, лице старое, морщиноватое; дѣдала загадки и сама отгадывала. «Загадаю я загадку, красная дѣвушка, отгадаешь, сбудетъся.—Двое идутъ и двое несутъ, а самъ третій поетъ. — Или: два кольца водить одинъ отецъ; кому на руку, тому всему конецъ. — Не отгадала красная дѣвица! Вѣнчаніе, красавица-душа, вѣнчаніе!»—Загадаю еще загадку. «Подъ лѣ-

сошь; лѣсомъ, пестрыя колесы висѣтъ; дѣвицъ украшиваютъ, молодцовъ дразнятъ. — Не отгадала? — «серьги». Еще загадаю загадку:

Бѣжить, летить,

На весь свѣтъ кричитъ:

Раздайтесь, разступитесь,

Меня спроситесь. (Сватовство).

Дарья съ Марьей видятся, да не сходятся.
(Потолокъ съ поломъ).

Стоитъ баба на грядкахъ, вся въ запла-
кахъ; кто нейдетъ, всякъ заплачетъ. (Лукъ).

Двѣ матрены, пять Филилѣевъ, да десять
Андреевъ. (Дровни). (*)

Красной кочетокъ, по нашествѣ бѣжитъ.
(Огонь).

Быкъ желѣзной, хвостъ кудельной. (Огонь).

Стоитъ попъ низокъ, на немъ семьдесятъ
ризокъ. (Рѣпа).

Стоитъ мостъ на семь верстъ, на мосту
яблоня, на яблонѣ цвѣтъ, во весь свѣтъ. (Пасха).

Летитъ орелъ, несетъ во рту огонь, и по-
зади его смерть идетъ. (Ружье).

Безъ окошекъ, безъ дверей, полна церковь
людей. (Огурецъ).

Шерстка съ шерсткой сходятся, по вече-
рошнему хочется. (Сонъ).

(*) Матрена въ простонародіи означаетъ половъ, Фи-
липпъ/внѣтъ, Андрей коньякъ. Отъ чего прозвища эти де-
вали, мнѣ неизвестно.

Гни меня, ломь меня: у меня на макушкѣ
есть махнушка, въ махнушкѣ закрылось, то
краснымъ дѣвушкамъ полюбилось. (Орѣхи).

Стоитъ рогатка, на рогаткѣ мохнатка, въ
мохнаткѣ сладко. (Орѣхи).

Кто таковъ, какъ Иванъ Ермаковъ: съѣлъ
на колѣ, да поѣхалъ въ огонь. (Горшокъ).

Быкъ реветъ, хвостъ до небу деретъ. (Ко-
лодезь).

Сутулинькой, горбатинькой все поле про-
бѣжалъ. (Серпъ).

Сивый конь, чрезъ ворота смотреть. (Луна).

Выгляну въ окошко, стоитъ рѣпы луко-
шко. (Звѣзды).

И у насъ и у васъ, поросенокъ увязъ.
(Мохъ).

Четыре сестрицы, подъ одной фатой сто-
ять. (Столъ).

Четыре сестрицы, въ одну лунку глядятъ.
(Доеиѣ).

Загадаю загадку, закину за грядку, въ годъ
пущу, въ другой выпущу. (Посѣвъ).

Выгляну въ окошко, стоитъ долгій Ан-
тошка. (Уголъ).

Черная корова, встѣхъ поборола. (Ночь).

Лѣзу, лѣзу, по желѣзу; лѣзу на мясную
гору, сяду на деревянну бесѣдку. (Верховая
ѣзда).

Стоять гора, въ горѣ нора, въ норѣ жукъ,
а въ жуки море. (Чугунъ, стоящій въ печи съ водою).

Мать толста, дочь красна, а сынъ подъ
облака ушелъ. (Печь, огонь и дымъ).

Старый баринъ, кусочками валить. (Овнъ).

Блоха быка родила. (Рѣдка).

Два борова грызутся, промежъ нихъ пѣна
валится. (Жернова).

Рѣжу, рѣжу, крови нѣту; ѣду, ѣду, слѣ-
ду нѣту. (Корабль).

Утка крикнетъ, берега звякнутъ, собира-
ются дѣтки къ одной маткѣ. (Церковь) (*).

Загадки примѣнялись къ мѣсту и обстоя-
тельствамъ. Яга-баба, (**) высказывала двусмы-

(*) Это самая малая часть загадокъ, а ихъ очень много.
Должно жалеть, что онѣ доселѣ не собраны у насъ и не
объяснены.

(**) Венгерскіе Славяне произносятъ Ензи-баба.

Ензи-баба,

Стара-баба,

Ту мамъ зубъ костяны,

Дай ми зань железны.—

У нихъ сохранилась про нея легенда. Одинъ охотникъ, который
давно желалъ найти дорогу къ аду, ходилъ, искалъ и долго
блуждалъ напрасно. Переизбѣшій и голодный онъ пришелъ въ
лѣсъ случайно, разложилъ около рѣки огонь, вынулъ изъ мышка
кусочъ солонины, продѣлъ на деревянный вертелъ и пекъ такъ
сильно, что потекло изъ него масло, которое капало на подста-
вленный имъ кусочъ хлѣба. Вдругъ онъ слышитъ, въ сторонѣ
отъ рѣки, кто-то скрежещетъ зубами, и кричитъ: ой, какъ мнѣ

сленно свои загадки, обращала ихъ преимущественно на семейные домы. Если она замѣчала въ нихъ какія-либо недостатки или пороки, то никого не щадила.—Яга-баба всегда долго отдѣлывалась отъ вопросовъ. Молодые люди подступали къ ней и спрашивали: «яга-баба, костями нога! отъ чего болить голова?» Отъ того, что болить сердце, отвѣчала она.—Ее дергали за косу, и смѣялись надъ нею.

Наряженные важничали, и корчили знатныхъ. Къ ихъ толпѣ приставали плясуны. — Сколько сладостныхъ чувствъ въ русской пляскѣ! Это разговоръ сердца съ сердцемъ, выраженіе мысли и желаній. Почтенные гости

холодно! Ой, какъ мнѣ холодно!—Онъ посмотрѣлъ за реку, и видитъ стоящую тамъ женщину. Эй! закричалъ онъ ей, по-ди сюда и согрѣйсл. Она пришла и начала грѣться. Запахъ соломины возбудилъ въ ней пріятный аппетитъ. Взявъ кусокъ дерева, она пошла къ ближнему озеру, вторкнула въ сукъ жабу, возвратилась къ огню, и начала жарить ее, приговаривая :

Кому се печи печена,
Того буде жаба;
Кому се печи жаба,
Того буде печена.

Въ другихъ мѣстахъ утверждаютъ, что она говорила такъ

Мнѣ се печи печена,
А тебѣ се жаба;
Ты хцешъ итти до пекла;
Я сомъ Ензи-баба. —

Яга-баба рассказала ему потомъ про адъ, и указала дорогу, посоветовавъ, чтобы онъ прежде всего запасся мясомъ, по-

усаживались на скамьяхъ, и омотрѣли съ невыразимымъ удовольствіемъ на пляску, которая перерывалась на-время переряженными. Входили дорожные люди, изъ всѣхъ опаснѣйшіе для суженыхъ. Это были нарядные съ дѣломъ отъ матушекъ, чтобы высматривать и вывѣдывать разговоры суженыхъ. Они одѣвались по-просту: ходили съ палкою въ рукѣ, въ лаптяхъ и дорожномъ кафтанѣ. Лица имѣли подкрашенные; иные изъ нихъ разыгрывали кадекъ съ поддѣльными горбами, привязавъ къ спинѣ рѣшето или коробъ; иные были съ отвислыми животами, поддѣланными изъ подушекъ, и съ кривыми, уродливыми ногами. Дорожныхъ людей спрашивали про новости: гдѣ что слышно, и изъ-далека ли идутъ они? Угощали

му что змѣй, который сидитъ у входа, донесетъ его на себя до ада, а потомъ онъ будетъ жрать на лошади, и въ то время, когда змѣй раскроетъ свою пасть, бросалъ бы ему по куску мяса въ пасть, иначе сожретъ онъ его самого.—Охотникъ набралъ, сколько могъ, всякаго мяса, отыскавъ дорогу къ змѣю, съѣлъ на него и вздвинулся на немъ по адской пропасти, бросая всякой разъ, въ раскрываемую пасть змѣя, по куску мяса. Охотникъ, осмотрѣвъ весь адъ, опять съѣлъ на змѣя и полетѣлъ изъ преисподней, но въ своему ужасу онъ увидѣлъ, что у него остается мяса немного. Онъ летѣлъ, и уже былъ недалеко отъ земли. Боясь чтобы не быть съѣдену отъ змѣя, онъ отрезалъ свою ногу и готовился бросить ея въ разинутую пасть змѣя, но послѣдній проглотилъ охотника со всемъ тѣломъ. — Kol-lar. Noródn. Zpiew. Ч. I. с. 12.

ихъ и вновь спрашивали: куда теперь идти, и какъ Богъ привелъ ихъ сюда?—Дорожные отвѣчали: слышали мы, матушка Ивановна, что сего дня вечеръ красныхъ дѣвушекъ у боярина Ильи Артамоновича, и мы незванные пришли погрѣться; да не прогнѣвается хозяинъ, говорили они, и кланялись послѣднему въ поясъ.— Безъ васъ веселье не веселье, отвѣчалъ хозяинъ. — Не нами оно начиналось, не нами кончится, дорожные отвѣчали ему съ поклономъ. Исполонъ вѣка такъ ведется на Русь: гдѣ веселье, такъ дѣвичье потѣшенье. — Вѣстимо, добрые люди, отвѣчалъ имъ хозяинъ. Сажалъ ихъ на лавку, угощалъ виномъ. Между тѣмъ шли обнякомъ разговоры о суженыхъ.

Вино текло рѣкою. Хозяинъ для поддержанія важности своего дома, не переставалъ угощать званыхъ и незваныхъ, наряженныхъ и не наряженныхъ. Тѣ, которые ничего не пили, считались важными и *непитущими* (непьющими). Если же кто изъ почтенныхъ гостей, напившись, началъ засыпать, того принимались качать на рукахъ дворовые люди, и пѣли ему: *слава*.

При наступленіи разъѣзда гостей, сговаривались у кого поспровать, и новые снаряжались поѣзды. Не всѣхъ приглашали одинаково ласково. Если пріѣзжали наряженные, то тщательно старались узнавать про нихъ; когда же не бы-

лю возможности успѣть въ этомъ, то принимались качать ихъ. Подхватывая гостя на руки, раскачивали и бросали его вверхъ; потомъ опять раскачивали и бросали, при пѣніи славы, пока гость не скажется. Тогда принимались пить за его здоровье, если гость по сердцу; въ противномъ случаѣ, притворялись, что рады его пріѣзду. За здоровье боярыни, или красной дѣвушки пили изъ банника, снявъ оный почтительно съ ноги. Это обыкновеніе перешло къ намъ изъ Польши. Считалось великою обидой, если женщина отказывалась отъ этой чести.

Нагулявшись и навеселившись, гости разѣжались чинно. Хозяинъ и хозяйка упрашивали ихъ посидѣть еще не множко; они отказывались; хозяинъ и хозяйка кланялись въ поясъ, но они на-отрѣзъ говорили: матушка, свѣтъ! не все пить, надо и спать. Чай пѣтухи пѣли, только черти веселятся въ полночь. Мы же ни какіе мекрести, и ни какіе окаянные. — И знаемо, Анна Степановна, отвѣчалъ хозяинъ, перекрестя лобъ, и говоря: не при насъ будь сказано, нечистая сила давно гуляетъ въ полѣ! —

Прощанье продолжалось нѣсколько часовъ: гости пріѣдали и вставали, отказывались пить на дорогу, и пили; цѣловались, обнимались, и вся-

коя обхвѣтіе: скрѣплялось новою чаркою вина. Но уже нѣтъ возможности удерживать гостей: давно разсвѣло, и все кричатъ: отпусти насъ хозяинъ!—Начиналось прощанье и наступаю новое чмоканье: все должны были перепцѣловаться, разцѣловать хозяина, хозяйку и его дѣтей—что частыя звѣады. — Двинулись санные повзды, а гости все кричали издали хозяину, стоявшему еще у воротъ: пошалуи, не забудь, батюшка, побесѣдовать на нашемъ вечерѣ.

У стариковъ понимѣ льются слезы, когда вспомнить про былов:

III Святочныя гаданія и переряживанія.

Подблюдное гаданье.

Святочные вечера провожались въ старые годы угощеніями, многообразными забавами и гаданіями, которыя назывались *дѣвичьимъ веселемъ*. Гости, особенно суженныя, ожидали гаданій съ нетерпѣніемъ. Къ общему желанію выдвигался столъ, накрытый бѣлой скатертью, и ставился свахою посреди комнаты. Старые люди просили молодыхъ попытать свою судьбу. Сердце дѣвушекъ сильно билось, особенно въ то время, когда дана или кто-либо изъ гостей, ставилъ блюдо съ водою на столъ. Все усаживались около стола, молодые поглядывали. Сва-

на собирала: парочки и кольца у красныхъ дѣвушкѣ и клала ядѣ на столѣ; придвигались тогда поближе къ столу. Красавицы стояли у блюда, или поодаль, и пристально смотрѣли на дѣйствіе свахи, которая принимала на себя важный видѣ. Она клала на столѣ нѣсколько угольевъ, кусокъ ржаного хлѣба, нѣсколько кусочковъ крупной соли. Въ иныхъ мѣстахъ клались, по числу загадывающихъ, угольки, соль и хлѣбъ. Сваха прошептывала надъ ними таинственныя слова, и потомъ приступивъ къ столу, говорила: «суженаго ряженаго, конемъ не объѣдешь» и просила прочихъ гостей также вопросятъ судьбу о будущности своей.—Гости напередъ задумавъ, отдавали ей свои вещи, которыя складывались вмѣстѣ.

И нынѣ почти также совершаются подобныя гаданія, только безъ свахъ, а одними дѣвушками, которыя, взявъ блюдо, кладутъ въ него сначала хлѣбъ и соль, потомъ вынутую изъ печи глину и уголь, напоследокъ каждая, положи въ блюдо какую нибудь изъ своихъ вещей, на прим., кольцо, перстень, или что нибудь другое, и замятъ свою вещь, загадываютъ о судьбѣ, начиная обыкновенно пѣсню хлѣбу, съ призывомъ къ каждому стиху: олава.

Въ прежніе годы гаданія начинали свахи
пѣснью хлѣбу и соли, за нею пѣли дѣвушки:

Хлѣбу да соли долготъ вѣкъ,

Слава!

Боярышнѣ нашей боля того,

Слава!

Кому мы спѣли, тому добро.

Послѣ этихъ словъ сваха опускала въ блюдо
хлѣбъ, соль, угольки, перстни, кольца и дру-
гія вещи, и пѣла.

Кому вынется, скоро сбудется,

Слава!

Скоро сбудется, неминуется,

Слава!

Потомъ трясла блюдо и вынимала вещи.
Если вынимали вдругъ два кольца, то пѣвали:

Какъ на небѣ двѣ радуги,

Слава!

А у богатаго мужика двѣ радости,

Слава!

Первая то радость, сына женить,

Слава!

Другая радость, дочь замужъ отдасть,

Слава!

Кому спѣли, тому добро.

Слава!

Изъ самыхъ важныхъ святочныхъ вече-
ровъ, есть Васильевъ вечеръ. Для него дѣла-
лись богатые семейныя собранія; тутъ ничего
не щадили для угощеній, и производили всѣ

возможные способы гаданій. Наши старые люди думали, что всѣ гаданія, произведенныя въ этотъ вечеръ, непременно сбывались. Случалось, что сваха, или другая какая-либо женщина, вынимала съ намѣреніемъ вещи суженого и суженой:

Разцвѣтали на небѣ дѣвѣ радуги,

Слава!

У красной дѣвицы дѣвѣ радости,

Слава!

Съ милымъ другомъ совѣтъ,

Слава!

И растворенъ подклѣтъ,

Слава!

Вынутыя такимъ образомъ вещи означали неминуемый бракъ. Сваха продолжала искать два колечка, и пѣла:

Пойду млада къ вереюшкѣ,

Слава!

Брякну, млада, во колечушко,

Слава!

Отыскавъ два кольца, она брякала ими въ блюдѣ и обращаясь къ гостямъ, пѣла:

Какъ колечко скажется,

Слава!

Такъ суженой откликнется,

Слава!

Вынувъ два кольца и показавъ ихъ присутствующимъ, она толковала: «чему быть, то-

ну именовать.» Если же случилось, что выжила два дѣвятихъ, то одно откладывала и искала суженаго.

Не одна сваха могла гадать, но и дѣвчмы. Для этого избирали красавицу и ловкую; избранная подступала къ столу съ трепетомъ и съѣвъ, пѣла:

За столомъ сижу,
Слава!

Я на чашу гляжу,
Слава!

Я патернею вожу,
Слава!

Золото, кольцо ишу,
Слава!

Если не находила кольца, или боялась взять не то, которое бы желала, то продолжала:

Я еще посижу,
Слава!

Я еще повожу,
Слава!

И суженаго найду,
Слава!

Въ этотъ разъ она должна была показывать, что вынула. Хорошо если вынула вещь по сердцу особы загадывающей. Матушки обращали тогда особое вниманіе на жениха.

Въ иныхъ мѣстахъ дѣвушки ставятъ на столъ красное деревянное блюдо, покрываютъ

его большими белыми платкомъ и кладутъ на платокъ кусокъ хлѣба, и нѣсколько угольевъ; потомъ каждый изъ дѣвицъ загадываетъ кольцомъ, перстнемъ, запонкою, серьгами, и проч. Перекрещиваютъ блюдо загаданной вещью, и кладутъ каждую отдѣльно подъ платокъ. Пропѣвъ пѣснь хлѣбу, ломаютъ его и уголь на кусочки, дѣлятъ между собою, и потомъ завертываютъ въ рукахъ рубашки, съ коими должны лечь спать, и что приснится, то должно случиться. Послѣ, достаютъ каждую вещь при пѣвѣ славы, и толкуютъ будущую жизнь по вынутому предмету. Если съ дѣвичьими вещами вынимаются и мужскія, то поютъ:

Пошли гусли вдоль по дѣвкѣ,

Слава!

Впередъ по скамейкѣ,

Слава!

Дѣвушка ходитъ между рядами суженыхъ и отбираетъ у нихъ вещи:

Мы дойдемъ до умика,

Слава!

До разумника Ивана Михайловича,

Слава!

Ты пожалуй намъ уминокъ,

Слава!

Съ правой руки золотъ перетень,

Слава!

Съ буйной головы золотъ вѣнецъ,

Слава!

Когда шли для дѣвушки, или для мужчины,
тогда оставляли ихъ имена.

Пошли гусли вдоль по горницѣ,

Слава!

Ай вдоль да по скамѣчкѣ,

Слава!

Дошли гусли до столечника,

Слава!

Что до дубоваго,

Слава!

Ты возьми, возьми умница,

Слава!

Съ правой руки золотъ перстень,

Слава!

Съ своей ли головы золотъ вѣнецъ,

Слава!

Дѣвушка перемѣшиваетъ вещи и беретъ
одну на удачу:

Кому вынется, скоро сбудется,

Слава!

Скоро сбудется, неминуется.

Слава!

Если изъ собранныхъ вещей доставался
комунибудь платокъ, то это означало дорогу
съ суженымъ.

Или:

Золотая парча развивается,

Слава!

Кому въ дорогу собираться,

Слава!

Стоять сани снаряженные,

Слава!

И полостью подернуты,

Слава!

Только свистъ, да повхати,

Слава!

За подблюдными пѣснями слѣдовали игры, *Золото хоро-
нить.*
изъ коихъ самая старинная и понынѣ употре-
бляемая между всѣми сословіями, съ небольшо-
шими мѣстными измѣненіями, это есть: «золото
хоронить». Дѣвушки садятся въ кружокъ, по-
ложивъ руки на колѣна. Одна изъ нихъ, под-
ходя къ сидящимъ въ кружкѣ, отдаетъ тайно
которой нибудь свое кольцо, а другая должна
отгадывать, кому оно отдано. Отдавшая коль-
цо поетъ:

И я золото хорою, хорою;

Чисто серебро хорою, хорою;

Я у батюшки во терему, во терему;

Я у матушки во високомъ, во високомъ.

Гадай, гадай дѣвица,

Отгадывай красная!

Въ коей рукъ былаца,

Змѣиныхъ крыльца?

Въ это время дѣвушка ходитъ въ кругу, дру-
гія передаютъ незамѣтно кольцо, которое бы-
стро обходитъ цѣлый кругъ или остается въ
рукахъ хоронящей, иногда весьма долго, съ
тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сбить ищущую,
обманывающуюся мнимой передачею кольца:

она часто ищетъ послѣдняго у той, у другой, третьей дѣвицы, и не находитъ. Когда кольцо ходить по рукамъ, тогда поютъ:

Паль, паль перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ червую смородину.
Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная,
Въ коей рукѣ былаца.
Змѣяныя крылица?

Стоявшая въ кругу ищетъ золото по рукамъ дѣвушекъ, коихъ особая ловкость состоитъ, показавъ кольцо, успѣтъ вдругъ передать другимъ или скрыть его такъ, чтобы ищущая не знала, гдѣ искать. Если она отыщетъ, то скоронившая золото занимаетъ ея мѣсто, хотя бы не кончилась пѣснь. Въ противномъ случаѣ должно искать, и ходя въ кругу, пѣть:

И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Какъ бы знала, какъ бы вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи.
Шелкомъ перевиваючи.
Златомъ приплетаючи,
Охъ вы, дѣвушки!
Подруженьки (*);
Вы скажите, не утайте,

(*) Въ нѣмъ мѣстахъ поютъ:
Ахъ, вы кумушки,
Вы голубушки.

Мое золото отдайте.
Меня мати хочет бить,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Ей отвѣчаютъ:

Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная.

Если золото не отыскивалось, то снова:

Паль, паль перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень,
Да у боярина, да у молодого,
На правой ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ. —

Дѣвушка гадала,
Да не отгадала;
Красная гадала,
Да не отгадала,
Его съела рыба!
• Проглетила рыба
Еще соли солонку.

Наше золото пропало,
Да и порохомъ запало,
Да и мохомъ заросло.
Призанидѣвло, призаплесневло.
Вечеръ, вечеръ молодежка,
Съ дворяниномъ понтрала,
Съ руки перстень потеряла.
Молодайка, отгадайка!

★

Искавшая золото наша и тѣмъ прекращается игра. Тогда занимаетъ мѣсто та, у коей было найдено, и продолжаютъ играть прежнимъ порядкомъ.

Всѣ сословія праздновали святочные вечера, и сколько они доставляли потѣхъ, столько приносили съ собою тягостей; потому что въ семейные дома появлялись неожиданно хожалые сваты, коихъ должны были угостить. Они приходили съ порученіями высмотрѣть невѣсть, и пригласить на вечеръ семейнаго сосѣда: посидѣть, поговорить. Хожалый сватъ одѣвался въ праздничный кафтанъ, голову приглаживалъ квасомъ, а волосы расчесывалъ въ кружокъ; шапку надѣвалъ на бекрень, и взявъ палку, ходилъ по домамъ сзывать добрыхъ людей. Пирушки, разѣзды и приглашенія были шумныя, и въ домъ званый ѣздили семействами въ огромныхъ санихъ. Гостей встрѣчали въ избѣ; посадскіе и простые люди подчивали стариковъ и старухъ зеленымъ виномъ; молодые угощались орѣхами, пряниками и брагою. Пѣли и плясали. Появлялись наряженные и шуты; въ числѣ ихъ скрывались суженые. Они тѣшили гостей и вступали въ разговоръ съ тѣми, кого любили. Дѣвушки и молодцы пѣли хороводныя и игорныя пѣсни. Обыкновенно начинали подблюдной пѣснью и оканчивали

гаданіями. Подблюдныя пѣсни дѣвушекъ здѣсь были живѣе, потому что въ нихъ принимали участіе всѣ веселившіеся, старики и молодежь. Какія пѣлись пѣсни въ боярскомъ кругу, такія и между ними. Тоже самое было съ игорными пѣснями, загадками и гаданіями, съ той разницею, что въ высшемъ сословіи господствовало прилітіе и вкусъ, а въ обыкновенномъ было болѣе простоты и радущія.

Духъ веселости Русскаго проявляется на святкахъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ: въ радостномъ разговорѣ, радушномъ приѣмѣ, красивой одеждѣ и въ избѣ, оглашаемой пѣснями. Еще до наступленія святокъ, въ мысляхъ каждого со- *Мистное отправление святочных вечеровъ.*
оружается цѣлый міръ предстоящихъ забавъ: тамъ наряды, тамъ дружескія пирушки, игры и молодецкія пѣсни. Тамъ,—да всего не перечесть!... Чувство дѣвушекъ занято еще болѣе. Каждая изъ нихъ думаетъ тогда проникнуть въ свою судьбу; узнаетъ напередъ своего суженаго, узнаетъ каковъ онъ будетъ, и будетъ-ли она счастлива съ нимъ,—другая даже увѣрена, что она будетъ счастлива!—Но вотъ приходятъ святки, и мечтанія красавицъ разыгрываются сильнѣе. Тутъ все: уборы, игры, гаданія, вечерушки и посидѣлки. Самые разговоры пожилыхъ людей идутъ тогда важно, начинаются съ — высока, толкуютъ уже не о томъ, о чемъ въ простые

вечера, потому что каждый, въ своей новой и щегольской одеждѣ, представляетъ изъ себя старосту, бурмистра, приказнаго, или другаго кого-либо повыше.

Съ Рождества до крещенскаго сочельника, — періодъ собственно святокъ; тогда все наслаждается удовольствіями, особенно дѣвущими и парни; все дѣлается живымъ, игривымъ. Нѣтъ уголка въ Россіи, который-бы не встрѣчалъ святокъ съ бьющимся отъ восторга сердцемъ и не разставался бы съ ними грустно. Также нигдѣ нѣтъ столько заманчивыхъ удовольствій, какъ въ нашей столицѣ, — но увы! онѣ не русскія. Даже многогаго не достаетъ въ самой матушкѣ-Москвѣ. Напрасно она хвалится и кичится, что у нее духъ чисто - русскій: нѣтъ, въ ней смѣсь, чего хотите; — старины, чванства и подражанія. — Гдѣ же старая Русь? — Въ ея Кремлѣ, монастыряхъ, церквахъ, старинныхъ зданіяхъ, кривыхъ и темныхъ улицахъ, и раскиданныхъ домахъ, выстроенныхъ словно для дачь. — Въ уѣздахъ московской губерніи, можно еще отдохнуть русской жизнию. Тамъ святки, тамъ и свои забавы! Но чѣмъ далѣе отдвигаетесь отъ Москвы, тѣмъ болѣе видите, что она, какъ старушка; только ворчитъ про свое бывшее; рассказываетъ тысячу разъ одно и тоже, какъ она ходила въ цвѣт-

ныхъ и нарчевыхъ одеждахъ, гулала разраженная, пировала во всемъ разгарѣ чувствъ народныхъ, тѣшилась играми, пѣснями и праздничнымъ разгулемъ. Не то нынѣ!—Въ отдаленности отъ нея, сохранилось еще много своего неподдѣльнаго: тамъ забавы и праздники, гаданія и сятки, совершаются безъ всякихъ причудъ, просто, по желанію каждаго. Встрѣчается видѣть, что обыкновенія старины измѣнились довольно, однако онѣ не измѣнили общаго духа веселостей.

Въ орловской губерніи, молодые люди собираются на святкахъ въ одинъ какой-либо домъ, и тамъ поютъ пѣсни, гадаютъ, играютъ, пляшутъ, наряжаются, кто чѣмъ вздумалъ: козою, собакою, медвѣдемъ, пѣтухомъ и т. п., и ходятъ пугать по домамъ. Главныя забавы составляютъ гаданія и катанье на саняхъ, при пѣніи пѣсень. Старики проводятъ время въ разговорахъ о быломъ. Боятся веселиться за полночь, думая, что черти разгуливаютъ по перекресткамъ и улицамъ. Даже по захожденіи солнца, страшатся ходить на гумно. Простой народъ, особенно малолѣтнія, боятся въ то время попа. Когда священникъ славитъ Христа на святкахъ, тогда старухи, указывая дѣтямъ на нихъ, гро-

зять, что ихъ отдадутъ попу, коль скоро не перестанутъ шумѣть или плакать.

Первые дни Р. Х., въ смоленской губерніи, считаются *неприкосновенными*. Первый день проводятъ дома или у родныхъ. Второй, называемый *молодіюны* (день младенцевъ), всѣ женщины, имѣющія дѣтей менѣе годичнаго возраста, носятъ ихъ въ церковь причащать, не смотря ни на какую погоду. Это обыкновеніе, самое старинное въ этомъ краѣ, соблюдается свято. Можетъ быть, оно совершается въ воспоминаніе избіенія младенцевъ, или избавленія нашего Спасителя отъ смерти, коему поручаютъ судьбу своихъ дѣтей. — Въ третій день начинаются постѣщенія и угощенія, а тамъ ужъ наступаютъ святые вечера, въ которые никто не работаетъ: хозяйка не шьетъ, не вяжетъ, не прядетъ и не сучитъ нитокъ; хозяинъ даже не вьетъ веревокъ; ни одинъ мужчина не станетъ плести лаптей, и еслибъ имѣлъ въ нихъ надобность, то скорѣе купитъ; замужняя женщина даже не заплетаетъ косы, но расчесавъ волосы, кладетъ пластомъ вокругъ головы, и потомъ завязываетъ платокъ или наметку. Зажиточные крестьяне вовсе не занимаются работой въ святочные вечера. Если бы кто замѣтилъ о семъ кому нибудь изъ нихъ, то получилъ бы въ отвѣтъ: «помилуй! я живу дворомъ, у меня есть

скотинна: къ чему-же мнѣ гнѣвить Бога!—Вонъ, Прокопычъ, прошлогодними святками вилъ веревки: у него отелплась корова, а у теленка завитыя ноги. Силичъ лапти плелъ, анъ, жеребенокъ родился сплетенной, будто лапотъ».—Обратитесь ли съ вопросомъ къ хозяйкѣ, она тоже скажетъ: «ахъ, сударь, что вы это? Вѣдь я замужня».—Вонъ, у Петровичевой окатился ягненокъ: ноги согнуты, какъ петли, а вѣдь за то, что чулки вязала о святкахъ.—Сосѣдка наша стала чинить рубахи, такъ и родила нынче ребенка съ заплатою на щекѣ; а другая сосѣдка нитки сучила,—что жъ? родила дѣвочку, а у дѣвочки нога ссучилась съ рукою.—А сколько мучилась бѣдняжка!»—

Вечеринки, занимая здѣсь важное дѣйствіе въ сословіи крестьянъ и однодворцевъ, раздѣляются на *безденежныя* и *со взносомъ денегъ*. На безденежныя собираются гости, по приглашенію хозяевъ, которые подчиваютъ ихъ орѣхами, клюквою съ медомъ, и макомъ съ медомъ, и нанимаютъ музыкантовъ для плясокъ. — Вечеринка со взносомъ денегъ, составляется молодыми людьми, изъ одной какой-либо деревни. Выбравъ по общему согласію горницу, (*) просятъ у хозяйна по-

(*) Чистая комната, въ коей не живутъ сами хозяева, а только принимаютъ въ ней гостей.

зволеніе сдѣлать въ его домѣ вечеринку, и потомъ отправляютъ въ сосѣднія деревни съ *въдомомъ*, что въ такомъ-то домѣ будетъ вечеринка. Молодежь обоего пола, запасшись кормомъ для лошадей и мелкими деньгами для музыкантовъ, съѣзжается на зовъ, пируетъ до разсвѣта; при концѣ вечеринки, музыканты подходятъ къ каждому изъ пирующихъ съ тарелкою, куда кладутъ деньги. Веселье на этой вечеринкѣ сопровождается танцами и хороводными играми, но часто выходятъ ражые на сцену: журавль, одѣтый въ шубу, съ длинной шеею изъ шубнаго рукава и деревяннымъ носомъ. Онъ важно расхаживаетъ между гуляющими, и поклевываетъ тѣхъ, которые мѣшаютъ его длинною походкѣ. Тутъ гуляетъ жидъ съ бородой и пейсами (локонами) изъ льну и съ коробкою подъ мышкой. Онъ навязываетъ свой товаръ, или правитъ старый долгъ: *а кились отдась гроши, паньцю?*—Тамъ цѣлая гурьба цыганъ и цыганонокъ, которые мѣняютъ вещи, продаютъ, вороватъ и пляшутъ, съ собственными имъ ухватками, и часто весьма забавно. Здѣсь тащится Антошъ съ козою. Его появленіе есть вызовъ къ пляскѣ. Музыканты дернутъ смычками, и пойдетъ присадка, съ припѣвомъ:

Антонъ козу ведетъ,
Антонова коза войдетъ;
А онъ ее подгоняетъ,
А она хвостикъ подымаетъ;
Онъ ее вожжами,
Она его рожками.

Сначала коза пляшетъ, потомъ упрямится. Антонъ бьетъ ее веревкою, а она бодаетъ его рогами и дрыгаетъ ногами. Приводятъ еще медвѣдя, въ вывороченной черной шубѣ. Онъ представляетъ: какъ парни ходятъ къ дѣвкамъ, какъ дѣвки крадутъ на полѣ горохъ, какъ богатый баринъ величается на кутѣ. Иногда въ веселый кругъ является смерть, одѣтая въ саванъ; голова ея повязана наметкою, глаза и носъ красные изъ свеклы; огромные клыки изъ рѣдки. Въ лѣвой рукѣ она держитъ свѣчу со свиткомъ бумаги, или чашу съ зажженой водкою, а въ правой деревянную косу.

Когда ряженные перебиваются, всѣ напугутся до упаду и музыканты устанутъ играть, тогда начинаютъ порываться домой; однако тутъ еще затѣваютъ игры, окончаніемъ коихъ бываетъ женитьба *бахора*. Онъ обыкновенно выбирается изъ пожилыхъ, и избираетъ себѣ въ жены одну изъ пожилыхъ женщинъ. Тотъ и другая представляютъ изъ себя родителей

всей играющей молодежи. Жена бахоря свиваетъ изъ полотенца жгутъ и подаетъ мужу. Ставъ въ кружокъ, молодежь поетъ подь музыку пѣснь:

Повхаль бахорька по дрова, по дрова,
А его свкира тупа, тупа,
А его кобыла лѣнива, лѣнива.
Не стали дрова рубиться, рубиться.
Такъ задумаѣ юнѣ жениться, жениться,
Чтобъ за дѣтьками лѣниться, лѣниться (*).

Въ продолженіе пѣсни, подають на-крестъ другъ другу руки, и потомъ кружатся. Во время этого дѣйствія, бахоръ беретъ за руку котораго нибудь сына, а мать дочь, выводятъ ихъ на сцену и заставляютъ цѣловаться. Тогда они уже женатые, и садятся по-парно. Никто изъ постороннихъ не смѣетъ разлучить ихъ. Такимъ образомъ женятся всѣ. Если сынъ или дочь упрямятся, то бахоръ хлещетъ ихъ жгутомъ. Послѣ женидбы музыканты играютъ какую-нибудь плясовую, а бахоръ съ маткою пляшутъ, какъ здѣсь говорятъ, *на долгій лень*, и потомъ цѣлуются, показывая чрезъ то добрый примѣръ своимъ дѣтямъ. За ними пляшетъ каждая пара отдѣльно, и также цѣлуется; потомъ всѣ пары пускаются въ пляску, на подобіе экоссеса. Эта игра, позволяя нѣкоторымъ воль-

(*) Последнія слова каждой строки поются протяжно.

ности—свободно держать руку на плечѣ, и даже обнявъ, поцѣловать—скрываетъ въ своемъ началѣ ухищренія молодыхъ людей: здѣсь они перешептываются съ бахоремъ и предварительно назначаютъ себѣ пару; бахоръ передаетъ тайну своей женѣ, и такимъ образомъ сводятся пары, любящія другъ друга.

При повсюдномъ употребленіи «золото хоронить,» встрѣчаются въ большей или меньшей степени измѣненія, на-прим., въ смоленской губерніи. Тутъ, часто послѣ танцевъ или другихъ забавъ, начинаютъ золото хоронить, и обыкновенно этотъ долгъ лежитъ на хозяйкѣ или на близкой къ ней. Усѣвшись въ кружокъ, кто-либо изъ молодыхъ принимаетъ на себя обязанность отыскивать золото.

Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему;
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Думай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная!
Въ коей рукѣ быльца,
Зимнее крылице?
Ужъ я радабы гадала,
И я рада бы отгадала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ увиваючи,

Златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумушки, голубушки,
Вы скажите не утайте,
Мое золото отдайте.
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые;
Четвертой жемчужный.—2.
Съ дворяниномъ проиграла,
Вечерь перстень потеряла.
Паль, паль перстень
Въ калину малину,
Въ черную смородину.
Очүтились перстень:
Да у дворянина,
Да у молодого.
На правой на ручкѣ,
На мизинномъ пальцѣ.
Дѣвушки гадали, да не отгадали,
Красны гадали, да не отгадали.
Наше золото пропаде,
Чисто золото запало,
И снѣжкомъ занесло.
И заняло.

Въ продолженіе пѣсни, дама или дѣвица ходитъ въ кругъ и показываетъ, будто бы она каждому отдаетъ перстень, но между тѣмъ тайно оставляетъ у кого-либо. Послѣ этого отыскиваетъ перстень молодой человѣкъ, и когда онъ не найдетъ у той особы, у кого думалъ найти, то уже не смѣетъ искать у ней

другой разъ. Онъ повторяетъ искать до трехъ разъ, но если не найдетъ въ третій разъ, то дама, хоронившая золото, женить молодого человека, а если отыскивала золото дѣвушка, то она выдаетъ ее за мужъ. При этомъ поютъ :

На улицѣ матушка, хороводъ дѣвокъ,
хороводъ дѣвокъ!

А я у тебя, матушка,
Не женать, холость!
Не женать, холость!

Жени меня матушка,
Жени государыня. 2.

Если поютъ про дѣвушку, то прибавляютъ:

А я у тебя, матушка,
Незамужняя,
Незамужняя!

Выдай меня, матушка, за мужъ,
Выдай государыня!

Хоронившая золото беретъ молодого человека или дѣвицу за руку, и потихоньку спрашиваетъ: кого хотите выбрать? Потомъ, подводя ихъ къ играющимъ, говорить: мнѣ удалось женить, или выдать замужъ. Теперь отгадайте, кому онъ, или она нравится? Играющіе отгадываютъ по очереди, пока не дойдутъ до особы, на которую палъ выборъ отыскать золото, а прежде хоронившая садится на мѣсто отыскивающей. Такимъ образомъ повторяется игра, по желанію.

Если перстень отыщется за первымъ или вторымъ разомъ, то особа, у которой онъ найденъ, должна искать его; которая искала, должна хоронить его; а хоронившая садится на мѣсто той особы, у которой онъ найденъ.

Въ пензенской губерніи, первые два дня Р. Х. посвящены посѣщенію родныхъ, а съ третьяго дня начинаются наряживанія, игры и гаданія, и продолжаются до крещенскаго сочельника. Въ наряживаніи бываетъ произволъ: иногда являются генералы съ бумажными звѣздами и офицеры разныхъ полковъ. Толпы наряженныхъ отправляются на званые вечера, гдѣ встрѣчаются дѣвушки переодѣты въ татарокъ, турчанокъ, жиждовокъ и т. п. Начальная игра состоитъ въ хороненіи золота, при чемъ поютъ:

Ужъ я золото,
Хороню, хороню,
Чисто серебро,
Хороню, хороню.
Я у батюшки,
Въ терему, въ терему;
Я у матушки,
Въ высокомъ въ высокомъ.
Ищи, гадай дѣвица,
Въ коей рукѣ былица,
Зыгивное крылице?
Рада-бъ, сударь, гадати,

Черезъ поле идучи,
Руеу косу плетучи,
Шелкомъ перебиваючи,
Златомъ пересыпаючи.
Ой вы дзвюшки,
Вы мои, вы мои!
Вы скажите, не утайте,
Вы пожалуста отдайте,
Мое золото пропало.
Меня мати хочеть бить,
По три утра, по четыре,
По три прута зомотыхъ,
Четвертый жемчужный.
Вечерокъ проиграла,
Съ руки перстень потеряла.
Паль, паль перстень,
Въ калину, малину,
Въ черну смородину.
Очутился перстень,
Да у дворянина,
Да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.

У кого найдется перстень по окончаніи пѣс-
ни, тотъ долженъ искать его, а хоронить тотъ,
кто угадывалъ прежде. Послѣ этого играютъ
въ сосѣди, наборъ и фанты, при конхъ посто-
янно раздаются поцѣлуи. Играютъ еще съ
большимъ удовольствіемъ въ «подушечку». Одна

изъ дѣвушекъ беретъ картузъ, и надѣвъ его
на голову, поетъ вмѣстѣ со всѣми:

Подушечка, подушечка,
А, ты пуховал!
Я барышня, я барышня,
Очень молодая.
Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечеринка.
Кому дѣти, кому дѣти,
А мнѣ красны дѣвки.
Кого люблю, кого люблю,
Того поцѣлую;
Пуховою подушечкой,
Того подарю.

Тутъ дѣвушка надѣваетъ картузъ на кого
захочетъ и цѣлуется. Если эта игра наскучитъ,
то заводятъ другую. Дѣвушка беретъ палку
и поетъ вмѣстѣ съ другими:

Да не то-то я катиться могу,
Да не то-то я молиться могу.
Я могу, могу по кедсѣйкѣ пройти,
Я могу, могу шица, аница носить,
Изъ виннаго ковши,
Изъ чарочки незолоченой;
Да что-то я младенецъка лѣду.
Я приставаю свой костью, (*).
Я ко золоту, ко серебру,
Ко дѣвицѣму ко терему.
А сама я поскачу, попляшу,

(*) Здѣсь она приставляетъ костью, къ кому захочетъ.

Васею своихъ милыхъ гостей.
Ужъ я батюшку съ матушкою,
Роднаго братца со невестушкою,
А сестрицу со подруженьками.—

Забавы оканчиваются по большей части игрою «мостить мостъ»; но веселости продолжаютъ до крещенскаго сочельника. Въ самый день Крещенія, простолюдины считаютъ за долгъ омыться отъ святочной нечистоты, въ прорубь, послѣ погруженія въ ономъ креста. Но въ губернскомъ городѣ это не удастся имъ, потому что приставляютъ особую стражу. Ускользнувшіе отъ бдительности будочниковъ, бросаются въ прорубь, за что иногда получаютъ отъ нихъ палочныя воздаванія по спинамъ. Вообще, по совершеніи водоосвященія, святочники кидаются на-перерывъ въ воду, а изъ нее устремляются опросту въ орловскую (питейный домъ), для согрѣванія тѣла.

Но еще болѣе представляютъ разнообразіе святочные забавы вологодской губерніи, гдѣ самыя святки называются *кудесами*. На другой, но болѣе на третій день праздника, собирается молодежь на вечера, или, какъ здѣсь выражаются, на посидѣлки. Каждый зажиточный, включая сюда все купеческое сословіе и чиновничество, поставляетъ себѣ за долгъ сдѣлать въ своемъ домѣ нѣсколько посидѣлокъ,—

★

особенно у кого побольше дочерей. Последнія приглашаютъ къ назначенному дню своихъ подругъ и знакомыхъ. Обыкновенное время сѣзда бываетъ шестой и седьмой часъ вечера, иногда ранѣе. — Угощеніе составляютъ: чай и конфекты. Кто побогаче, у того весь столъ установленъ конфектами, вареньями, орѣхами и яблоками. — Послѣ чаю, начинаютъ вмѣсто танцевъ пѣть пѣсни, которыя ни болѣе ни менѣе какъ музыка, потому и танцуютъ подъ пѣніе. — Мущина подходитъ къ дѣвушкѣ и беретъ ее, чтобы съ нимъ играть и пѣть (*). Въ концѣ всякой пѣсни, каждая дѣвица даритъ поцѣлуемъ своего мушину, потому всѣ святочные пѣсни здѣшняго края, направлены къ этой цѣли! Должно думать, что въ холодныхъ странахъ, на-перекоръ природѣ, кипятъ страсти. —

Вечеръ открывается этой пѣснью, которую поютъ вдвоемъ:

Леталъ голубь,
Леталъ свзой,
Съ голубушкою;
Удалой молодецъ,

(*) Брать дѣвушку при играхъ и пѣсняхъ, означаетъ здѣсь играть и пѣть съ нею, потому встречаемое выраженіе въ пѣсняхъ: *бери дѣвушку*, принимается только въ этомъ смыслѣ.

Съ красной дѣвицею.
Еслибъ эта-то голубушка,
Со голубемъ жила;
Еслибъ эта красна дѣвица,
Со молодцемъ росла:
Я бы золотомъ усыпалъ,
Жемчугомъ унизалъ;
Я бы лѣтнею порою,
Во каретѣ бы возилъ;
Я бы зимнею порою,
Въ Петербургъ городъ свозилъ:
На ямскихъ лошадяхъ,
На Казанскихъ саняхъ;
Что на кучерѣ кастанъ,
Само-лучшаго сукна,
На дѣвицъ сарафанъ,
Хорошо очень убранъ.
Кладу голубя на ручку
Не тряхнется;
На другую переложу,
Не ворохнется;
Скажу: шнѣшь, голубь мой!
Полетай сизой домой,
Полетай сизой домой,
Мы простимся съ тобой.

Эта пѣснь играется очень просто. Мушкетеры берутъ дѣвушекъ и парами ходятъ по комнатамъ; только въ концѣ, когда поютъ:

Кладу голубя на ручку.

каждая пара вальсируетъ въ одну сторону, а когда запоютъ:

На другую переложу,
Не ворохнется, я т. д.,
тогда вертятся въ другую сторону. Въ заклю-
ченіе каждая пара цѣлуется, или каждый му-
щина цѣлуетъ дѣвушку, съ которою онъ игралъ.

Бѣду, повѣду
Въ Новгородъ гуляти,
Ахъ калина, ахъ малина!
Въ Новгородъ гуляти,
Товаръ закупати,
Ахъ калина, ахъ малина!
Товары новыя,
Купцы молодые,
Ахъ калина, ахъ малина!
Куплю женѣ фатку,
Куплю коноватку,
Ахъ калина, ахъ малина!
Прими жена фатку,
Прими коноватку, (*)
Ахъ калина, ахъ малина!
Прими же, не чванься,
Много не ломайся,
Ахъ калина, ахъ малина!
Люди вы, люди,
Вы на насъ взгляните.
Ахъ калина, ахъ малина!
Вы на насъ взгляните,
Съ женой разсудите.
Ахъ калина, ахъ малина!

(*) Коноватка — шелковый платокъ, вышитый золотомъ

Женушка не любитъ
Душа ненавидитъ,
Ахъ калына, ахъ малина!
Къ людямъ ходитъ личкомъ,
Ко мнѣ ходитъ плечикомъ.
Ахъ калына, ахъ малина!

Послѣ этого, снова начинаютъ ту же самую
пѣснь; только въ срединѣ, вмѣсто:

Куплю женѣ фатку,
Куплю коноватку,
поютъ:
Куплю женѣ юбку,
Куплю парчевую.

Пѣснь эта играется слѣдующимъ образомъ:
мушны ходятъ по комнатѣ, одинъ, безъ дѣвицъ,
но когда запоютъ: *«прими жена фатку...»*
тогда каждый изъ нихъ становится предъ из-
бранною дѣвушкою на одно колѣно и даритъ
ее фатою. — Она въ первые два раза отказы-
вается отъ его подарка, и даже нехочетъ смо-
трѣть на него. Когда же повторяютъ въ тре-
тій разъ пѣснь, и запоютъ:

Куплю женѣ плетку,
Куплю шелковую.
Ахъ калына, ахъ малина!

Тогда она дѣлается ласковою, ходитъ уже
не плечикомъ а личкомъ, и въ то время
поютъ:

Женушка и любить,

Душа все цѣлуешь.

Ахъ калина, ахъ малина!

Къ людямъ ходитъ плечикомъ;

Ко мнѣ ходитъ личикомъ.

Ахъ калина, ахъ малина!

Въ заключеніе же всѣ цѣлуются.

Черезъ рѣку, рѣку,

Лежала дощечка,

Доска дубовая,

Тоненька, гибкая;

По этой дощечкѣ,

Никто не прокаживалъ,

Ни кого не важивалъ.

Молодецъ тутъ перешелъ,

Красну дѣвку перевелъ,

Переведши цѣловалъ,

Тремя лентами даровалъ:

Перва лента алая,—

Дѣвушка-то бравая,

Другая зеленая,—

Дѣвушка хваленая;

Третья лента масака,—

Роста дѣвушка высока—

До самого потолка.

Эту пѣсню поютъ и играютъ какъ первую.—

Въ заключеніе дѣлаютъ тоже самое (цѣлуется).

Я кругъ келейки хожу,
Кругъ я новенькія,
Кругъ сосновенькія,
Младу старицу бужу:
Ужъ ты, старица, встань!
Спасеная душа, встань!
Встань, къ заутрени звонять,
На расходъ говорятъ:
Люди сходятся,
Богу молятся.—
Отойди прочь, пономарь,
Отойди прочь, мустозвонъ,
Не могу я встать,
Головы поднять,
Голова моя болитъ,
Худо можется,
Да не здоровится.

Потомъ начинаютъ пѣть ту же самую пѣснь,
съ нѣкоторыми перемѣнами,—а именно въѣсто
куплета—

Встань, къ заутрени звонять—
поютъ :

Къ тебѣ молодецъ идетъ,
Чаю, кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться.
Ужъ какъ встать было мнѣ,
Походить было мнѣ,
Ноломать костей,
Для милыхъ гостей.—

За этимъ садится на стулъ тотъ мущина,
который ходилъ около ея кельи. — Тутъ под-
ходитъ другая дѣвица, и ходитъ около кельи,
прочія поютъ :

Я кругъ келейки хожу,
Кругъ я новенькія,
Кругъ сосновенькія,
Млада старца бужу,
Ужъ ты, старецъ встань! и пр.

Повторяется тоже самое, что пѣли въ пер-
вый разъ.

При пѣніи же во второй разъ, вмѣсто
стиха —

Встань къ заутрени звонять,
поютъ :

Къ тебѣ дѣвица идетъ,
Штоѣ рому несетъ,
Напиться велить,
Позабавиться.—

Ужъ какъ встать было мнѣ и пр.

Какъ въ первый разъ. Съ этими словами
онъ встаетъ, кружится и цѣлуетъ дѣвицу, ко-
торая садится на мѣсто прежняго мущины, и
потомъ другой мущина начинаетъ ходить око-
ло кельи старицы. Такимъ образомъ продолжа-
ютъ играть до тѣхъ поръ, пока не переберутъ
всѣхъ по очереди, и пока игра не наскучитъ.

Эту пѣснь играютъ такъ: по срединѣ
комнаты ставятъ стулъ, на которой садится

одна мѣтъ дѣвушкѣ. Кто нибудь изъ мунданаго зажимаетъ пѣснь; въ продолженіе пѣнія онъ ходитъ вокругъ стула. Со словами же:

Ужъ какъ встать было мнѣ,
дѣвушка встаетъ со стула, оборачивается нѣсколько разъ съ мущиною, который ходилъ около ея кельи, и заключаютъ пѣснь обоюднымъ подѣлуемъ.

Какъ на горѣ калина, (2)
Подъ горою малина, (2)
Тутъ дѣвушка гуляла, (2)
Калинушку ломала, (2)
Во пучечки вязала, (2)
Въ молодчика бросала: (2)
Ты молодчикъ молодой, (2)
Возьми меня за себя! (2)
А я тебя угожу, (2)
Пару коней подарю; (2)
Еще болѣе угожу, (2)
Съ руки шерстякъ подарю; (2)
Еще болѣе угожу, (2)
Подѣлаю, обойму. (2)

Когда начнутъ пѣть эту пѣснь, тогда дѣвицы, взявшись подѣ руки, ходятъ по комнатамъ; когда же запоютъ:

Во пучечки вязала —
онѣ свертываютъ свои платки, а когда запоютъ:

Въ молодчика бросала —

бросають платки въ того изъ молодцовъ, который болѣе имъ нравится. Заключение общесъ другими пѣснями.

Поютъ еще эту пѣснь и такъ:

Какъ на горѣ, душа—радость, калина, (2)

Подъ горою, душа—радость, малина, (2)

Тутъ дѣвушка, душа — радость гуляла. (2)

Бываетъ припѣвъ еще такой:

Ну что-жъ? кому дѣло? бросала,

Ну, кому какое дѣло? бросала.

Иногда и тотъ и другой припѣвъ поютъ вмѣстѣ, или попеременно, на-пр. такъ:

Еще боль, душа — радость, — угожу. (2)

Ну чтожъ, . . . кому дѣло? подарю,

Ну, кому какое дѣло? угожу. — и пр.

Какъ во улицѣ во швецаѣ,

Въ слободѣ было измещкаѣ,

Молодой молодчикъ гуляетъ,

За собой онъ дѣвушку водить,

Дѣвушку, дѣвушку изоземку.

Дѣвушка рѣчь говорила,

Говорила не стыдилась:

Какъ поѣдешь, другъ, жениться,

Приворачивай проститься, —

Приважи коня ко кусту,

Что къ тому кусту калинѣ.

Каково кушать калину, —

Таково житье за старымъ. —

Что у стараго у мужа,

Ни грозы ятъ и ни воли,

Отъ людей нѣтъ обороны,
Его люди мало знаютъ,
Господа не почитаютъ.—

Потомъ начинаютъ эту пѣсню снова, и
оканчиваютъ уже:

Привяжи коня ко кусту,
Что къ тому кусту малинѣ.
Каково кушать малину,
Таково житье за ровней.
Что у ровнюшки у мужа,
И гроза есть и свобода,
Отъ людей есть оборона:
Его люди много знаютъ,
Господа всѣ почитаютъ.

Какъ по первой по порогу (2)
Шелъ мальчикъ хорошій, (2)
Не путемъ шелъ, не дорогой, (2)
Чужою тропюю,
Онъ чужою шелъ тропюю,
Чужимъ огородомъ.
Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣгу,—
Онъ бросаетъ и кидаетъ
Дѣвушкѣ на колѣни.
Не шути бѣлой, кудрявой,
Мнѣ теперь не время.
У батюшки гости, гости,
У матушки гости,
У мила брата компанья,
У меня подружки.

Я съ тобою застолясь ,
Подругъ растерала;
Я подружекъ растерала ,
Тебя цѣловала.

Сначала ходятъ по комнатѣ одни мужчины и поютъ. Когда дойдетъ дѣло до стиха :

Набирасть, нажимасть
Комъ блага снѣгу—

они свертываютъ свои платки, и при слѣдующемъ стихѣ бросаютъ къ дѣвицамъ на колѣна, кому которая нравится. Каждая изъ дѣвицъ становится противъ того изъ мужчинъ, отъ котораго получила платокъ; потомъ всѣ рядомъ подходятъ къ нимъ и поютъ:

Не шути бѣлой, кудрявой,
Мнѣ теперь не время:
У батюшки гости, гости,
У матушки гости ;
У мила брата компанья,
У меня подружки.
Я съ тобою застолясь ,
Подругъ растерала.

Потомъ, приблизившись каждая къ своему мужчине, цѣлуетъ его.

Ужъ мнѣ надобно сходити до зелена луга;
Мнѣ тамъ надобно увидѣть сердечнаго друга.
Что вечеръ ко мнѣ младенкъ прилеталъ голубчикъ;
Что садился голубчикъ на мой теремочикъ,
Со моего теремочка на красно крылечко,—
Онъ со краснаго крылечка на мое окошко,

Въ первомъ часѣ полуночи, меня милый будить :
Встань! красавица драгая, встань! ты пробудися.
Я пришелъ къ тебѣ, во первыхъ: отвори мнѣ двери ;
Не отворишь, радость, двери, хоть открой окошко.
Я изъ спальни выходила, двери отворила,
Новы двери отворила, друга пропустила,
За бѣлыя ручки брала, въ уста цѣловала;
За уборной столъ садилъ, чаемъ наполня;
Чаемъ, кофеемъ я пила, дружку говорила:
Какъ поѣдешь, моя радость, въ дальнюю сторону,
Тамъ, во дальней во сторонѣ ты много не хвастай.
На что мальчикъ разсердился, съ дѣвушкой разбранился,
Она ударила ручкой во столикъ, полно мила задорить.
Пошелъ стукъ, пошелъ брякъ по моей во спальнѣ.
Что про это про несчастъе, все люди узнали ,
Все дворовые узнали, маманька сказали.
Присылаетъ ко мнѣ мать, вѣрную служанку.
«Сударыня, барышня! что съ вами случилось?»
Съра кошечка скочила, зеркальцо разбила,
Шельма зеркальцо разбила, меня разбудила,
Меня младу разбудила, съ милымъ разлучила.

Эту и слѣдующую пѣснь играютъ одинаково: по одну сторону становятся мушны, а насупротивъ ихъ избранныя ими дѣвицы. Мушны, въ продолженіе всей пѣсни, переходятъ на то мѣсто, гдѣ стояли дѣвицы, — дѣвицы туда, гдѣ стояли мушны, и такимъ образомъ продолжаютъ переходить до конца пѣсни. Въ заключеніе цѣлуются.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мостика,
Трава росла;
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я въ три косы косила
Ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогова.
Что задумалъ, моя радость,
Другъ жениться.
Онъ не хочетъ со мной бѣдой,
Онъ не хочетъ со мной бѣдненькой про-
ститься.

Завязкай ко мнѣ двинца,
Другъ проститься;
Неравно, моя надежда,
Что случится:
Черезъ рѣченьку поѣдешь,
Другъ утомишь;
Черезъ быстру повеселся,
Захлебнешся.
Про меня красну двинцу,
Другъ помянешь:
Какова - то я младенька;
Какова я молодешенька бывала;
По утру ранымъ раненько,
По утру ранымъ ранешенько вставала,
На босу ножку башмачки
Надвала,
И на плечики салопчикъ закидала,
На головушку платочикъ
Навдвала;

Встрѣтить друга дорогова
Поспѣшала.

Веселая голова,
Неходи мимо двора; (2)
Непрокладывай слѣда,
Дороженьки не тори:
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдетъ,
Никто за мужъ не возьметъ:
Ни бояринъ, ни купецъ,
Ни удалый молодецъ.
Отцу матери безчестье,
Роду-племени укоръ,
Мнѣ нельзя притти домой,
Сказать маминкѣ родной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу эдакъ, я вотъ такъ:
Скажу въ садикъ была,
Во зеленомъ гуляла,
Сладки яблочки щипала,
Все валявчатая,
Милу дружку отсылала,
Во высокой во теремъ:
Милый яблочки не принималъ,
Ничего не говорить;
Не отказываешь, не приказываешь.
Ужъ я топнула ногой!
Ворочусь млада домой:
Дружку выговорю,
Въ глаза выпеняю:
Ты послушай-ка, невѣрной,

Погадай, негодяй!
Я за что тебя люблю?
За что жаловѣть хочу?
Я за то тебя люблю,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ, —
Во полночь гулять готовъ.

Не спасибо игумну тому,
Не благодарствуй безсовѣстному.
Равно мелодца
Въ чернички стригутъ,
Молодешенька поскинниваютъ.
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло, молебны служить;
Только мое дѣло,
Скакать, да плясать,
Игрища собирать. —
Посашеньце подъ лавку брошу,
Черву мантию на столъ положу.
Подарю я, подарю,
Сестрицу свою
Любезвенькую.

Эта пѣснь начинается тѣмъ, что одинъ изъ мушницъ, надѣвъ на голову платокъ, прохаживается вдоль комнаты и поетъ съ другими, — «Не спасибо игумну тому»... и когда дойдетъ до словъ: «Только мое дѣло скакать да плясать» — весело выплясываетъ, и въ концѣ пѣсни, цѣлуетъ избранную имъ дѣвицу. Последняя встаетъ со стула и разыгрываетъ

ту же самую пѣснь, съ той разницею, что дѣ-
вица ходитъ скромнѣе и начинаетъ уже :

Не спасибо игумень той,
и оканчивается :

Подарю я, подарю братца своего любезенькаго.

Въ заключеніе она цѣлуетъ избраннаго ею
мушину. Эта пѣснь играется дотолѣ, пока не
переберутъ всѣхъ.

Здравствуй милая, хорошая моя,
Чернобровая, нарядочная!

Вотъ лѣли, лѣли, лѣли,

Чернобровая нарядочная!

Ужъ какъ нѣкому голубушки моеѣ,

Приглубить, приласкать безъ меня!

Безъ тебя, мой другъ, постеля холода,

Одѣялечко заивдевало.

Сгомовецо потонуло во слезахъ,

Подушечки раскидала во тоскахъ:

Все тебя, мой другъ, ожидаючи,

Свою участь проклинаячи.

Ахъ ты участь, участь горькая моя!

Пожалѣй хоть на минуточку меня.

Вдоль по улицѣ метелица метѣтъ,

За метелицей мой миленькій идѣтъ,

Во правой рукѣ гитарочку несѣтъ,

За собою ворона коня ведѣтъ,

За конемъ его любезная идѣтъ;

Кричитъ: молодецъ! постой, постой, постой,

Саша миленькій, гитарочку настрой,

Свою пѣсеньку любезную пропой:

★

Какъ у дѣвицы русые волосы,
И гребеночкой прикомета коса,
Я за то ее цѣлую три раза.

У дѣвицы, у дѣвицы русый локонъ до плеча,
Онъ завитъ былъ со вкусомъ;
Но къ несчастію развился.
Тутъ молодчикъ подбѣжалъ,
Русый локонъ завивалъ,
Русый локонъ завивалъ,
За то три раза цѣловалъ.

Эти двѣ пѣсни играютъся, какъ:

Леталъ голубь,
Леталъ сизой, и т. д.

Дѣвушка голубка,
Линькая юбка;
Дѣвушка баска, баска,
Поплывай-ка три разка. —

Сколько бѣлыхъ, черныхъ, желтыхъ, крас-
ныхъ....и т. д. юбокъ, столько разъ поютъ эту
крошечную пѣсенку, которая въ игрѣ очень
забавная и веселая....

Около Дону, Дону, Дону,
Около тихаго Дону,
Ходятъ дѣвицы, гуляютъ,
Пару коней выбираютъ.
Пара коней, — вороные;
Узды, — узды тесмяныя.
Пряжки, — пряжки золотыя.
Вздогадайся, вздогадайся,

Красна дѣвица душа;
Принимайся, принимайся,
За добраго молодца:
Кой влюбится,
Приголубится,
Поцѣлуется.

Пѣснь эту начинаютъ снова, и вмѣсто:

Ходятъ дѣвицы гуляютъ —

поютъ:

Ходятъ молоды, гуляютъ;

вмѣсто:

Вздогадайся, вздогадайся
Красна дѣвица душа и т. д.

поютъ:

Вздогадайся, вздогадайся
Удалый молодецъ;
Принимайся, принимайся
За душу красну дѣвицу:
Коя влюбится,
Приголубится,
Поцѣлуется.

Мущина избираетъ для себя дѣвушку, которая нравится ему, и становится съ нею посрединѣ комнаты; тоже самое дѣлаютъ всѣ играющіе. Потомъ начинается пѣснь, которая поется словно танецъ. Въ продолженіи пѣнія каждая пара мѣняется мѣстами, сходится и расходится. Потомъ двѣ пары берутся за руки, кружатся, и сдѣлавъ какую нибудь фигуру,

даютъ мѣсто другимъ. Въ заключеніе каждая
дѣвица даритъ своего мушину подѣлуемъ.

Не летай соловей,
Не летай молодой,
 При долинѣ!
Ты не вей гряда,
 При оснѣ!
Ты совей гвѣздо,
 При теремѣ!
Что въ которомъ теремочкѣ,
 Сидѣла дѣвочка.
Дѣвушка шила коверъ,
 Вышивала;
Шивучи красна дѣвица,
 Рѣчь говорила:
Кому этотъ коверъ
 Достанется?
Доставался коверъ
 Старому мужу,
Стару мужу негодяю,
 Негодяю!
Я могу этотъ коверъ
 Прибавить!
Со всѣхъ со сторонъ,
 Со четырехъ;
Я по шитому узору,
 Золотому.

Послѣ этого начинается пѣснь снова, только
въ мѣсто:

Старому мужу негодяю,

поется:

Младому мужу негодяю,
и оканчивается также, какъ и въ первый
разъ. — Когда же въ третій разъ коверъ до-
стается *ровнѣ мужу*; тогда слово негодяй вы-
пускается, и вмѣсто прежняго окончанія, по-
ютъ:

Я могу этотъ коверъ,
Принаставить!
Со всѣхъ сторонъ,
Со четырехъ;
Я по шитому узору,
Золотому. —

Эта пѣснь играется также, какъ и первая.

У меня ручки былия,
У него ноги грязныя. —
Я пойду млада въ торгъ торговати,
Я куплю млада свръ камешекъ:
Я за камешекъ три денежки дамъ,
За цѣпочку два грошичка.
Я возьму камень на руки,
Наложу стару на воротъ,
И спущу его на море;
А сама взойду на гору,
Посмотрю млада на воду:
Каково старой плавать?
Глубоко ль воду мързаетъ?
Гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ сѣда борода.
Какъ измолится мнѣ старый мужъ:
Ужъ ты, душка, женушка моя!

Перейми ты, меня старика!
Ужъ я радъ на тебя работать,
По три утра не твиши молоть,
По четыре не завтракавши,
По три вечера постелю стлать,
Во четвертый на мѣсто звать.

Достойна замѣчанія любимая поселянка
пѣснь:

Походите вы дѣвушки,
Погуляйте голубушки,
Во своей волѣ у батюшки,
И во нѣгѣ у матушки!
Неровно за мужъ выйдется,
Неровесъ чѣртъ навернется,
Либо старое удушливое,
Либо малое капризное,
Либо младое недружелюбное.
У меня юнцы, старой мужъ,
въ вѣсноръ поздно изъ гостей пришелъ;
въ велить разувать, раздѣвать, распоясывать,
ластыя пуговицы разстегивать
Не того поля ягода брана,
Не того отца дочь отдана.

Послѣ того, какъ она сказала своимъ подругамъ, что мужья часто бываютъ не по сердцу, или удушливые старики, или и молодые, но гордые и недружелюбные, она представляетъ въ доказательство собственную свою жизнь. Эта пѣснь замѣчательна еще потому,

что въ ней изображено обращеніе съ женами нашихъ предковъ, которые буквально понимали слова: «жена да боится своего мужа»; поэтому, заставляли женъ весьма часто исправлять должность служанки.

Любимыя еще пѣсни, употребляемыя на посидѣлкахъ и вечерахъ свѣточныхъ, извѣстны подъ именемъ «заенъко». Такъ онѣ названы потому, что ими начинается: заенъко сѣринькой. Игруются же слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ мушинъ беретъ дѣвушку, и бѣгая съ нею по комнатѣ, поетъ первую пѣснь—потомъ цѣлуется при концѣ. За тѣмъ поютъ вторую, но уже дѣвушка, по окончаніи этой пѣсни, беретъ другаго изъ мушинъ, который ей нравится, и вмѣстѣ поютъ третью пѣснь. По окончаніи ея, тотъ мушина, который дѣйствовалъ въ первой пѣсни, приглашаетъ иную дѣвушку, которая, когда запоютъ слѣдующую пѣснь, выбираетъ для себя другаго мушину; этотъ приглашаетъ снова другую дѣвушку; она избираетъ опять новаго мушину. Такой переборъ продолжается до тѣхъ поръ, пока никого не останется на мѣстахъ, и всѣ уже на сценѣ. Тогда становятся всѣ въ одинъ кругъ и поютъ:

Канъ на каней на сторони, и пр.

Наборныхъ пѣсенъ великое множество; но
вотъ болѣе употребительныя:

1.

Засенько
Съренъкой.

Ушии долговѣкія,
Ножки коротенькія. —
Зайко въ сторону скочилъ,
Много солоду купилъ,
Онъ въ другую скочилъ,
Тутъ рѣка глубока,
Рѣка тинювата,
Рѣка рябиновата,
Что рябинушка часта,
Цѣлуй молодца въ уста.

2.

Ужъ я улкомъ шла,
Переулкомъ шла,
Клубокъ нитокъ нашла.
Клубокъ катится, —
Нитка тянется; —
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ;
Нитка долѣ, долѣ, долѣ.
Я за ниточку взялась,
Моя нитка сорвалась.

3.

Самъ толку, самъ мѣлю,
Самъ по воду хожу,
Самъ щи, кашу варю;
Кашеваричаю, пивоваричаю; —

Сажу барыню—жезу,
На перьях пухову.—
Сиди моя жена,
Всегда весела,
Всегда радостна.
Ужъ ты шей, вышивай
Широкіе рукава,
Широкіе и долгіе:
Въ три полотняща.
Чтобы было во что класть,
Небылыя словеса;
Небылыя, несталыя,
Неотчетливыя. —
Ты душа красна-дѣвица,
Поди выйдъ за меня.

4.

Ахъ тиги, тиги, тиги,
Гуси, лебеди мои!
Со ржавчички. —
Со болотянки; —
Со Дуная со рѣки
Со ключевыя воды.
Наѣзжали гостеньки:
Это нашъ, это нашъ,
Это нашъ гостенекъ,
Этотъ къ намъ въ гости идетъ.

5.

Я усаживала, утѣшала
Отъ лютаго зѣвря
Отъ волчища
Вотъ ушелъ, вотъ ушелъ

Вотъ и негдѣ жить!
Не Маланьянъ зять.

6.

Что первой день поведальничекъ,
Что второй-то день во вторичекъ,
Сива, сива среда, среда,
Полевой нашъ четвертокъ, четвертокъ,
Веселая наша пятница,
Что въ субботу во коверъ, по коверъ,
Въ воскресенье выводить, выводить;
Въ понедельникъ цѣловать, цѣловать.

7.

Сковородникъ на печи,
Ты не много хлопочи,
Десяточка два блинковъ испеки.
Двое ходять, двое бродять,
Двое сойдутся,
Приобоймутся,
Поцалуются.

8.

Дзвущка сердце!
Вари ушку съ перцемъ.
Вари, вари поскорѣе,
Вари посмыѣе.
Кланайся пониже,
Говори потише:
Мнѣ повеселе. —

9.

Дзвущка голубка,
Аленькая юбка,
Дзвущка баска, баска,
Подълуй-ка три разка. —

10.

Сдѣлалось чудо
во Фрязиновѣ;
Съѣли корову
Зямою пауты (большая муха).

11.

Заеыко по сыничкамъ гуляй, гуляй, гуляй,
Съревкой по новенькимъ погуливай—гуляй.
Некуда заяныкъ выскочити,
Всѣ ворота призтворены стоять,
У всѣхъ у воротъ по три сторожа стоять,
У всѣхъ у воротъ по три дѣвицы сидятъ:
Первая въ камкѣ, другая въ таётѣ,—
Третья въ золотѣ.
Не хочу въ камкѣ,
Не хочу въ таётѣ,
Хочу въ ситчикѣ,
Въ полосатенькомѣ.
Люблю дѣвушку,
Тороватенькую;
Я которую люблю,
Ту и поцалую.—

12.

У попа за дворомъ,
Пироги съ творогомъ.
Еслибъ было съ кѣмъ,
Разломилъ бы да съѣлъ.
Милому середка,
Постылому конецъ.
Что за то ему конецъ,
Что удамой молодецъ.—

Много есть другихъ подобныхъ пѣсень,
но большею частію поютъ эти.

Теперь становятся въ кругъ, и переходя
съ мѣста на мѣсто, поютъ:

Какъ на нашей на сторонкѣ (2)

Хороша угода, (2)

Что хорошая угода, (2)

Хорошъ хмель родился, (2)

Что хорошъ хмель родился, (2)

Кругъ колышка вился, (2)

Вился, вился, извился, (2)

Въ вѣвцы золотые. (2)

Золотые вѣвцы вьются, (2)

Серебряны листья, (2)

Что серебряные листья, (2)

Жемчужныя шипки. (2)

Нащиплю я млада хмелю, (2)

Хмелю зеленова, (2)

Наварю я млада пива, (2)

Пивушка пьянова, (2)

Совову я млада въ гости, гостя, (2)

Гостя дорогова, (2)

Гостя, гостя дорогаго (2)

Батюшку роднаго. (2)

Мой батюшка пьетъ, пьетъ пиво, (2)

До пьяна не напьется, (2)

Онъ до пьяна не напьется, (2)

Домой соберется. (2)

Мой батюшка сбирался, (2)

Меня оставляетъ; (2)

Меня млада оставляетъ. (2)

На чужой сторонѣ. (2)

На чужой дальней сторонѣ, (2)

Горе горевати; (2)

Горе, горе горевати, (2)

Тоску тосковати.

А я млада не умѣю, а я млада не горада

Горе горевати, тоски тосковати.

Когда наскучитъ играть и пѣть, тогда выдумываютъ игры, — напр.: хоронить золото, фанты, наборъ и многія другія.

Когда собираются гадать, тогда ставятъ закрытый бѣлымъ полотномъ столъ; на него кладутъ кусокъ ржаного хлѣба, уголья, соль и золу. Все это завязываютъ дѣвушки въ платки, и кладутъ въ сухое блюдо. Прочіе гости также даютъ отъ себя свои вещи: ихъ складываютъ въ одно мѣсто; потомъ всѣ становятся вокругъ блюда и поютъ *слава!* При пѣніи поднимаютъ руки вверхъ, и по окончаніи каждаго стиха, притопываютъ ногою. Потомъ сажаютъ одного изъ гостей на высокомъ мѣстѣ, и когда пропоютъ пѣснь, снимаютъ его съ мѣста и качаютъ на рукахъ. Послѣ всѣ немедленно бросаются къ блюду, разбираютъ вещи на угадъ, и по нимъ выводятъ свои замѣчанія. Досталось ли мужинѣ кольцо дѣвушки, а ей кольцо или перстень мужины, то непременно выйти ей замужъ. —

Играющіе должны завязать глаза свои, и взявшись за руки, ходить вокругъ стола.

Въ новгородской губерніи святки называются въ простонародіи кудесами. Въ это время ѣздятъ окрутники, которые въ тихвинскомъ уѣздѣ, той же губерніи, именуются кудесниками, куликами и щеголями (наряженные). Они ѣздятъ по городамъ и деревнямъ искать свѣчи, поставленной въ чѣмъ нибудь домѣ. Свѣча означаетъ, что здѣсь посидѣлки, и сюда всякъ можетъ прибыть безъ приглашенія. Дѣвушки заранее ожидаютъ своихъ гостей, потому дѣлаютъ особое освѣщеніе въ избѣ и приготавливаютъ угощеніе. Тутъ поютъ разнообразныя пѣсни, танцуютъ подъ музыку, и въ заключеніе веселья, гадаютъ о своей судьбѣ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ псковской губерніи, святочные вечера носятъ названіе «субботокъ». Ими распоряжается извѣстная безпородною жизнію вдова. Она вывѣшиваетъ по срединѣ комнаты цвѣтной бумажный фонарь, украшенный сборными отъ дѣвушекъ лентами. Внутри его теплятся восковыя свѣчи, которыя приносятъ къ ней дѣвушки съ своими значками. Чья свѣча горитъ ясно и плавно, той будетъ жизнь тихая, безмятежная; чья горитъ съ трескомъ и меркнетъ, или не ясно, той будетъ жизнь безпокойная и печальная; чья догоритъ

той умереть прежде; чья догоритъ послѣ всѣхъ, той жить долго.

Ввечеру собираются дѣвушки въ нарядныхъ одеждахъ; всѣ усаживаются полукругомъ на скамейкахъ, и поютъ святочные пѣсни. Гостей встрѣчаютъ величальнымъ пѣніемъ, за что каждый гость даритъ ихъ деньгами. На эти посидѣлки допускаются мужчины, женщины и молодцы. Послѣдніе имѣютъ случай высмотрѣть себѣ невѣсту. Вечеръ проводятъ въ пѣніи и гаданіи. Бываютъ потѣшные гости, наряженные, которые забавляютъ собравшихся. Угощенія происходятъ со стороны жениховъ; невѣсты и женскій полъ, соблюдаютъ строгое благонравіе. Мужчины прежде не имѣли права участвовать въ суботкахъ, но время измѣнило обрядъ. По наступленіи глубокой ночи, всѣ расходятся по домамъ; остаются только для гаданій дѣвушки: онѣ загадываютъ что нибудь на сонъ, по коему толкуютъ о будущемъ счастіи и несчастіи. Ворожатъ на угольяхъ и бобахъ: по нимъ объясняютъ будущее.

Суботки продолжаются нѣсколько дней сряду.—Собранныя деньги за величанье отдають вдовѣ за ея труды.

Не всѣ гаданія дѣвушекъ произвольныя: *Смотрять въ зеркало.* Некоторые изъ этихъ гаданій ведутся изъ старины.

но преданіямъ, а другія приворовлены къ случаямъ. Дѣвушка напередъ желаетъ видѣть своего суженаго. Для этого она смотритъ въ зеркало, въ полночь. Ужасъ обнимаетъ ее: она одна должна сидѣть въ пустой, замкнутой комнатѣ. Прежде всего она приноситъ съ собою два прибора, зеркало и двѣ свѣчи; столъ застилаетъ скатертью, и ставитъ одинъ приборъ для себя, а другой для суженаго, который долженъ притти къ ней на ужинъ. Иныя дѣвушки ставятъ два зеркала: одно большое, а другое меньшее, противу большаго, и все сидятъ за однимъ столомъ, въ глубокомъ молчаніи, говоря тихо про себя: *покажись мнѣ въ зеркаль, мой милый; покажись!*—Когда зеркало начинаетъ тускнеть отъ теплоты, тогда думаютъ, что суженные не явятся болѣе.—Если гадаетъ одна дѣвушка, то она, разставивъ на столѣ въ должномъ порядкѣ привесенныя ею вещи, садится противу зеркала, смотритъ въ него, не сворачивая ни въ какую сторону глазъ, и говоритъ: суженой, раженой, *прійди ко мнѣ ужинать.* За нѣскольکو минутъ до его прихода, зеркало начинаетъ тускнеть; она протираетъ его, нарочно для этого случая приготовленнымъ полотенцемъ; она робѣетъ и пугается: кто-то идетъ и смотритъ въ зеркало чрезъ ея плечо. Она рассматриваетъ при-

стально, не смѣя оглянуться; дрожать и кричить: чуръ сего мѣста! Если бы случилось, что самое чуранье не поможетъ, то надобно взять съ собою пѣтуха и дагнуть его хорошенько: онъ запоетъ, и привидѣніе, или нечистый духъ, принявшій на себя видъ суженаго, исчезаетъ мгновенно. Дѣвицъ остается одно только,—воспоминаніе. Хорошо, если оно сходно съ ея мечтою! Это былъ онъ, — и сколько тутъ пріятныхъ грезъ. — Онъ блондугой, или почти черноволосъ; румяной, или похожъ на румянаго; руки, губы, глаза, ну, глаза совершенно голубые. Знаешь ли моя милая, онъ тотъ самый, котораго я часто вижу. Дѣвицы чаще всего видятъ въ зеркалѣ тѣхъ, кого любятъ; воображеніе ихъ всегда устремлено на любимый предметъ, и потому не мудрено, что онъ постоянно вертится въ ихъ головѣ. Есть нетерпѣливыя дѣвушки, которыя желаютъ видѣть своего суженаго въ лицо, поговорить съ нимъ; но это страшно, потому что все должно происходить ночью. Онъ, если увидать своихъ суженыхъ, то не чураются. Примѣта: когда является суженый въ комнату, тогда раздается около оконъ свистъ вѣтра и хлопанье ставень; потомъ суженый стучится въ дверь и входитъ незамѣтно. Явившійся женихъ не долго глядится

въ зеркало: онъ садится подлѣ своей невѣсты за столъ, снимаетъ съ своей руки перстень, или кольцо, и даритъ ей; тогда она чураетъ: чуръ этого кольца! На другой день дѣвушка хвалится своимъ подругамъ, что она разговаривала съ суженымъ, который являлся ей привидѣніемъ, и вотъ отъ него даже кольцо! Хитрыя дѣвушки понимаютъ дѣло иначе, но онѣ не перестаютъ увѣрять горничныхъ, а горничныя распускаютъ молву.

Другія дѣвицы выходятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ, въ лунную свѣтлую ночь; становятся такъ, чтобы мѣсяцъ былъ за плечемъ, смотрятъ въ зеркало, говоря: суженой ряженой! покажись мнѣ въ зеркалѣ. Онъ такъ же приходитъ сюда, какъ я въ комнату.

Другія выходятъ на перекрестокъ, наводятъ зеркало на мѣсяцъ и говорятъ: суженой, ряженой, покажись мнѣ въ зеркалѣ. — Суженой непременно показывается въ зеркалѣ, и тогда дѣвица ищи его.

О происхожденіи зеркала суевѣры рассказываютъ слѣдующее. — Одинъ монахъ, спасаясь въ пустынѣ, усомнился въ истинныхъ словахъ Св. Писанія: просите и дастся. Желая удостовѣриться, все ли можно получить, чего просишь, онъ пошелъ къ одному царю про-

сѣтъ руки его дочери. Удивленный царь объявилъ объ этомъ своей дочери, которая отвѣчала: это дѣло чрезвычайное, но надобно, чтобы монахъ напередъ сдѣлалъ для меня также что нибудь чрезвычайное: доставилъ бы мнѣ такую вещь, въ которой бы я могла видѣть самую себя. Монахъ пошелъ искать такой вещи. — Скитаясь долго по лѣсамъ, онъ зашелъ въ одну пустынь, гдѣ услышалъ тяжелый стонъ, а потомъ печальный голосъ: почтенный монахъ! я сижу въ этомъ рукоомийникѣ, давнымъ давно; сюда заключилъ меня такой же монахъ, какъ ты. Избавь меня! я могу тебѣ служить всѣмъ, чего ни пожелаешь. Монахъ былъ радъ этому случаю. Онъ предложилъ доставить ему желанную вещь, которую ищетъ столько времени напрасно. Дьяволъ согласился; монахъ снялъ съ рукоомийника крестъ, и нечистаго выпустилъ оттуда. Спустя нѣсколько времени, дьяволъ принесъ ему зеркало. Монахъ удивился. Онъ отнесъ его къ царю, но отъ брака отказался. Возвратясь въ свою пустынь, онъ молился о своемъ согрѣшеніи, каляся въ томъ, что усомнился въ истинѣ словъ Св. Писанія. — Какъ эта вещь доставлена монаху нечистой силою, то раскольники никогда не глядятся въ зеркало, и не держатъ его въ своихъ домахъ: по ихъ мнѣнію, въ ны-

нѣшнія зеркала смотрятся дьяволы въ глубокую полночь.

Гаданіе въ зеркало переніло къ Грекамъ съ Востока; отъ нихъ оно распространилось по Европѣ, и усвоилось у насъ съ прочими игорными обыкновеніями.

Евреи, Греки и Римляне употребляли стальные зеркала. Греческій художникъ Пракситель, за 70 лѣтъ до Р. Х., ввелъ серебряныя. Венеціане первые начали дѣлать зеркальныя стекла около 1380 г. Отъ нихъ онѣ распространились по Европѣ. Большія стѣнные введены во Франціи Тавортомъ.

Спрашиваютъ чужаго имени.

Выходятъ за ворота, въ сумерки, съ первымъ кускомъ хлѣба во рту, или просто безъ куска хлѣба, и спрашиваютъ у проходящаго объ его имени, думая, что тѣмъ именемъ будетъ называться ихъ мужъ. На улицѣ спрашиваютъ имя встрѣчнаго, только до трехъ разъ.—Какъ васъ зовутъ? Если кто отвѣтитъ: Александръ,—то это будущій ея. Равнообразно, мужчины спрашиваютъ встрѣчныхъ дѣвушекъ: какъ васъ зовутъ? — Олинька, — это Олинька будущая его.

Въ иныхъ мѣстахъ вывѣшиваютъ ключи за окошко, и если они пошевелится, то дѣвушка спрашиваетъ имя, которое должно быть будущаго ея мужа. Если пошевелился отъ вѣт-

ра, то думаютъ, что это шалить нечистый духъ.

Загадавъ напередъ про свою судьбу, *Слушаніе*
идутъ подслушивать подъ окнами разговоръ, *подъ чужимъ окномъ и на перекресткѣ.*
и какое было первое слово, по нему объясняютъ его значеніе и свою судьбу. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пензенской губерніи, ходятъ слушать подъ окно съ первымъ огаркомъ лучины. О чемъ говорили въ домѣ, то сбудется съ слушающимъ, на прим.: говорили о свадьбѣ, то значить быть замужемъ въ тотъ годъ, а если была рѣчь о покойникахъ, то это значить смерть и т. п. Если примѣтятъ подслушивающую подъ окномъ, то говорятъ ей: «гробъ да могила, да ободранная кобыла»; такія слова предрекаютъ вѣрное несчастіе. Въ другихъ мѣстахъ, мужчины и женщины ходятъ слушать на перекрестокъ, кто какъ ѣдетъ. Если тянутъ сани по дорогѣ, на подобіе обозовъ, и слышится: но, но,—то это означаетъ, что слѣдующій годъ будетъ урожайный; если же представляется скачка, то неурожайный.

Когда всѣ лягутъ спать, тогда садится *Слушаніе*
одна дѣвушка подъ окно, и говоритъ: «суженой, *подъ своимъ окномъ.*
ряженой! поѣзжай мимо окна», и со страхомъ ожидаетъ проѣзда. Услышитъ ли ѣдущаго? Она замѣчаетъ, какъ онъ ѣдетъ: скоро ли, съ шумомъ, свистомъ или съ крикомъ, или медленно

и тихо. Когда проѣхалъ скоро, тогда означаетъ скорого жениха; съ шумомъ, богатаго; со свистомъ, веселаго; съ крикомъ, безпокойнаго или пьяницу; медленно, бѣдную жизнь, а тихо, покойную и счастливую. Каждое движеніе проѣзжаго имѣетъ свое значеніе и толкуется дѣвухами.

Бѣлое полотенецъ предъ окномъ.

Ночью вывѣшиваютъ бѣлое полотенце предъ окномъ, говоря: суженой, ряженой! прійди и утрися. Если вывѣшенное полотенце скоро засырветъ, то означаетъ, что того же года быть дѣвицѣ замужемъ; если не намокнетъ оно къ утру, то долго ей ждать жениха; если снимется сухимъ, то не быть ей никогда замужемъ.

Смотрѣніе въ окно, во время ужина.

Смотрѣть въ окно, во время ужина, есть древнее обыкновеніе. Не только на святкахъ, но и въ обыкновенные дни ходятъ смотрѣть и подслушиваютъ, о чемъ разговариваютъ. Когда сидятъ за столомъ тихо, тогда заключаютъ, что родня будетъ хорошая. Если разговариваютъ громко и сѣются, то это обѣщаетъ будущее счастливое семейство. Когда видны головы ужинающихъ, то это значитъ, что будущіе родные долго проживутъ; если не было видно головъ, то они скоро перемрутъ. Богатый ужинъ предвѣщаетъ богатую жизнь; бѣдный, убожество. Смотрѣніе подъ конецъ ужина, близкая смерть для суженой. Если мушана солить хлѣбъ, то

суженый будетъ хлѣбесолъ, — когдажъ пить воду, — иланца.

Ходятъ ночью къ церковнымъ дверямъ и слушаютъ. Если представится, что поютъ *Церковное* начальное, или погребальное, умереть къ томъ *пѣніе.* году дѣвницъ; а когда пѣніе благодарственное и хвалебное, радостную жизнь. Причудится ли, что поютъ брачное пѣніе, — непременно замужъ, и въ скоромъ еще времени.

Въ глубокую темную ночь выдергиваютъ изъ полѣвницы дерево. Когда оно гладкое, тогда мужъ будетъ тихій и добрый; суковатое, сердитый; расколотое, дурной и волокита. Эти значенія не вездѣ принимаются одинаково. У *Выдерну-* *тое дерево* *изъ полѣ-* *вницы.* иныхъ, суковатое и расколотое, означаетъ богатство; ровное и гладкое, бѣдность.

Въ другихъ мѣстахъ идутъ къ полѣвницѣ дровъ, пятась спиною, и вывернувъ полѣво, несутъ домой, рассматриваютъ и объясняютъ его значеніе. Сколько окажется на немъ сучковъ, столько будетъ дѣтей; полѣво безъ сучьевъ, означаетъ одиночество.

Въ свѣтлую ночь собираются нѣсколько дѣвницъ, — полоть свѣгъ. Надобно, чтобъ было тихо, и все спало. Онѣ потихоньку выходятъ за ворота, обращаются въ ту сторону, съ которой дуетъ вѣтеръ, и бросаютъ противу него свѣгъ. Если паденіе было скорое и громкое, *Полоть* *свѣгъ.*

то быть за мужем молодымъ; если ушло глухо и криво, то быть за глухими, или за старикомъ. Иныя полютъ снѣгъ, замѣчая лай собакъ: если она лаяла толстымъ голосомъ, то быть замужемъ за старымъ, залала тонкимъ, за молодымъ. Недовольствуясь этимъ, берутъ скатерть, высыпаютъ на нее снѣгъ, въ чемъ помогаютъ имъ старушки или горничныя; скатерть расстилаютъ по воздуху, приговаривая: «полю, полю, бѣлъ снѣгъ, среди поля. Залай, залай собаченка, дознай суженаго». Дѣвушки прислушиваются, гдѣ и какимъ голосомъ лаютъ собаки. Храпливый лай,—суженый старикъ; скавучить онъ,—больной; крѣпкій лай,—молодой.—Выносятъ еще на снѣгъ воду, и льютъ подъ столбомъ, говоря: «полю снѣгъ, и умоюсь бѣлымъ». Берутъ горсть снѣга, и имъ натираютъ свое лице. Потомъ каждая, взявъ горсть снѣга, несетъ въ комнату, и тамъ гадаетъ по его цвѣту о суженомъ. Если снѣгъ не издаетъ ни какого цвѣта и скоро растаиваетъ, то будетъ мужъ тихій; если снѣгъ бѣлый и издаетъ искры при огнѣ, то обѣщаетъ счастливое супружество. Наконецъ умываются водою изъ подблюдныхъ пѣсней. Эту же самую воду льютъ также при поленіи снѣга.—Иныя, вышедъ на перекрестокъ дороги, кладутъ снѣгъ въ ладошь, и страхнувъ, говорятъ: «залай, залай

собака, на моей сторонѣ. Съ которой стороны раздастся лай собаки, съ той появится женихъ. Другія выходятъ на дворъ, и говорятъ: «залай, залай собаченка; залай свренскій волчокъ». Въ которой сторонѣ будетъ слышанъ лай, въ ту сторону она будетъ отдана замужъ. Если залаетъ близко отъ дому, то значить быть замужемъ недалеко; если тихо и едва слышно, то быть замужемъ въ дальней сторонѣ.—Выходятъ еще двѣушки на перекрестокъ, и насыпавъ сѣбѣ въ нолу, приговариваютъ:

Полю, полю близкій сѣжкомъ,

Гдѣ собачка вакаеть, тамъ мой женишокъ.

Берутъ ночью куриць съ насѣсти, прино- сятъ въ комнату и даютъ имъ клевать пше- ницу, ячмень или просо. Если онѣ клюютъ шибко, и въ одну сторону,—то быть скоро замужемъ; если клюютъ не скоро и безпрестанно поворачиваются,—то суженные ихъ обманываютъ; если курицы мѣшаютъ клевать другъ другу, и начинаютъ драться,—то суженные будутъ за нихъ ссориться и драться. Иныя гадаютъ одними пѣтухами, наблюдая тѣже примѣты, за исключеніемъ того, что если они клюютъ при клеваніи, то это означаетъ скорое исполненіе желаній.—Другія, снявъ кураць съ насѣсти, приносятъ ихъ закрытыми въ комнату, гдѣ заранѣе приготовлены вещи въ трехъ разныхъ

*Гаданіе ку-
рицами и
пѣтухами.*

сосудахъ: вода въ одной чашкѣ, хлѣбъ зерновой въ другой, кольца въ третьей. Каждая дѣвушка гадаетъ своею курицею: чья прежде начнетъ клевать зерно, вѣрный знакъ, что у нее будетъ бѣдный мужъ; чья начнетъ пить воду, будетъ пьяница; если схватитъ золотое кольцо,—богатый мужъ; серебряное,—посредственного состоянія, а мѣдное,—бѣдный мужъ. Когда запоетъ курица,—неминуемая смерть кому либо изъ родныхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ костромской губерніи, не только дѣвицы, но и холостые ходятъ въ курятники, и замиуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣсти. Если она закричитъ громко, то по голосу судятъ о нравѣ суженой. — Другія судятъ о суженыхъ по цвѣту курицы. Рыжая,—значитъ коварный мужъ, черная,—вспыльчивый, каштановая,—обманчивый, и пр.

Чтобы узнать нравъ жениха, приносятъ куръ съ насѣсти. Если внесенная курица, бывъ брошена на полъ, сидитъ спокойно, то суженный ея будетъ кроткій; если же она будетъ кукудахтать и начнетъ пить воду, нарочно на этотъ случай поставленную, то мужъ будетъ сердитый и пьяница.

Дѣлаютъ еще иначе: бѣгутъ дѣвушки въ курятникъ, и каждая изъ нихъ ловитъ по курицѣ. Которой попадется пестрая,—той будетъ

мужъ рябой, которой черная,—чернобровый.—
Потомъ наливаютъ воды въ корыто, и каждая
дѣвушка выпускаетъ изъ рукъ курицу. Если
она напившись, станетъ кукудахтать, то су-
женный будетъ пьяница и озарникъ; а если не
пьетъ и сидитъ смирно, то суженый не будетъ
пить и будетъ смирный.

Въ Бѣлоруссіи берутъ соннаго чернаго
пѣтуха, завертываютъ ему голову подъ крыло,
крутятъ при свѣчахъ до обморока, и потомъ
кладутъ его на полъ. Вокругъ пѣтуха, каж-
дая дѣвушка насыпаетъ по кучкѣ зерноваго
хлѣба, который обставляется свѣчами. Когда
пѣтухъ прійдетъ въ себя, тогда онъ встаетъ
и ходитъ около кучекъ, ничего не видя, (*) и
потомъ, по внутреннему влеченію къ зернамъ,
начинаетъ клевать первую попавшуюся ему
кучку. Чьи онъ клевалъ зерна, той вытти за-
мужъ. Такой обычай въ употребленіи по нѣко-
торымъ мѣстамъ Малороссіи.

Связавъ хвосты курицы и пѣтуха, сажаетъ ихъ подъ рѣшето, и кто кого потащеть за собою впередъ, по этому судятъ о будущемъ. Если курица потащеть впередъ, то будетъ первенствовать въ домѣ жена, въ противномъ случаѣ, мужъ. Въ Малороссіи и Сибири, выпускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣту-
Курица и пѣтухъ.

(*) Птицы не могутъ смотрѣть хорошо при огнѣ.

хоть, и замѣчаютъ, какъ она расхаживаютъ. Когда пѣтухъ щиплетъ курицу, тогда будетъ сердитый мужъ; если курица не дастъ себя щипать или бить, то жена возьметъ верхъ надъ мужемъ.

*Бросаніе
башмаковъ.*

Дѣвушки бросаютъ ночью башмаки черезъ ворота, и замѣчаютъ паданіе. Если башмакъ упадетъ въ противоположную сторону воротамъ, то въ той сторонѣ быть ей замужемъ, когда къ воротамъ, тогда ей не выйдти замужъ въ тотъ годъ. — Въ другихъ мѣстахъ, именно въ Бѣлоруссін, предъ новыми годами, дѣвушки, снявъ съ ноги по одному башмаку, кладутъ въ корыто. Одна изъ подругъ, или горничная страхиваетъ ихъ вѣстѣ, и подойдя къ порогу, встряхиваетъ вновь, пока одинъ изъ башмаковъ не упадетъ черезъ порогъ. Если онъ упалъ носкомъ, то дѣвушкѣ скоро выйти замужъ; если на оборотъ, то не быть замужемъ.

*Баня
примѣта.*

Нѣсколько дѣвицъ идутъ ночью въ баню, и потихоньку открываютъ двери; потомъ обирачиваются къ нимъ спиною, и наклонившись заднею головою стороны, говорятъ: *бань, бань, куннымъ хвостомъ по голой сторонѣ*. Въ простонародіи говорятъ: *шени меня, шени меня, куннымъ хвостомъ по голой части*. Когда почувствуютъ прикосновеніе чего либо мохната-

го, тогда означаетъ богатую жизнь; прикосновение холоднаго, бѣдную жизнь.

Нарочно ходять въ сарай, гдѣ стоятъ *Хрюшки*. свиньи, и слушаютъ, какъ онѣ сонятъ и хрюкають, и по нимъ дѣлають опредѣленіе о будущей своей жизни.

Выводять ночью изъ конюшни бѣлую лошадь, за неймѣнѣе же бѣлой, другую какую либо, и завязываютъ ей глаза. Одна изъ дѣвушекъ садится на лошадь, даетъ ей волю идти, куда она хочетъ. Въ которую сторону она пойдетъ, съ той стороны прїѣдетъ суженый; но лошадь всегда идетъ въ конюшню. Бѣлая лошадь избирается потому, что на ней видны слѣды дьявола, если онъ успѣлъ поѣздить на ней. *Лошадь.*

Самое древнее славянское гаданіе лошадыю состоитъ еще въ томъ, что ее переводятъ чрезъ оглоблю или шестъ. Если она зацѣпится ногами, то будетъ мужъ злой и жизнь несчастливая; если перейдетъ не зацѣпивъ, будетъ мужъ тихій, добрый и житье счастливое. Это доселѣ въ употребленіи въ Малороссіи, и сѣверовосточной части Россіи, Польши, Литвы, и Бѣлоруссіи. На островѣ Рюгелѣ жрецы переводили черезъ шестъ, съ замѣчаніями, бѣлаго коня, на коемъ ѣздилъ богъ Сятовидъ. Въ Штетинѣ переводили воронаго коня черезъ конье. Если онъ не

касаясь конья ногами, то успѣхъ въ предпріятіи; а если дотрогивался, то неудача, или несчастіе.

Примѣты: Нѣсколько дѣвицъ идутъ къ мельницѣ, у мельницы, гумна и амбара. гумну или амбару, чтобы дѣлать свои замѣчанія. На мельницѣ онѣ слышатъ таинственное пересыпаніе хлѣба и стукъ отъ жерновъ; на гумнѣ, — удары цѣповъ, говоръ людей, укладку сноповъ и пр., и по нимъ узнаютъ, кому какая жизнь: богатая или бѣдная. Если пересыпаніе и умолотъ хлѣба большой, то богатый женихъ; если стукъ крѣпкій и укладка сноповъ рѣдная, то бѣдная жизнь. Когда люди разговариваютъ болѣе, нежели работаютъ, тогда на обѣщаніе надѣяться не надобно, а выходить за перваго замужъ. Если при слушаніи подъ амбаромъ причудится, что пересыпаютъ хлѣбъ, означаетъ долгую жизнь; когда слышится набиваніе мѣшковъ, тогда дорога; когда выносятъ мѣшки, тогда предстоитъ перемѣна въ жизни.

Снопы. Старые люди ставятъ, всѣхъ родовъ, снопы, на гумновыхъ столбахъ или токахъ, чтобы узнать: какъ великъ будетъ урожай. На какой снопъ упадетъ болѣе иная, такого родится въ избыткѣ хлѣба.

Хлѣбные суслики (засли). Нѣсколько дѣвушекъ бросаются опрометью въ амбаръ. Кто попадетъ въ засѣку съ хлѣбомъ, та будетъ и богатая и счастливая.

Тѣхъ выходятъ ночью изъ комнаты, что-бы дверь не скрипнула, и аугаютъ: въ которой сторонѣ отзовется *ау*, въ той сторонѣ выдадутъ дѣвицу замужъ. Раздавшееся *ау* скоро, означаетъ, что скоро совершится; протяжно или медленно, встрѣтится препятствіе. Когда на *ау*, ничего не отзовется, тогда ничего не исполнится.

Въ хорошее зимнее время, когда снѣгъ мягокъ, или только что выпалъ, дѣвушки ложатся на снѣгъ танъ, чтобы никто не видѣлъ, и поутру выходятъ рано, чтобы смотрѣть: какая вышла фигура: ровная, или неровная? Въ первомъ случаѣ, мужъ будетъ смирный и умный, а во второмъ недобрый и спорливый. Ходятъ еще ночью по ровному снѣгу, и по слѣдамъ ногъ, судятъ о будущемъ мужѣ. Если слѣдъ не замечется къ утру, или останется не затоптаннымъ, то будетъ раздолье и изобиліе въ домѣ и много дѣтей. Если слѣдъ поврежденъ, или кто другой перешелъ его, то недобрый знакъ: вся жизнь пройдетъ въ несогласіи съ мужемъ.

Ставятъ къ ночи на столъ три шапки, при чемъ загадываютъ имя суженаго. Если шапка онажится чрезъ ночь снѣгомъ, или не на своемъ мѣстѣ, то это означаетъ, что суженый приходилъ за нею, и дѣвушка выйдетъ

замужъ въ скоромъ времени, а имя мужа будетъ то, которое она загадала. Не тронутая шанка значить,—долго сидѣть въ дѣвушкахъ.

Примѣты по ложкамъ. Послѣ ужина берутъ большое блюдо, раскладываютъ въ немъ кружкомъ столовыя ложки, съ отиѣтными, и потомъ ставятъ въ скрытномъ мѣстѣ на ночь. По утру смотрятъ, какъ онѣ лежатъ: перевернутая ложка,—означаетъ смерть; набокъ поворотившаяся,—болѣзнь; въ обыкновенномъ положеніи,—долгую жизнь. По этому самому способу, гадаютъ въ семействахъ кому долго жить, а кому скоро умереть. Сколько слезъ, если перевернулась ложка! Я знаю, что когда одной дѣвушкѣ пришлось увидѣть перевернувшуюся свою ложку, тогда она задумалась крѣпко. Подруги шутили надъ нею, но задумчивость овладѣла ею до такой степени, что она впадала въ чахотку и изгаяла какъ воскъ.—Такъ сильно дѣйствуетъ воображеніе!

Примѣты по хлѣбнымъ фигурамъ. Дѣвушки особенно любятъ гадать фигурами. Предъ новымъ годомъ, послѣ ужина, каждая дѣвушка лѣпитъ изъ оставшагося своего куска хлѣба, изображеніе или фигуру, какую хочетъ, и собравъ куски вмѣстѣ, раскладываютъ ихъ рядомъ, за порогомъ комнаты. Потомъ кличутъ какую нибудь собаку, и допускаютъ ее къ фигурамъ. Чью прежде она схватитъ,—той выйти замужъ. Случается, что собака, об-

плюхавъ фигуры, ни до чьей не дотрогивается и идетъ прочь. Тогда дурная примѣта: всѣмъ оставаться въ дѣвушкахъ. — И горе той собакѣ! Ее гонять со двора.

Нѣкоторыя дѣвушки пекутъ небольшіе ^{Печенье} хлѣбцы изъ пшеничной муки, которые должны ^{хлѣбцы.} быть довольно поджаренными. Онѣ сами вынимаютъ ихъ изъ печи и прячутъ ихъ у себя. По наступленіи вечера, сходятся въ одну комнату, и тамъ кладутъ хлѣбцы на порогъ, въ одинъ рядъ. Потомъ зовутъ собаку, и чей хлѣбецъ она схватитъ прежде, той прежде вытти замужъ. Чей же она обнюхаетъ, у той будетъ много жениховъ, но всѣ разборчивые. Въ другихъ мѣстахъ, дѣвушки и парни выходятъ изъ дому съ хлѣбомъ. Если гдѣ залаетъ собака, такъ дѣвушкѣ сыщется женихъ, а парню невѣста.

Пуускаютъ сученныя нитки въ воду и по ^{Сученая} извиванію ихъ гадаютъ о доброй и злой судь- ^{нитка.} бѣ. Свернувшіяся въ кружокъ нитки, — печальная примѣта: кручина въ замужней жизни; плавающія въ водѣ свободно, — спокойствіе и довольство; опустившіяся прямо на дно, — смерть; выплывнувшія наверхъ, — свадьба близкая; плавающія по-верхъ воды, въ разныхъ направленіяхъ, — сидѣть въ дѣвушкахъ; перевившіяся между собою, — заплетать косу подъ вѣнецъ ;

★

образующія изъ себя круги, — вѣрный знакъ обреченія; скомкавшіяся и слипнувшіяся, — измѣна и злословіе на невѣсту.

*Примѣта
по скрипу
дерева и
столба.*

Выбираютъ старый дубъ или столбъ, становятся вокругъ его, и слушаютъ, какъ онъ скрипитъ. По скрипу и шатанію толкуютъ, какого званія будущій мужъ. Скрипитъ ли на подобіе пишущаго пера, — мужъ будетъ гражданскій, или какой нибудь ремесленникъ; за свиститъ, — музыкантъ. — Всѣ дѣйствія дерева имѣютъ свое значеніе и опредѣленіе.

*Примѣта
по скрипу
серца.*

Становятся подъ вереею, и замѣчаютъ, какъ она скрипитъ. По скрипу заключаютъ, изъ какого званія будетъ мужъ. Если слышится скрипъ пера, то быть замужемъ за приказнымъ; если хлопаютъ на подобіе плети, то за кучеромъ; если звучитъ шпорами для саблею, то за военнымъ: въ первомъ случаѣ, за адъютантомъ молоденькимъ, съ едва пробивающимися усиками, а во второмъ, за пожилымъ, только съ густыми эполетами. Если скрипъ ровный и тихій, то быть замужемъ за гражданскимъ чиновникомъ. Если скрипъ раздается глухой, то быть за разночинцемъ.

*Гаданіе
на козѣ и
шкурѣ.*

Растягивается коровья или лошадиная околдо проруби кожа, на которой садится дѣвушка. По напередъ она очерчиваетъ около себя кругъ, нарочно для того приготовленнымъ огаркомъ

свѣтъ. Изъ проруби невидимо выходятъ водяные духи. Они, воднивъ дѣвушку на кожѣ, переносить въ жилище жениха или въ домъ суженаго, и потомъ относить опять на прежнее мѣсто. За дѣвушкой гонятся въ это время черти. Желая завладѣть ею, они погружаютъ ее съ чрезвычайною скоростью въ прорубь. Дѣвица, чтобы спасти себя отъ неминуемой бѣды, должна произнести, при самомъ погруженіи: «туръ сего мѣста.» Нечистая сила разлетается во всѣ стороны. Посѣщавшая домъ своего суженаго, узнаетъ напередъ про его жизнь и нравъ, но никто не можетъ ей сказать: будетъ ли она счастлива съ нимъ? Немногія дѣвушки рѣшаются летать на кожѣ, потому что рѣдко избегаютъ дьявольскихъ вѣжностей. Намъ ничего не извѣстно, какъ женщины увертываются отъ нихъ; но преданіе говоритъ, что женскія хитрости проводятъ самихъ чертей.

Въ другихъ мѣстахъ выходятъ въ лунную ночь слушать къ проруби. Разстилаютъ около проруби воловую шкуру, садятся на ней въ кружокъ, смотрятъ со вниманіемъ въ воду, и замѣчаютъ ея теченіе и шумъ. Въ этой водѣ дѣвушка можетъ видѣть своего суженаго, въ какомъ нарядѣ, въ какомъ онъ будетъ вѣнчаться съ нею, или по крайней-мѣрѣ, увидитъ своего суженаго. Въ тихой водѣ нельзя

видѣть, потому что черти притаиваются, сторожа гадающихъ. Недаромъ пословица: «въ тихомъ омутѣ, черти водятся.» Счастливая дѣвушка моется, послѣ гаданія, этой самой водою, чтобы быть здоровою и румяною, и всегда любимою отъ мужа. Которой изъ загадывающихъ причудится что нибудь страшное, той обречено сидѣть въ дѣвушкахъ.

Въ нѣкихъ мѣстахъ собираются нѣсколько дѣвицъ на перекрестокъ, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикъ, потомъ очерчиваютъ вокругъ себя ножомъ, чтобы не прикасалась до нихъ нечистая сила; покрываютъ лице скатертью или полотномъ, и взявъ другъ друга за мизинцы, вопрошаютъ судьбу: что случится съ ними въ этомъ году? Дѣвушки сидятъ въ трепетномъ молчаніи, и прислушиваются къ свисту вѣтра, его дуновенію и всякому шороху и стуку. Иной чудится дальній звонъ колокола, — это погребеніе; другой представляется заунывное пѣніе, — покойникъ въ домѣ; иной слышится разговоръ людей, — свадьба; однимъ словомъ: каждой изъ дѣвицъ представляется особое чудное, и по нему судятъ и объясняютъ свою участь.

Еще дѣлаютъ проще. Въ полночь выходятъ нѣсколько дѣвушекъ на перекрестокъ, разстилаютъ тамъ кожу и садятся на ней. Но

прежде даютъ уговоръ не творить молитвы и не робѣть. Усѣвшись въ кружокъ, одна изъ бойкихъ говоритъ: *сужена-ряжена! вези меня съ подругами къ жениху*. Тутъ онѣ помчатся невидимо, — куда — и сами не знаютъ; но послѣ очутятся у воротъ тѣхъ самыхъ, гдѣ живетъ женихъ.

При этомъ гаданіи, дѣвушка должна выходить изъ комнаты съ большою осторожностью: не прищемить подолъ платья, — иначе она не будетъ имѣть ни въ чемъ успѣха; не плюнуть на платье, — въ противномъ случаѣ, потерпитъ злословіе. Если, при надѣваніи юпки, заворотится подолъ, то это знакъ, что въ томъ году непременно родитъ дѣтя.

Подъ головы кладутъ гребень, загадывая: *Чесаніе суженой ряженой! причеши мнѣ голову*. Волосъ. Вслѣдъ за этимъ приходитъ суженый, и причесываетъ дѣвчонкѣ волосы. Когда волосы остались не причесанными, тогда горничная зачесываетъ, и увѣряетъ, что она сама видѣла, какъ шелъ къ ея барышнѣ суженой-ряженой: вошелъ тихо въ спальню, зачесалъ волосы и ушелъ, не мѣшая ей спать.

На ночь смачиваютъ волосы настоянною на чародѣйской травѣ водою, чтобы дьяволъ не приходилъ вмѣсто суженаго. Всѣ горничныя увѣряютъ, что нечистая сила, если начинаетъ

чесать, то расчесывается до крови, и дѣвушка на вѣкъ несчастная.

*Четъ и не-
четъ.*

Четъ и нечетъ занимаетъ важное мѣсто въ гаданіи. Раскладываютъ по столу орѣха, или накатанные изъ чего нибудь шарики, и говорятъ: *четъ и нечетъ*. Упадетъ загаданное на четъ,—исполненіе желанія, на нечетъ,—неудача. По нимъ задаютъ себѣ всевозможные вопросы: скоро ли замужъ? за кого? за того ли кого люблю? и пр. Четъ и нечетъ гадается еще на бобахъ, угольяхъ и соли: въ такомъ случаѣ гадаютъ дѣвушкамъ старухи, которыя превращаютъ этотъ способъ въ ворожбу.

*Бумажные
шарики.*

Между многими пустыми бумажными шариками, кладется одинъ съ именемъ суженаго въ особую чашу и всѣ они перемѣшиваются. Потомъ каждая дѣвица вынимаетъ свое счастье до трехъ разъ. Вынутые три раза пустые билета,—неисполненіе желанія; вынутый за первымъ разомъ съ именемъ,—исполненіе желанія. Вынутый однажды пустой не лишаетъ гадающей надежды. Если попадется за вторымъ разомъ пустой, то не должно вѣрить обѣщаніямъ: кто два раза обманулъ, тому въ третій разъ не вѣрять. На этомъ положеніи основано, кому обудется, а кому нѣтъ.

*Молодой
одессецъ.*

Доселѣ въ обычаѣ гадать о суженѣмъ, по баясамъ дѣсницы: выйдетъ ли дѣвушка за

молодаго или за вдовца? Дѣвушка начинаетъ отъ первой балясы, говоря: *молодой, одессецъ, или едессецъ, молодой*, и доходитъ до последней. На какую упало последнее слово, такой будетъ мужъ. Гадаютъ еще не по однимъ балясамъ, но по пальцамъ, камушкамъ и проч., наблюдая одно правило, что на чемъ упадетъ последнее слово, тому должно сбыться.

Ночью или въ сумерки, робко подходятъ дѣвушки къ плетню и начинаютъ считать *Счетъ ко-* кольца. Если оказывается четное число, то не- *ловъ, или:* *замужъ,* *или:* *нѣтъ.* *нѣтъ.* Другія пересчитываютъ отъ досады по нѣсколькимъ разъ, и никакъ имъ не приходится выйти замужъ. Мнѣ при счетѣ колъевъ, произносятъ: *замужъ, нѣтъ.* Дѣвушки всегда начинаютъ словомъ *замужъ* и оканчиваютъ *нѣтъ*: последнимъ словомъ они никогда не начинаютъ гаданій.

Послѣ неудачи отправляются дѣвушки въ *Волъ и ба-* хлѣвъ, гдѣ стоитъ рогатый скотъ или овцы. *ранъ.* Если которая нибудь изъ нихъ найдетъ на вола или барана, то непременно выйдетъ замужъ, но съ тою разницею, что пачкувшаяся на вола, будетъ имѣть невѣрнаго мужа, а на барана, сама поставитъ рога мужу. Многія дѣвушки этому не вѣруютъ, сибывая надъ нелѣпностью предзнаменований, но какъ скоро выйдутъ замужъ, то припоминаютъ рога.

Оши.

Нѣсколько дѣвушекъ бѣгутъ въ овчарню, затворяютъ за собою двери, и въ потьмахъ, каждая нѣзъ нихъ быстро выдергиваетъ клочекъ шерсти. Если шерсть черная,— то суженый будетъ чернобровый, а если бѣлая—то бѣлокурый.

*Пуганіе
воробьевъ.*

Наткнувшіяся дѣвушки на животныхъ съ рогами не перестаютъ гадать. Онѣ отправляются толпою въ гумно или житницу съ сѣнаремъ, и пугаютъ воробьевъ: кричатъ, бросаютъ палками подъ ирошю, а другія, наиболѣе отважныя, влѣзаютъ сами подъ крышу и гонятъ воробьевъ оттуда. «Кинь, кинь, воробы! Летите и мнѣ мужа принесите,»—прокричатъ онѣ въ тихомолку. Сонные воробы летятъ прямо на огонь, и та, которая прежде поймаетъ воробья, выйдетъ прежде всѣхъ замужъ. Нѣкоторыя дѣвушки довольно долго хранятъ у себя пойманныхъ воробьевъ; тѣшатся ихъ щебетаньемъ, или по щебетанью ихъ, стараются узнать свое будущее: если оно громкое, — то мужъ будетъ сардинъ, если тихое, — то мужъ будетъ протій.

*Объ участіи
ея передъ
своей уча-
сти.*

Дѣвушки всегда желаютъ знать впередъ свою участь. Для этого онѣ, во время гаданій, берутъ сборникъ (головной женскій уборъ), кусокъ ржаного хлѣба и кусокъ дерева, и покрываютъ ихъ гершкентъ, съ приговоромъ: чему быть, тому не миновать; или что обудется, то обудется; а обудется то, что обуд-

дается; или задумаю заднюю, судьбу сопряженную. О томъ, что красавица вопрошаетъ, никому не должна говорить: единственный свидетель ея тайныхъ думъ — ея сердце. Закрывъ глаза, подходитъ къ горшку и вынимаетъ наудачу первую вещь: вынутый кусокъ дерева, — печальная судьба, гробъ; кусокъ хлѣба, — не выйти замужъ въ томъ году; сборищъ, — скорый выходъ въ замужество. Позволяется вынимать вещь только одинъ разъ.

Кому не хочется знать впередъ: долго *Березовая* жить, или нѣтъ? — Берутъ березовую *лучина.* лучину, обмакиваютъ въ водѣ и зажигаютъ. Горящая съ искрами лучина означаетъ — болѣзнь; потухающая при горѣнн, — близкую смерть; горящая долго, — долгую жизнь. Енѣ обертываютъ березовую лучину льномъ, втыкаютъ въ щель и зажигаютъ. Догоритъ ли лучина скоро, — смерть кому-либо изъ родныхъ; оберется ли она въ какую-нибудь сторону, — быть дѣвушка замужемъ.

Свертываютъ въ комъ *Узнавѣ* класть соломы *имени* и кладутъ на столъ. На свернутой соломѣ *же-* ставятъ сковороду съ камнемъ, и поливаютъ ее *нига.* водою. Желавшія знать имя жениха, выдерживаютъ потихоньку соломинку, которая производитъ при этомъ плукой звукъ, и въ этомъ звукѣ отгадываютъ имена суженныхъ. Инымъ

слышится «дзинь», и изъ него выводятъ или суженаго. Тутъ всегда рождаются споры между словообъясняющими: каждый изъ дѣвицъ старается увѣрить свою подругу, если соломинка выдернута неудачно, что звукъ предвѣщаетъ не то, какое даютъ ему значеніе. Споры всегда оканчиваются надеждами увидѣть въ скоромъ времени суженаго.

Кладутъ еще иглу безъ ушка подъ жерновъ. Одна вертитъ жерновъ, другая прислушивается къ звуку. Въ послѣднемъ дѣвушки слышать нѣя жениха.

*Личный
блѣзокъ.*

Берутъ свѣжее яйцо, выпускаютъ изъ него въ станокъ бѣлокъ, и ставятъ въ волюмный духъ печи, на столько времени, во сколько онъ можетъ свернуться. Потомъ вынимаютъ станокъ и замѣчаютъ: въ какомъ положеніи бѣлокъ? свернулся ли онъ, и въ какомъ видѣ? Видъ церкви, — означаетъ вѣнчаніе, кольца или перстни, — обрученіе, четверугольной фигуры, — гробъ. Корабль съ парусами значитъ выхажь дѣвушки замужъ въ чужой сторонѣ. Мушкетъ таной воробей предсказываетъ дальнюю дорогу, а жанинѣ скорое возвращеніе ея мужа домой. Прочія фигуры, которыя трудно разобрать, объясняются съ особой таинственностію. Не рѣдко прибѣгаютъ къ женщинамъ, искуснымъ въ толкованіи гаданій. Если

бѣлокъ воды не поднялся, то не состоитъ-
ся брану. Когда онъ вдругъ спустится на дно,
тогда предвѣщается смерть, а въ домѣ пожаръ.

На влитую на сковороду воду кладутъ *Клокоченіе*
охлапки льну, зажигаютъ огонь и покрываютъ *воды.*
горничкомъ. Если вода заклокочетъ, то у невѣ-
стки будетъ сварливая свекровь; когда огонь
погаснетъ, тогда свекровь будетъ добрая.

Накрываютъ платкомъ кольцо, кусокъ *Кольцо, ку-*
хлѣба и пучъ соломы. Дѣвушка, желающая *сокъ хлѣба*
знать счастливую свою жизнь, должна сама вы- *и пучъ со-*
нуть какуюнибудь вещь, и что вынуть, то *ломы.*
непрѣменно сбудется. Вынутое кольцо означа-
етъ, что женихъ ея будетъ щеголь; хлѣбъ, — за-
яточный мужъ; солома, — бѣдность. Другія
кладутъ вмѣсто соломы какойнибудь кро-
чекъ и если онъ вынется, то говорятъ: «бѣд-
ный крочекъ». Это значитъ бѣдный человѣкъ.
Иногда толкують крошекъ въ прямомъ смы-
слѣ взяточника.

Каждую изъ этихъ вещей, порознь, кла- *Перстень,*
дутъ подъ отдѣльную посуду. Угадывающія *хлѣба, щет-*
качества жениха не должны видѣть, куда ка- *ка и та-*
кая положится вещь; не должны подходить къ *бакъ.*
вещи, закрытой посудой, и брать ее наугадъ;
кому попадетъ перстень, значитъ женихъ бу-
детъ щеголь, кому хлѣбъ, — богатый; кому щет-
ка, у той будетъ мужъ бороδοбрѣй, а кому

табакъ, той мужъ будетъ табачникомъ. Надъ послѣдними двумя вещами дѣвушки смѣются, называя своихъ подругъ, одну беродобрѣйшего а другую табачницею.

*Кусочки
хлѣба съ
окля.*

Наканунѣ новаго года кладутъ въ дынное окно черной избы, столько кусочковъ хлѣба, сколько гадастъ дѣвушекъ. Эти кусочки оставляютъ лежать во всю ночь. По утру каждая изъ дѣвушекъ смотритъ: цѣлъ ли замѣченный ею кусочекъ? — Если цѣлъ, то значить, что она проживетъ этотъ годъ, а если закушенъ или съѣденъ совсѣмъ, то умереть ей въ этотъ же годъ. — Помѣхою гаданий дѣвушекъ всегда бываетъ кошка. Добравшись до кусочковъ, она съѣдаетъ ихъ или закусываетъ, сколько ей угодно, а дѣвицы между тѣмъ толкуютъ. И какъ нарочно случается, что тѣ дѣвушки, коихъ кусочки были съѣдены, живутъ долѣе, нежели тѣ, коихъ остались невредимыми.

*Ломаніе
косточки,
называемой
дуга.*

При подаваніи на столъ жареной курицы, или другой какой нибудь птицы, дѣвушки берутъ заднюю часть кости, имѣющей видъ дуги, и ею гадаютъ между собою: кому умереть прежде? Гадающіи берутся низинцемъ за дугу косточки, и кто переломитъ скорѣе, той прежде умереть.

Соломинка.

Закрывъ глаза, выдергиваютъ ртомъ изъ снурды по соломинки, и по немъ судятъ о сво-

емъ счастья. Выдернутая съ колосомъ, — живая
принята богатой жизни; безъ колоса, — убогая
жизнь; двѣ выдернутыя вмѣстѣ, — рожденіе
близнецовъ, а если болѣе, — то ничего не зна-
чить. Гаданіе не позволяетъ дѣвицамъ имѣть
болѣе двухъ близнецовъ. — Можно гадать толь-
ко до трехъ разъ.

Еще ходятъ на гумно и дергаютъ коло-
сы изъ одонья. Выдернутая солома съ коло-
сомъ, означаетъ богатство, а пустая, — бѣдность.

Иныя выдергиваютъ колосъ изъ одонья
зубами. Если выдернулся толстый, то дѣвуш-
ка будетъ жить въ полномъ удовольствіи.

Дѣвушки не могутъ гадать иглами. Онѣ дол- *Игл.*
жны просить о томъ или своихъ нѣтъ, или сте-
рухъ. Намазываютъ двѣ иглы свѣжнмъ саломъ
или воскомъ, опускаютъ ихъ остриемъ, а иногда
безъ всякаго разбора, въ стаканъ съ водою, и
замѣчаютъ: какъ онѣ тонутъ. Если пошли ско-
ро на дно и прямо, — то исполненіе желанія;
сошлись ли вмѣстѣ, — выходъ замужъ; остано-
вилась ли одна: противу другой, — встрѣтится
препятствіе; сошлись разобщено, — великое для
невѣсты горе: оставаться незамужней. Послед-
нее обстоятельно касается до дѣвицъ, но для
женщинъ это означаетъ разговоръ, или семей-
ное горе, а для мужчинъ неусиѣхъ въ дѣлахъ.

Гадають еще иначе. Раскладываютъ хлѣбъ, соль, уголь и печину (отвалившійся изъ внутри печи кусокъ кирпича): хлѣбъ противу соли, уголь противу печины. Потомъ берутъ продѣтую на длинной ниткѣ иголку, втыкають ее въ другой кусочекъ хлѣба, и взявшись за конецъ нитки, держатъ ее противу лба; послѣ раскатываютъ тихонько, съ приговоромъ: «хлѣбъ да соль, уголь да печина, скажите правду, истину.» Тутъ замѣчаютъ, куда станетъ качаться иголка съ кусочкомъ хлѣба: если отъ хлѣба къ соли,—то предвѣстіе доброе; а если отъ угля къ печинѣ,—то дурное.

Бобы. Гаданіе на бобахъ извѣстно было у насъ еще въ XVI вѣкѣ и строго воспрещалось *имамъ сирѣчь отъ бобы.* Сохранившаяся пословица, — *чулокъ бѣду бобами разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу,* — объясняетъ, что человѣкъ въ своемъ горѣ не находитъ ума, а о чужомъ думаетъ легко. Многіе, вѣря въ гаданіе на бобахъ, утѣшаются словами «ворожен», которыя искусно опредѣляютъ свойство и значеніе каждаго боба. Для этого берутъ 44 бобъ, и раздѣляютъ ихъ на три половины: отсчитываютъ по четыре, и откладываютъ ихъ въ сторону, въ одинъ рядъ, пока въ рукѣ останется лишекъ, который кладется въ особую кучку. Потомъ изъ одного ряда дѣла-

ютъ нѣсколько кучекъ, и даютъ имъ названіе: первой, *головы*, второй *сердца*, третьей *руки*, четвертой *ноги на походъ*; названіе остальныхъ рядовъ зависитъ отъ искусства ворожен. Когда бобы разложатся въ должномъ порядкѣ, тогда ворожея водить по нимъ рукою, шепчетъ про себя извѣстныя ей выраженія, и потомъ объясняетъ каждой дѣвушкѣ: «это упало на голову, твой суженой думаетъ о тебѣ, и давно думаетъ! а это лежитъ на сердцѣ, печаль у него, и у тебя. Онъ будетъ твой, только встрѣтишь слезы. — Руки? оно то хорошо, да вѣдь другія дѣвушки уже любятъ его; онѣ вяжутъ ему руки, а онѣ все къ тебѣ. — Ноги? не бывать ему въ томъ домѣ; онѣ ѣдетъ въ дальнюю сторонushку, а тамъ ему слюбится другая. Не кручинься, красная душа—дѣвица: сердце молодыхъ людей, то на ту, то на другую сторону, — куда повѣтъ вѣтеръ.» Личекъ объясняется въ заключеніи полученіемъ письма, извѣстія, посылки, наступленіемъ близкой дороги и т. п.—Когда удачно оканчивается гаданіе, тогда говорятъ: «голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походъ.»

Другіе описываютъ гаданіе на бобахъ слѣдующимъ образомъ: берутъ 41 бобъ и раздѣляютъ ихъ, безъ счета, на три части. Первую часть берутъ въ одну руку, а другую отсчи-

тываютъ по 4 боба и откладываютъ въ сторону, пока останется въ рукѣ три, два и одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ первую линію, подлѣ первой части; потомъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, и кладутъ остатокъ въ первую линію подлѣ третьей части. Потомъ составляютъ впереди линію въ три порядка, а третью безъ счета въ три порядка. По оставшимся бобамъ отъ первой и второй линій, по устройеніи трехъ линій, приступаютъ къ разгадыванію. Второй порядокъ первой линіи называютъ *головою*; третій въ той же линіи, *рукою*; второй во второй линіи, *сердцемъ*; третій, въ третьей линіи, *ногою на походѣ*. — Голова предвѣщаетъ мысль, веселость, быстроту, ученое состояніе; рука, — богатство; сердце, — печаль и радость; ноги на походѣ, — пріѣздъ и путешествіе, полученіе посылки и исполненіе желанія.

Рѣшето. Одиѣ замужнія только могутъ гадать на рѣшетѣ. Ворожеи вѣютъ рѣшетомъ сѣтѣ, а потомъ вытряхиваютъ его въ лунную ночь. Главное въ томъ, чтобы уиѣть сдержатъ рѣшето на указательномъ пальцѣ, въ равновѣсіи, протянувъ правую руку. На рѣшетѣ гадаютъ болѣе поселяне по деревнямъ, когда случится пропажа или воровство. При держаніи рѣшета, произносятъ имена людей, подо-

зрѣваемыхъ въ воровствѣ. При чѣмъ имени оно повернулось, тотъ изобличается. Точно такъ поступаютъ при святочномъ гаданьи, съ тою только разницею, что, при чѣмъ имени рѣшето повернулось, тотъ не суженый. Если оно повернулось отъ дрожанія руки, или дуновенія вѣтра, то это приписывается дѣйствию нечистой силы, и снова начинаютъ гадать.

Кофейницы — ворожен гадаютъ во всякое время. На святкахъ гадаютъ только по желанію, или по просьбѣ. Сливаютъ кофейную гущу въ чашку, накрываютъ ее блюдечкомъ и опрокидываютъ вверхъ дномъ. Потомъ, снявъ чашку съ блюдечка, наливаютъ на него воду и погружаютъ ту же чашку на блюдечко, при троекратномъ произнесеніи словъ: «вѣрность, дружба и согласіе,» или, «что загадано, то сбудется,» и рассматриваютъ, какія вышли на чашкѣ знаки. Изображеніе человѣка, означаетъ свиданіе влюбленныхъ; цвѣты, — любовныя связи; дерево, — разрывъ любовниковъ, въ семействѣ раздоръ, несогласіе, и въ дѣлахъ неудача. Виды домовъ, церквей и башенъ, — выполненіе желаній; если жъ при этомъ соединилось нѣсколько изображеній виѣсть, наподобіе людей, то означаетъ свадьбу; четырехугольные виды предвѣщаютъ гробъ или несчастіе. Изображенія какихъ нибудь животныхъ толкуются различно: соба-

*Кофейная
гуща.*

ка означаетъ вѣрность и друга; кошка,—коварство; лисица,—лукавство; волкъ и медвѣдь,—неудачу или препятствіе въ дѣлахъ и любви; змѣя,—наговоры отъ злыхъ людей. Трудно исчислить значеніе кофейныхъ знаковъ: объясненіе ихъ зависитъ отъ кофейницъ. Дѣвицы гадаютъ на кофейной гущѣ только предъ сномъ.

Гаданіе на картахъ. Ни одинъ родъ занятій не распространился у насъ въ такой степени, какъ карты. Вездѣ, куда не обратитесь, играютъ въ карты и гадаютъ на нихъ. Даже высшаго сословія особы не изъяты отъ этой слабости. Есть люди, которые посвятили всю свою жизнь одному гаданію на карты.—Разгадываютъ другимъ несчастіе, а своего не знаютъ; предрекаютъ другимъ счастье, а сами несчастливы!—Нѣтъ уголка въ деревнѣ, гдѣ бы не было прославленныхъ гадалъщицъ. Ихъ съ почестию приглашаютъ на домъ, или нарочно пріѣзжаютъ къ нимъ изъ дальнихъ мѣстъ знатные люди.—Что этому причиной? Недостатокъ просвѣщенія. Гадалъщицы живутъ на счетъ невѣждъ и слабоумныхъ. Онѣ ведутъ непосредственную связь съ плутами и обманщиками, и знаютъ, гдѣ что пропало; имѣютъ сношеніе съ дворовыми людьми, торговками и сплетницами. Окружая себя людьми шатающимися отъ дома къ дому, онѣ получаютъ отъ нихъ всѣ

нужныя свѣдѣнія; знаютъ что происходило въ домѣ, и когда кого обворуютъ. Прибѣгающіе къ нимъ за совѣтами, всегда суть влюбленные, суевѣры, потерявшіе собственность, легковѣрные, люди съ предрасудками, лишенные всякаго здраваго смысла и безъ теплоты Вѣры.— Вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть въ горести къ Богу, и Ему молиться, очень многіе обращаются къ обманщикамъ, не думая, что они совершаютъ великій грѣхъ. Вѣрить ворожеямъ, это значитъ отметать попеченіе о насъ Промысла.—Ворожеямъ охотно вѣрятъ на-слово, а разсудку ни мало. Гадальщицы часто отгадываютъ по лицамъ печальнымъ о случившемся несчастіи. И кто не можетъ отгадать! Отрывистыя слова, рѣзкая горестъ и уныніе, слезы на глазахъ, или красныя глаза отъ слезъ, впалое и блѣдное лице, дрожащія руки, медленная и задумчивая поступь,—все это помогаетъ гадальщицамъ. На вопросы лѣгковѣрныхъ онѣ отвѣчаютъ скоро и всегда двусмысленно. Удачное разгадываніе распространяется повсюду, и всегда съ преувеличиваніемъ; неудачное приписывается не картамъ, а судьбѣ. Такъ было написано на роду его!—Если ворожея разгадываетъ слишкомъ неудачно, то переходятъ отъ ней къ другой и ни въ чемъ ее не обвиняютъ; вмѣсто ее новая ворожея приобрѣ-

таетъ толпу поклонниковъ. — Страсти вездѣ господствуютъ, но въ картахъ онѣ явственнѣе. Одно нравственное направленіе умовъ можетъ уменьшить безотчетную довѣренность къ гаданію. Всѣ усилія останутся слабыми, пока образованіе не предпочтутъ картамъ.

Должно думать, что гаданіе на картахъ увеличилось въ царствованіе Императрицы Елисаветы, по той причинѣ, что карты были тогда въ большомъ употребленіи. О нашемъ времени нечего говорить. — Способъ гаданій на картахъ многообразенъ. Каждая гадалица имѣетъ свои особыя примѣты, и даетъ имъ свой смыслъ. Раскладка картъ и объясненіе ихъ суть условные предметы, которые измѣняются по произволу и разнообразятся до безконечности. Иныя гадаютъ 36 картами, а другія цѣлою колодою. Самое невинное препровожденіе времени, граиъ-пасьянсъ, есть также гаданіе.

На святкахъ прибѣгаютъ къ карточному гаданію, по случаю гадательныхъ вечеровъ. Дѣвушки смотрятъ съ особою вѣрой на подающихъ королей, и замѣчаютъ ихъ съ жадностію; старыя обманщицы толкуютъ дѣвицамъ эти гаданія по своему усмотрѣнію. Гадать на одно лицо, доскусается до трехъ разъ; болѣе же, въ одинъ вечеръ, это считается не дѣйствительнымъ; можно загадывать снова, въ другой вечеръ.

Предъ сномъ кладутъ подъ подушки че- Четыре
карточ-
ныхъ коро-
лл.
тырехъ королей, и гадаютъ: «кто мой суже-
ной, кто мой ряженой, тотъ приснись мнѣ!»
Суженый ряженный долженъ присниться; если
же нѣтъ, то это приписываютъ душевному
разстройству дѣвушки, или другому посто-
роннему обстоятельству, но во всякомъ случаѣ
вину слагаютъ на память, и на то, что послѣ
сна, не должно было браться за голову. Суже-
ный, явившійся подъ пиковымъ королемъ, озна-
чаетъ старика и ревниваго; подъ трфовымъ,
вдовца; подъ червоннымъ, молодого и богача,
а подъ бубновымъ, желаннаго.—Мушны кла-
дутъ себѣ подъ подушку четырехъ дамъ,
нонхъ цвѣтъ означаетъ тоже самое, что коро-
лей, съ тою разницею, что если приснится пи-
ковая или трфовая, то зажигаютъ ею трубку.—
Гаданіе по королямъ и дамамъ, перешло къ
вамъ отъ Нѣмцевъ, въ половинѣ XVIII вѣка.

Когда всѣ заснутъ, тогда гадающая дол- Три пру-
тика изъ
веника.
жна встать потихоньку съ постели, и никому
не говоря, что она намѣрена загадывать, вы-
нуть изъ веника три прутика, и этими пруты-
ками отместь соръ отъ порога во - внутрь ко-
мнаты, три раза. Потомъ эти три прутика по-
ложить подъ подушку, лечь и загадать о су-
женомъ. Онъ явится, разбудить милую, обни-
метъ и проведетъ съ нею ночь въ сладостъ-

номъ упоеніи любви. Гадавшая не должна тогда трогать прутиковъ, иначе суженый скроется, и ей оставаться тогда вѣчно въ дѣвушкахъ.

Сниманіе сапога.

Мущина, лежа въ постель, съ однимъ сапогомъ на правой ногѣ, загадываетъ о суженой: «суженая моя, ряженая, прійди ко мнѣ и сними съ меня сапогъ.» Когда онъ заснетъ, тогда его суженая явится и снимаетъ съ него сапогъ.

Обычай разуванія есть самый древній. Еще предки наши, будучи язычниками, употребляли его. Невѣста должна была разувать въ первую ночь жениха, который держалъ въ то время плетку въ рукахъ. Если она снимала съ лѣвой ноги сапогъ, то женихъ билъ ее три раза по спинѣ, въ ознаменованіе власти надъ женою, которая дѣлалась съ того времени рабыней его; если невеста снимала съ правой ноги сапогъ, то положенныя въ немъ деньги, она брала себѣ, женихъ цѣловалъ ее, и потомъ билъ слегка плетью (*).

Луковица съ солью.

Загадывающія выбираютъ свѣжую луковицу, очищаютъ ее отъ шелухи и разрѣзываютъ пополамъ; потомъ, снимаютъ первый слой луковицы, посыпаютъ ее солью, и въ то время, когда ложатся спать, съѣдаютъ, зага-

(*) О разуваніи см. въ статьѣ свадьба, въ описаніи древнихъ свадебныхъ обрядовъ.

дывая о суженомъ или суженой. «Суженая ряженая», или: «суженой мой, ряженой, подай мнѣ напиться воды. «Жажда, производимая отъ луку съ солью, не даетъ хорошо уснуть, и пока суженый или суженая явятся, сами встаютъ съ постели, и сами себѣ добываютъ воду.

Ложась спать, надобно закусить *Три анге-* который *ла.* нибудъ уголъ подушки, и потомъ, укрывшись одѣяломъ, загадать о суженомъ или суженой, говоря: «одинъ ангелъ скажетъ, другой укажетъ, а третій суженаго покажетъ».—Всѣ ангелы слетятъ и выполнять желаніе загадывающихъ.

Чашу или тазъ наполняютъ водою, и потомъ берутъ мелкую монету, которая была *Бросаніе монеты въ воду.* бы самая тоненькая: обыкновенно брали для этого шелегъ, — который нынѣ вышелъ изъ употребленія, — и поднявъ монету довольно высоко, опускаютъ ребромъ въ воду. Брошенная такимъ образомъ монета, встрѣтивъ сопротивленіе въ сосудѣ, выскакиваетъ изъ него и падаетъ на землю, и тогда она означаетъ, что о чемъ было загадано, то сбудется непременно. При бросаніи монеты, только должно загадывать о томъ, что сбудется или не сбудется. Если брошенная ребромъ монета, перевернется и ударится плашмя, то она потонетъ, и тогда означаетъ, что загаданное не сбудетъ.

ся.—Многіе такъ вѣрятъ этому, что во всякое время прибѣгаютъ къ сему способу загадыванія; но такое загадываніе преимущественно имѣетъ силу наканунѣ новаго года.

*Кольцо съ
водъ.*

За нѣсколько часовъ до сна, наливаютъ въ стаканъ воду, опускаютъ туда кольцо и выставляютъ на морозъ. Ложась спать, приносятъ стаканъ и смотрятъ: какія вышли въ немъ предметы? Замерзшая вода безъ бугорковъ, означаетъ бездѣтную жизнь, а сколько покажется бугорковъ, столько будетъ сыновей, а сколько ямокъ, столько дочерей. Потомъ надѣваютъ кольцо на руку, загадываютъ, и снявъ его, передаютъ другъ другу: что было загадано, то приснится и сбудется вѣрно. У иныхъ воображеніе такъ сильно дѣйствуетъ, что имъ видится во снѣ то, что происходило на яву, и представляется то, что задумали: а у другихъ, отъ сильнаго напряженія мыслей, происходитъ бессонница, и въ слѣдствіе этого головная боль; но это приписываютъ безпокойному посѣщенію суженаго—ряженаго. Появившіеся сны утромъ и предъ вставаніемъ, не считаются дѣйствительными.

*Башмаки
съ золой.*

Посыпаютъ золой башмаки, и ставятъ ихъ на ночь подъ кроватью. Поутру смотрятъ: на чьихъ башмакахъ больше золы, той дѣвушкѣ предстоитъ счастливая жизнь.

Еще такъ: дѣвушка, съ завязанными глазами, обсыпаетъ свои башмаки золой и поручаетъ потомъ особо кому либо смотрѣть за ними, чтобы не думали, что перемѣняла ихъ. Перемѣна башмаковъ поназываетъ перемѣну въ семействѣ: смерть, или болѣзнь. При надѣваніи башмаковъ, бывшихъ съ золою, замѣчаютъ: надѣвала ли дѣвушка впередъ на правую ногу, или на лѣвую? Если на правую, то исполненіе желанія, а на лѣвую, неудача. Въ этотъ день стараются ничего не предпринимать, и ничемъ не заниматься. Другія дѣвушки кладутъ свои башмаки, безъ золы, въ корыто, и потомъ бросаютъ ихъ всѣ вмѣстѣ, за однимъ разомъ: чей башмакъ прежде упадетъ, той непременно выйти замужъ.

Расчесываютъ ночью кудель пряжи на гребнѣ, и выставляютъ ее за окно. Предъ ^{Кудель съ} ^{пряжею.} сномъ смотрятъ, въ какую сторону развѣвается расчесаная кудель, съ той стороны явится суженый. ~~Нѣкоторые~~ утверждаютъ: какія волокна на гребнѣ, такія будутъ волосы у суженаго.

На ночь ѣдятъ что нибудь соленое, и загадываютъ: «кто мой суженый, кто мой роженый тотъ подастъ пить мнѣ.» Дѣвушки думаютъ, что когда во снѣ захочется имъ пить, тогда будетъ стоять у постели суженый съ ^{Суженый} ^{съ водою.} водою, и подастъ пить имъ. Дѣвушка не должна

пугаться, если суженый и сядетъ подлѣ нея ,
и обниметъ.

Мостикъ изъ прутиковъ. Дѣлають изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ его на сонъ подъ подушку и загадываютъ : «кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ переведетъ меня чрезъ мостъ». Когда все это приснится , тогда сонъ въ руку; но то бѣда, что дѣвушки скоро забываютъ сны. Никогда не надобно класть рукъ подъ головы.

Квашня. Выносятъ изъ избы квашню и ставятъ ее посреди двора. Если, съ завязанными глазами, дѣвушка прямо найдетъ на квашню, то выйти ей замужъ въ тотъ же годъ; если найдетъ бокомъ, то подъ сомнѣнiемъ, чтобы она вышла замужъ, въ тотъ же годъ.—Бѣда, когда пройдетъ мимо,—не выходить ей замужъ.

Въ иныхъ мѣстахъ, ставятъ квашню посреди дороги. Къ квашнѣ бѣгутъ спиною, и кто попадетъ въ нее , та будетъ выдана замужъ, въ тотъ же годъ.

Загадыванiе предъ воскресеньемъ. «Понедѣльникъ со вторникомъ, среда съ четвергомъ, пятница съ субботою , а ты воскресенье одно, скажи мнѣ правду: какой суженой явится мнѣ во снѣ»?—Это загадываютъ, ложась спать, и преимущественно предъ воскреснымъ днемъ ; но какъ Р. Х. не всегда приходится въ воскресенье , то поэтому гадаютъ во всѣ святочные вечера.

Обыкновенное литье, это есть на воскъ. *Литье изъ разныхъ веществъ.* Оно было въ большомъ употребленіи у Грековъ, и извѣстно у нихъ подъ именемъ керомантинъ, предназначавшее доброе и худое. То же самое нынѣ оно значитъ, и употребляется во всей Европѣ. Наши предки любили предаваться этому роду удовольствій, которое называлось «восколѣмъ»; но церковными постановленіями оно строго воспрещалось, какъ богопротивное дѣло.

Лили еще не изъ одного воску, но изъ олова, свинца, серебра и золота. Говорятъ, что прежде лили изъ золота, будтобы въ томъ предубѣжденіи, что выльется счастье золотое; и въ заключеніе пили воду съ золотого блюда. Сохранилась доселѣ поговорка: «съ твоего слова, съ золотого блюда».

Къ литью приступаютъ съ особымъ чувствомъ боязни. Его совершаютъ на сонѣ, и въ это время считается гаданіе только дѣйствительнымъ. Растапливаютъ бѣлый воскъ, и выливаютъ его на блюдо, чашу, или другой какойнибудь сосудъ съ водою, и замѣчаютъ какія отлились изображенія. Представляющія видъ дома, означаютъ хозяйство; прочія зданія: сарай, гумно, и т. п. — сельскую жизнь; церковь, — обрученіе; яма и пещеры, — гробъ; деревья и растенія, имѣютъ особое свое знаменованіе:

склонившіяся деревья, — грусть, а прямые, — радость; растенія и цвѣты, похожія своелью на-будь на Божее дерево, тюльпанъ, розу, незабудку и пр. объясняются по ихъ свойству; развалины какого нибудь города или дома, толкуются всегда въ дурную сторону: для невѣсты, — обманъ въ суженомъ, для женщины, — несчастіе въ домѣ. Истолкованіемъ такихъ видовъ занимаются прославленные ворожен, которые часто управиваются невѣстами, говорить въ ихъ пользу. Ворожея предсказываетъ суженой брачный вѣнецъ, указывая съ намѣреніемъ на кольцо, вылитое изъ воску. Дѣвушка притворно не вѣритъ, ссорится съ ворожеею, но на другой день является женихъ, и дѣло идетъ къ концу. Предусмотрительный женихъ подкупаетъ заблаговременно ворожею, и все слаживается въ его пользу. Между дѣвушками начинаются неудовольствія, и дѣло объясняется само собой. Соперницы подговариваютъ ворожею, говорить на зло суженой. Случается весьма часто, что подкупленные женихами ворожен, говорятъ о нихъ съ великой похвалою, выставляя ихъ честными, безкорыстными, благородными, нравственными и точно любящими свою суженую, хотя все знаютъ, что они низкой души, безнравственные и имѣютъ въ виду получить отъ суженой денежки. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе

и глуше, когда сама суженая знает о своемъ женихѣ, что онъ дѣйствительно человѣкъ подлый; что она не могла терпѣть его прежде: рѣшалась лучше лишиться себя жизни, нежели вытти за него замужъ; одинъ взглядъ его пугалъ ее прежде, и она въ глаза издѣвалась надъ нимъ, — но ворожея сказала, что онъ суженый ея, а суженаго конемъ не объѣдешъ, — мать подтвердила это, и дѣло въ шляпѣ. Такое совершаютъ зло ворожеи, но и подобныя невѣсты, вопрошающія ихъ о своей судьбѣ, не заслуживаютъ ни добраго имени, ни сожалѣнія.

Дѣвушки, коимъ наворожили въ пользу, торжествуютъ, а тѣ, коимъ наговорили и несчастія и горя, ломаютъ отъ испуга свои руки, и ложатся спать съ оханьемъ. Во снѣ бредятъ, и рассказываютъ свои страданія. Но наперекоръ гаданіямъ бываетъ, что охавшая дѣвушка скорѣе находитъ себѣ жениха, нежели та, которой было наворожено въ пользу.

Другія нетерпѣливыя дѣвушки, желая видѣть суженаго глазъ на глазъ, гадаютъ восколеніемъ въ банѣ, въ полночь. Когда суженая начинаетъ гадать, въ то время предстаетъ предъ нею суженый, по милости ворожеи, даритъ ей кольцо и скрывается. Отъ испугу дѣвица падаетъ въ обморокъ; ее отводятъ въ спальню и укладываютъ спать. На другой день она раз-

сказываетъ страшныя вещи : кто-то ее цѣловалъ , обнималъ и нѣжился съ нею ; потомъ кто-то надѣлъ ей на руку кольцо . — Въ домѣ всѣ въ ужасѣ , но спустя нѣсколько дней , появляются сваты . Любовь хитра на выдумки .

Дѣвицы , получившія неблагопріятныя предзнаменованія , прибѣгають къ выливанію стада лебедей . Вечеромъ выливаютъ лебедей и лебедокъ , по числу гадающихъ ; лебедокъ окрашиваютъ , а лебедей оставляютъ бѣлыми . Каждая избираетъ для себя лебедя и лебедку , пускаютъ плавать въ чашѣ и закрываютъ полотномъ . Предъ сномъ идутъ смотрѣть , какъ плаваютъ лебедь и лебедка . Плаваютъ ли они вмѣстѣ , то означаетъ супружеское согласіе ; присоединились ли къ одной парѣ другія , будетъ много дѣтей .

Гаданіе на оловѣ и свинцѣ также производится , какъ на воскѣ , но только скрытно отъ родныхъ и знакомыхъ . Растопленный свинецъ сливаютъ въ холодную воду , и смотрятъ : на какую сторону отдѣляются пары , съ той стороны явится суженый . Отлитыя изображенія такъ же объясняются , какъ восковыя .

Литье изъ золота и серебра нынѣ не употребляется ; но преданіе говоритъ , что встарь расточительные бояре ливали фигуры для гаданій изъ золота . Князь В. В. Голицынъ , на-

перстникъ дѣлъ Царевны Софіи; Цезарь Ромодановскій; бояре: Борисъ Шереметьевъ, Шенинъ и др. тѣшили гостей на святкахъ золотомъ. Иностранцы съ изумленіемъ говорятъ о ихъ роскоши, особенно и Голицынѣ, который своею блестящею жизнію затмѣвалъ многихъ владѣтельныхъ князей.

Листъ бѣлой бумаги жгутъ на свѣчѣ; по-*Сженіе бу-*
томъ подносятъ созженную бумагу къ стѣнѣ, *маги.*
а свѣчу держатъ нѣсколько поодаль, чтобы отбрасывалась тѣнь. По изображеніямъ, которыя рисуются на стѣнѣ, разсуждаютъ о ихъ значеніи. Дѣйствительно, бывають иногда заманчивыя явленія: то представляютъ вдали лѣсъ, дорогу, горы; то башни, храмъ, поля, людей, то разныхъ животныхъ. Само собою разумѣется, что объясненіе этихъ явленій, сопровождается приблизительными истолкованіями. Мнѣ часто случалось видѣть еженіе бумаги, и всякой разъ я удивлялся фантастическимъ, при сихъ случаяхъ, изображеніямъ. Нѣкоторыя части предметовъ выходили прекрасно. Одной дѣвушкѣ онѣ предсказали дальнюю дорогу; ей нарисовались на стѣнѣ: лѣсъ и дорога, а вдали человѣческая фигура въ печальномъ положеніи. Черезъ нѣсколько времени одинъ молодой человекъ, издавна посѣщавшій домъ ея родныхъ, предложилъ дѣвушкѣ руку, но съ условіемъ,

быть постоянной. Дѣло разладилось. — Память дѣвушка молода, она можетъ имѣть своихъ поклонниковъ. Къ ней присватался офицеръ съ усами. (Ужъ эти усы! сбиваютъ они дѣвушекъ съ толку). Онъ ей не нравился, понравились ей усы — и она вышла за него замужъ и уѣхала съ нимъ на бивачную жизнь. Вотъ совершилась дальняя дорога.

*Цвѣтокъ
изъ подаль-
нечнаго
убора.*

Послѣ всѣхъ неудачныхъ гаданій, нѣкоторые дѣвушки не теряютъ надежды выйти замужъ. Въ такомъ случаѣ помогаетъ имъ дружка во время какойнибудь свадьбы. Когда обрученную невесту раздѣваютъ, тогда приближенная дружка отламываетъ цвѣтокъ изъ головнаго убора молодой, и передаетъ той дѣвушкѣ, которой желаетъ жениха. По увѣренію многихъ, эта примѣта сбывалась. Одна моя знакомая рассказывала, что ея подруга просила позволить ей отломить цвѣтокъ изъ подвѣснаго головнаго ея убора. Дружка, отломивъ вѣточку, передала безнадежной дѣвушкѣ, которая въ скоромъ времени вышла замужъ. Это однакожъ не есть собственно гаданіе, но средство къ утѣшенію безнадежной. — Въ случаѣ, если гаданіе было зловѣщее и несчастное, — чего Боже сохрани! — то прибѣгали къ снотолкованію.

*Снотолко-
ваніе.*

Не было человѣка въ мірѣ, который до извѣстнаго времени, не не обращался бы къ

снотолкованію. Женскій полъ постоянно отличается вѣрованіемъ въ сновидѣнія. Бывало прежде, что ни снилось, все сбывалось, а теперь, — грѣшныя мы люди, — ничто намъ не сбывается. Въ старину существовалъ особый разрядъ женщинъ, коихъ безпрестанно требовали на дождь, для изъясненія сновъ, какъ египетскіе цари своихъ волхвовъ-мудрецовъ! Попадаются у насъ, по городамъ и деревнямъ, записныя снотолковательницы, снискивающія себѣ пропитаніе этимъ занятіемъ. Беззубыя старухи, бабушки, кумушки, старыя няньки и расхаживающія съ узелками травъ, отъ разныхъ недуговъ, сами заводятъ рѣчь о снахъ и охотно берутся изъяснять ихъ. Всѣмъ извѣстно, что многіе прибѣгаютъ, для узнанія сновъ, къ сочиненіямъ, подъ именемъ: сонниковъ, оракуловъ, предсказателей и т. п., и вѣрятъ имъ безусловно; читаютъ пелѣности съ большимъ вниманіемъ, нежели нравственное и полезное сочиненіе; руководствуются безтолковыми объясненіями, даже при начинаніи своихъ дѣлъ, и книгу о снахъ хранятъ и берегутъ, какъ душевнеспасительную. Таковое слѣпое расположеніе происходитъ отъ недостатка образованія, и дѣлаетъ людей безотчетно легковѣрными: они на все соглашаются охотно, и все пустое для нихъ есть таинственное, непостижимое.

*

Страсть находить въ природѣ все чудесное, сверхъ-естественное; произвело вѣрованіе въ сны, которые снотолкователями раздѣлены на вечерніе, полночные и утренніе, всѣ имѣющіе свою силу и свое значеніе: одни изъ нихъ сбываются скоро, другіе медленно. Сновидѣнія происходятъ ежедневно, но тѣ, которыя бываютъ на святкахъ, считаются важными и имѣющими вліяніе на судьбу человѣка. Дѣвушки загадываютъ на ночь, и рассказываютъ поутру сны свои съ трепетнымъ чувствомъ, боясь, чтобы не объяснили ихъ въ дурную сторону. Вечерніе, или первые засыпальные сны, не всегда сбываются, и потому не считаютъ ихъ такъ важными, какъ полночные, которые рѣшаютъ или предрекаютъ многіе случаи въ жизни. Только снотолкователи и снотолковательницы занимаются изъясненіемъ ихъ. Утренній сонъ сбывается, но не такъ скоро. Думаютъ, что если онъ снится молодой четѣ, на первомъ году ихъ брака, то онъ всегда имѣетъ для нихъ свое значеніе.

Изъясняютъ сны, смотря по людямъ, отношеніямъ и приѣмамъ. Бываютъ строгіе снотолкователи, которые представляютъ себя истинными вѣщателями, и къ таковымъ обращаются и вѣрятъ ихъ толкованіямъ.

Когда дѣвушки поутру вставали, то приходили къ нимъ бабушки и старыя женщины, и спра-

шивали, что имъ снилось. Хорошій сонъ повторялся, на святочныхъ вечерахъ, отъ слова до слова, не только между своими, но и знакомыми. Вотъ разговоръ дѣвушки съ няней:

«Няня, няня! поди сюда.»—А что дитя мое, дитятко ненаглядное? Не сонъ ли перепорхнулъ нерадостной? Не вѣсточка ли горькая? — «Не знаю, голубушка моя няня, а сонъ привидѣлся,» — и раскащица обнявъ няню руками, вѣсла на ея шеѣ. Тяжелыя были вздохи въ ея груди и слезы на глазахъ навертывались. Но няня, не давъ ей плакать, говорила: ну расскажи жъ, моя звѣздочка ясная. — «Вотъ видишь,» продолжала встревоженная дѣвушка, «вечеромъ-то мнѣ малымъ мало спалось; что малымъ мало спалось, но чудно видѣлось. Привидилась мнѣ крута гора, а на той крутой горѣ, бѣлъ горючъ-камень лежитъ, и не движется и не пылаетъ; а на камнѣ выросъ часть ракитовъ кустъ, а на томъ на кустѣ младъ сизъ орелъ сидитъ, и голову склонилъ и крылья опустилъ; пѣрушками перебираетъ и ясными очами на меня поглядаетъ; предъ нимъ вьется въ воздухѣ голубка, а надъ голубкой носится строй ястребъ. Ястребъ-то охъ, няня, страшно!» — Что мое дитятко? не бойся, возговори. — «Ястребъ-то, . . . не скажу, боюсь!» — Знаемо, дитятко, ты напугано; по-

капти жъ свой сонъ.—«Ястребъ точитъ кровь на сыру землю, и я въ крови.... Отъ ужастя я проснулась.» — Ну, чтожъ, сонъ въ руку, сказала няня, и призадумалась.—«Ну, скажи, скажи, няня.»—Я расскажу тебѣ: крута гора, то домъ твой; ракитовъ кустъ, то дѣтушки твои.—«Какъ няня? У меня дѣтей нѣтъ.»—Ну, будутъ, отвѣчала она.—«А какъ же это?»—Эхъ, дитятко неразумное! Богъ пошлетъ.—«Съ неба?»—Вѣстимо.—Сизой орелъ, то твой суженой.—«Какъ же это, няня, Богъ и ему пошлетъ дѣтей? Чьи же будутъ лучше: мой, аль его?»—Всѣ ровныя. Ну дай же покончить: голубка,—ты сама; а кровь-то—радость ваша на свадьбѣ; а ястребъ—злодѣй твой.

Подбѣгала къ нянѣ другая дѣвушка съ предложеніемъ рассказать свой сонъ: «а мой сонъ? Ну рассказать ли? — Сажу я во теремъ, во свѣтлый день; невзначай день нахмурился, почернѣлъ и море синее возмущало. Въ бѣдовый день, не густой туманъ по синю морю опускался, а опускалася люта печаль, на высокій теремъ, на батюшкинъ домъ. Ужъ предъ тѣмъ днемъ, свѣтомъ мѣсяцъ свѣтилъ, не по старому; какъ выглядегъ, такъ опять за черныя тучи закроется. Ужъ привидѣлось, что упала звѣзда поднебесная, что твою свѣча мѣстная соборная! — Что одѣвали меня

чернѣишъ покровомъ, на тѣсовой кровати; на грудь сыпали крупны зерна бурмитскія и скатнымъ жемчугомъ новивали голову; что во всю ночь держали меня въ свѣтлицѣ изъ трехъ досокъ, безъ верхней перекладины; что во всю ночь до бѣла свѣта, каркали вороны черныя, а дятлы долбили желѣзными носами стѣну брусчатую.» — У, какъ страшно! кричали дѣвицы, отскакивали отъ разсвѣтницы, блѣднѣли и прижимались другъ къ другу.—Богъ съ вами! Христосъ съ вами! вопіяла блѣдная няня, и начинала дѣвушекъ крестить; но сама дрожала, трепетала всѣмъ тѣломъ, и едва, стоя на ногахъ, произносила: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его аминь! аминь! аминь!—Плюнувъ на землю три раза, заставляла всѣхъ плевать, по три раза, и креститься. Нечистая сила изыди! антихристъ! дьяволъ! демонъ! лѣшій! изыди, изыди! да проклятъ ты будешь, во вѣки вѣковъ! аминь. — Дѣвушки, въ продолженіе ея проклятій, трепетали: они видѣли уже предъ собою дьявола съ длиннымъ, косматымъ хвостомъ, то съ поднятымъ вверхъ, то съ подобраннымъ подъ себя, какъ у бѣшеной собаки; съ большими рогами, съ козьими ногами: самъ играетъ и самъ пляшетъ, и языкомъ дѣвушекъ дразнить; то киваетъ пальцемъ, и моргаетъ глазомъ чертовскимъ, то перевернется и станетъ

ходить на рогахъ, или завернется, завернется и перевернется въ черную кошку, и прямо нитъ подъ ноги. — Ухъ, ухъ! всѣ кричали, и отъ ужаса падали на землю. Няня чуть жива. На крикъ сбѣгались старыя женщины и бабушки, и окропляли дѣвушекъ крещенской водою. Когда дѣвушки приходили въ себя, ихъ увѣряли, что онѣ здѣсь спали, и пристыждать еще, что барышнямъ не годится спать на землѣ, а слѣдуетъ на лебяжей постелюшкѣ. По успокоеніи дѣвушекъ, приступаетъ уже няня: ты моя розонька розовая! скажи-ка свой сонъ. — «Хорошо, няня, слушай. По великому, по большому озеру, не сѣръ селезень плылъ, то плылъ корабликъ. Той корабликъ изукрашенъ, у того кораблика на носу левъ — звѣрь вырѣзанъ; вмѣсто очей вставлено по дорожному камешку, по бриллиантику; вмѣсто бровей, повито чернымъ соболемъ; вмѣсто уса, торчали два ножа каленные булатные; вмѣсто ушей, развѣвались два горноста; вмѣсто гривы, двѣ лисицы бурластыя, вмѣсто хвоста, двѣ куницы волиныя. А на корабликъ тридцать богатырей, одинъ одного краше, а одинъ изъ нихъ отмѣтной, какъ ясной соколъ между соколами; какъ свѣтелъ мѣсяцъ между звѣздами. Онъ протянулъ ко мнѣ руку, заговорилъ: красная дѣвица—красавица! — Я хотѣла подойти къ де-

му и тутъ проснулась.»—Славный сонъ! закричала отъ радости няня: ты скоро замужъ выйдешь. По тебя ужъ ѣдутъ поѣзжанные, и въ теремѣ у батюшки твоего, ай будетъ снова ликование. Не успѣлъ батюшка сына женить, а ужъ дочь просваталъ.—Свадьба! Свадьба! право, звѣздочка моя утренняя.—«Няня, голубушка моя няня, одна изъ дѣвицъ говоритъ, сказать тебѣ про мой сонъ?»—Говори, сердце мое, ласточка моя, касаточка моя, канареечка моя;—я такъ тебя люблю,—говори про свое счастье, лебедушка моя, пташечка моя.—«Слушай, няня: на малиновомъ кустѣ сизокрылая горлица; во темномъ лѣсу каркають вороны; за лѣсомъ, на крутой горѣ, высокій теремъ; въ томъ теремѣ дѣвица плачетъ, рыдаетъ и крупны слезы полотенчикомъ утираетъ.—Кто-то ей возговорить: не жги свѣчи воску ярого, не жди дорогова; другу сердечному во-вѣкъ къ тебѣ не бывать; твое солнце перекатное, а доля твоя безталанная. А она восплачетъ: куда мнѣ отъ злой бѣды, отъ лютой тоски? Пойду во темны лѣсы, во круты овраги, созову звѣрей, накликаю: охъ, вы лютые звѣри, соберитесь ко мнѣ! вотъ вамъ мое тѣло; вы разстерзайте его на мелкія части; мое тѣло бѣлое, вамъ пища сладкая; разстерзайте его, но оставьте сердце: другъ найдетъ сердце, найдетъ

милъ и дознаеть, какъ любила я его; какъ любила его, и вздохнетъ обо мнѣ, — вздохнетъ и поплачетъ. — На тѣ рѣчи прилетѣла горлица и ласковое слово проворковала: не роняй на бѣлу грудь горячихъ слезъ; не губи красу: милъ твой сердечной воротится; онъ узнаеть, какъ тосковала и полюбитъ больше прежняго. — На тѣ рѣчи налетѣли вороны и закаркали: не грѣть солнцу жарче лѣтняго, не любить твоему другу крѣпче прежняго. — Тутъ буйные вѣтры завывли и съ теремомъ дѣвицу уносили. Прилетѣлъ молодецъ, дѣвицу высвободилъ, во свѣтлую церковку съ нею пошелъ. Смотрю, на головкѣ моей вѣнецъ: я хотѣла поправить его, подняла ручку и проснулась. — Всѣ дѣвушки провозглашали: свадьба! — Вѣстимо свадьба, отвѣчала няня. — Нѣтъ не свадьба, отвѣчала одна изъ дѣвушекъ: церковь и на головѣ вѣнецъ, — это похороны, это смерть. — Нѣкоторые вѣрили, другіе спорили, а рассказывавшая дѣвушка уже плакала. — Ея сонъ зловѣщій, а няня сказала неправду. И начиналась тогда тревога, и стоило великихъ трудовъ увѣрить въ противномъ не только ее, но и всѣхъ тѣхъ, кому сны толковались къ несчастію или къ смерти. Последней боже всего страшились. (*)

* Пересказывать всѣ сновидѣнія лѣтъ возможности нѣто-

«Послушай Ивановна, мой сонъ.» Ну, ну говори, моя ягодка малиновая, Аграфена Феодосѣевна.

«Вотъ видишь, Ивановна. Только что я вздремнула, и уже вижу: взошелъ мѣсяцъ,—да гдѣ же? у батюшки въ терему. Золоты рога глядятъ въ зеленъ садъ, а въ зеленомъ саду цвѣтутъ цвѣты иные, растутъ яблоки наливные, поютъ птички малиновочки. Какъ увидѣла все это, да такъ испугалась, что укрылась подъ подушку.»

Эка ты подруженька! ты бы зачурала, говорилъ дѣвушки.—«Страшно было, дѣвушки! Хочу сказать, языкъ не воротится; хочу встать, ноги подкатываются. Слышу, кто-то душитъ меня подушкою. Встаю, и что же вижу? По саду гуляетъ жаръ-птица! Я въ садъ иду, она на ветрѣчу мнѣ; я отъ ней бѣгу, она за мной летитъ; я къ батюнкѣ во теремъ, она за мной. Вхожу въ покои, а жаръ-птица взлетѣла на мѣсяцъ, сѣла на золотомъ рогѣ и манитъ меня къ себѣ. Не помню, какъ я поднилась къ мѣсяцу, какъ сѣла рядомъ съ жаръ-птицею.»—

му, что онъ безконечны. Въ заключеніе, представляется здѣсь одинъ сонъ, очень мило и простодушно рассказанный г. Сахаровымъ. (См. его сочиненіе: Сказанія Руесскаго народа, компактное изданіе).

Что же дальше? спрашивала бабушка.

«Ничего больше не помню, Ивановна.»—Ты не хватала ли рукой за голову?—«Незнаю.»—

«Мы всѣ видѣли, Ивановна, какъ Аграфена Ѳедосѣевна положила руку подъ голову, и заснула крѣпко.»

То-то и есть, красныя дѣвицы: сами виноваты, что сны забываются.

«Скажи намъ, Ивановна, что значить сонъ Аграфены Ѳедосѣевны?»

Да какой же хорошій сонъ, красныя дѣвицы! Слушайте только: свѣтелъ мѣсяцъ, то батюшка родимой, Ѳедосѣй Ивановичъ; что золоты-то роги у мѣсяца, то дѣтки у Ѳедосѣя Ивановича, Аграфена Ѳедосѣевна да Иванъ Ѳедосѣевичъ; что зеленой-то садъ, чужой дворъ; что въ зеленомъ-то саду цвѣтутъ цвѣтки нныя, то молодые молодушки, почтенныя невѣстушки; что яблочки-то наливныя, то молодые деверьюшки; что поютъ-то птички малиновки, то красныя дѣвушки; что жаръ-птица во зеленомъ саду, то суженой у себя во дворе; что жаръ-птица у Ѳедосѣя Ивановича во терему, то у него зять во пиру; что жаръ-птица сидитъ на золотомъ рогу, а Аграфена Ѳедосѣевна на другомъ, то быть замужемъ.

«А какъ скоро, Ивановна, сбудется сонъ?»—

Ахъ родимыя, мои голубушки! вѣдь сонъ-то не доснился. Вѣстимо скоро, такъ скоро, что не увидимъ, какъ святки пройдутъ; не замѣтимъ, какъ свахи прѣдутъ; не подмѣтимъ, какъ росписки укрѣнятъ; не учуемъ, какъ рубошитъ пробьютъ, за дубовой столъ посадятъ; не взвидимъ, какъ подъ вѣнецъ поставятъ,— а только опомнимся, какъ въ княземъ пиру возвеличатъ. Вотъ какъ скоро!

«Ужъ ты всегда такъ, Ивановна, говоришь. Мой сонъ совсѣмъ не то значить; я тебѣ не вѣрю.» —

Охъ ты, Аграфена Ѳедосѣевна, вѣдь ты у насъ съ весны заневѣстилась; вѣдь суженые-то давно уже заглядывали росписи.

«Что ты, что ты Ивановна! говорила бабушка. Не пускай въ огласку дѣло Ѳедосѣя Ивановича. Можетъ быть, что и разладится.»

Ужъ что знаю, такъ знаю, а приталаннаго никому не открою. У насъ свадьба.

Сободемъ Аграфенушка всѣ лѣсы прошла, крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ бархатомъ; въ путь катила, въ путь катила золотымъ кольцомъ.

Дѣвушки думали о своихъ суженыхъ, и потому каждая изъ нихъ оставалась довольною, если сонъ объясняли въ хорошую сторону. Когда случалось, что онѣ плакали отъ сно-

толкованій; тогда утѣшали ихъ будущимъ счастьемъ,—такова жизнь человѣческая!—«Хорошъ твой сонъ, душка малина», говорила старая няня рыдавшей барышнѣ; «не плачь, на роду твоёмъ написано счастье. Смотри, золотая моя голубушка! какъ солнце взошло красно, такъ все будетъ тебѣ на утѣху, на радость. Много предстоитъ радости, а еще больше будетъ наяву и во снѣ. Сладкое тебѣ житье. Богачества твоего не сосчитать. А все то сонъ, согласіе да любовь, калина—ягодка моя! ни одной дѣвушки не будетъ тебя счастливѣе: красная семья твоя, то утѣха твоя; розовыя ягодки, то дѣвушки твои; къ добру, къ радости твой сонъ.» —

Святочныя сновидѣнія большею частію составляютъ забаву, увеселеніе: имъ вѣрятъ и не вѣрятъ. Но тѣ сновидѣнія, которыя изъясняются ежедневно, еще болѣе обманываютъ легковѣрныхъ, ведутъ къ новымъ заблужденіямъ и дѣлаютъ ихъ суевѣрными, смѣшными и жалкими въ глазахъ здравомыслящихъ.

Такъ въ старые годы проводили дѣвушки святочные вечера! Ссорились и мирились въ тотъ же часъ; нянюшки подслушивали и разносили вѣсти съ своими дополненіями; хвалили дѣвицъ предъ сужеными, а суженыхъ предъ дѣвицами.

Когда дѣвицы нагостились, тогда прѣзжали за ними матушки, и уѣзжали съ ними домой, или на новые вечера. Все время Рождественскихъ праздниковъ не замѣтно протекало въ невинныхъ удовольствіяхъ. — Если мать узнавала, что ея дочь не хорошо принята подругами, или обижена въ предпочтеніи; то она немедленно прѣзжала за нею, отвозила домой, подъ предлогомъ, что по ней взгорюнился батюшка, встосковались братцы, и она сама видѣла недобрые сны. Ея прѣздъ понимали, но притворялись растающимися съ горестью, отпускали нехотя, но отъѣзду были рады и потомъ судили о гостяхъ по своему, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ.

Преданія нашего народа о тайныхъ дѣйствіяхъ природы, пережили многія историческія событія. Были особыя сословія, которыя посвящали себя познанію непостижимыхъ вещей, обыкновенныхъ въ самомъ дѣлѣ. Предки наши боялись таковыхъ людей, думая и вѣря, что они имѣютъ сношенія съ невидимыми духами; что они живутъ съ ними въ дружбѣ, и послѣ своей смерти отдаютъ душу чертямъ, за подписаніемъ условія своею кровію, чтобы получить отъ нихъ черную книгу (магію), въ коей дьявольскими буквами были написаны тайны, заговоры, чары и предреканія о буду-

*Переходъ
отъ върова-
ній къ гада-
ніямъ.*

щемъ. Народъ ненавидѣлъ и страшился черно-
кижжиковъ, но въ нуждѣ прибѣгалъ къ нимъ.

Чародѣи, волшебники, колдуны, гадалыщи-
ки, вѣдьмы, вѣщуны, волхвы, астрологи, ча-
ровники, обаятели и морочители знали черно-
кижжіе. Но все это, есть ли произведение во-
ображенія русскаго народа, или перенесено къ
намъ изъ другихъ странъ? отвѣчать не труд-
но. Индія, колыбель чудовищныхъ вымы-
словъ, облакала ихъ въ таинственныя предзна-
менованія, которыя производили чудеса меж-
ду грубымъ народомъ; пылкіе и хитрые жре-
цы направляли мысли къ слѣвному вѣрованію,
управляли людьми и царствами!—Явились тол-
пы поклонниковъ всего таинственнаго, и по-
томъ образовались общества чернокижжиковъ,
или маговъ, къ коимъ благоговѣли самые влас-
тители народовъ. Все вопрошало маговъ, и ихъ
толкованія принимали за гласъ боговъ.

Египтяне, малоазійскіе Греки, Вавилоняне,
древніе Мидяне, ведя торговыя сношенія съ
Индіею, перенесли въ свое отечество сокро-
венныя знанія, которыя нашли между ними не
только вѣрователей, но еще ревностныхъ рас-
пространителей. Отсюда быстро разлились по-
вѣрья и чудеса по Персіи, европейской Греціи и
Римскимъ владѣніямъ. Въ Персіи утверждались
восточныя вѣрованія магами, а въ Греціи и

Римъ жрецами. Европа ознакомилась съ мыслями древняго міра еще до паденія Греціи и Рима; но она пересоздала ихъ по своему времени, оставивъ потомству разгадывать темные и глубокомысленные мѣны Индіи, коихъ основная идея была: твореніе міра и жизнь. Образованная Греція заставила своихъ мудрецовъ и философовъ доискиваться начала міро-зданія. Многіе изъ нихъ, бывъ проникнуты чистымъ свѣтомъ наукъ, понимали таинственную природу, какъ созданіе невидимаго духа, вездѣ и повсюду парящаго и творящаго; но тѣ, разумѣнію коихъ тайны натуры были недоступны, остались при однихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Отсюда проистекло вѣрованіе въ то, чего народъ не понималъ и міръ увидѣлъ созданіе новыхъ понятій о самомъ себѣ, его жизни, назначеніи, и наконецъ, гаданія и предсказанія слились съ хаосомъ заблужденій и суевѣрій. Такъ Европа приняла въ свои нѣдра весь запасъ тысящелѣтнихъ догадокъ и мнѣевъ. Наши предки, Славяне, скитаясь по Европѣ, въ вѣка необразованные и суевѣрные, позаимствовали многое отъ германскихъ народовъ; потомъ, когда получили осязлую жизнь, привили ихъ понятія къ своимъ обычаямъ. — Вѣрованія и знанія, которыя существовали въ Греціи и Римѣ, подъ назва-

нѣмъ: *авгуровъ*, птицагадателей, *агромантѣи*, гаданіе по состоянію воздуха, *астрологовъ*, по теченію планетъ и созвѣздіи, *антрологомантѣи*, по внутреннимъ частямъ тѣла, *тороскепы*, по жертвамъ животныхъ, *гидромантѣи*, по движенію и цвѣту воды, *иктѣи*, признаваніе духовъ и вызываніе тѣней умершихъ изъ гробовъ, *дактиломантѣи*, узнаніе враговъ, *кабалистики*, значеніе таинственныхъ словъ, *капномантѣи*, по жертвенному дыму, *катопtromантѣи*, по зеркалу, *керомантѣи*, по воску, *клеромантѣи*, по шарикамъ, *икюмантѣи*, водою, *ливаномантѣи*, по куренію душистыхъ веществъ, *метеоромантѣи*, по воздушнымъ явленіямъ, грому и молніи, *ластѣгоми*, по изъясненію признаковъ, *міомантѣи*, по крику и прожорству мышей и крысъ, *некромантѣи*, вызываніе духовъ изъ заколдованныхъ тѣлъ, *онихомантѣи*, по ногтямъ, *роскопѣи*, гаданіе на яйцѣ, (беременныхъ женщинъ: кого она родитъ), *прогностикомантѣи*, изъясненіе по примѣтамъ, *психомантѣи*, вызываніе умершихъ, *тератормантѣи*, по рожденію уродливыхъ животныхъ, *тефраномантѣи*, по золу, *энтотромантѣи*, по зеркалу, — всѣ эти гаданія и суевѣрія, перешли къ намъ и перешлись съ предрасудками. Простой народъ, и даже посвященные въ таинства чернокнижныя,

не имѣя свѣдѣній о греческихъ и римскихъ жертвенныхъ обрядахъ, дѣйствовали по своимъ правиламъ, примѣняли ихъ къ своимъ гаданіямъ и обманамъ, и съ особеннымъ раченіемъ изучали чернокнижіе, которое было верховъ человѣческихъ познаній и чудесъ. Русскій народъ, веселый и страстный къ забавамъ, присоединилъ къ своимъ празднествамъ предразсудки и гаданія, и мало по малу они вошли въ кругъ святочныхъ вечеровъ, гдѣ образовался отдѣльный міръ толковъ, предзнаменованій и вѣрованій.

Въ язычествѣ всякое гаданіе тѣсно соединялось съ богослужебными и гражданскими дѣлами. Тамъ ничего не начинали не посоветовавшись съ предсказателями. Съ распространеніемъ Христіанства, гаданіе упало; нынѣ же оно употребляется благоразумными людьми только для препровожденія времени и разнообразія увеселеній. Для суевѣрныхъ оно и теперь составляетъ вопрошеніе судьбы.

Наша святочная гаданія, со всѣми своими забавами, оживотворяютъ прошедшую жизнь, гражданскій и семейный бытъ, который переданъ намъ въ вѣкоторыхъ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Въ-старину всѣ сословія участвовали въ рождественскихъ гаданіяхъ — отъ великокняже-

★

скаго дворца, до убогой хижины земледѣльца. Царевны встрѣчали святочные вечера въ своихъ теремахъ съ верховыми и сѣнными дѣвушками. Не одно было ихъ желаніе повеселиться непринужденно, но и страсть погадать о будущей судьбѣ. Это чувство, врожденное каждому человѣку, еще сильнѣе привязывало пламенныхъ воздыхателей къ гаданіямъ.

*Значеніе
слова гада-
нія.*

Нѣкоторые думаютъ, что гаданіе произошло отъ еврейскаго слова *гадъ*, счастье, имѣющее одинаковый смыслъ съ *Demonionъ*, богинею счастья и гаданія у Грековъ.

Донинѣ въ простонародномъ разговорѣ *гадать*, означаетъ думать; на польскомъ *гадаць* (*gadać*), говорить на-обумъ, неосновательно; по богемски *гадамъ* (*hádam*) предсказывать, догадываться; *гадаць* (*hadac*) вѣщатель; всѣ эти слова соотвѣтствуютъ русскому гадательному глаголу—гадать и его смыслу. И гаданіе отнюдь не произошло отъ *гадъ*.

*Происхо-
жденіе пе-
реряжиа -
нія.*

Святочные игры развивались въ нашемъ отечествѣ, по мѣрѣ сближенія его съ Европою, которая сама много заимствовала ихъ отъ азійскихъ народовъ. Восточные народы, особенно малоазійскіе Греки, любили проводить многіе дни въ борьбѣ, танцахъ, скачкѣ и переодѣваніи. Европейскіе Греки, а за ними Римляне, усвоивая иноземные обычаи согласно съ

потребностію вѣка, учредили праздничные дни для самыхъ забавъ. Олимпійскія игры и римскія забавы въ циркахъ, составили со временемъ необходимую принадлежность жизни народной. Вакханаліи, перенесенныя изъ Индіи, разпространились по всей Греціи, а въ Римѣ превратились онѣ въ безчинство и продолжались по нѣскольку дней сряду. Переряживанія, бѣганье, пѣсни и пляски подъ музыку, на улицахъ и въ домахъ, днемъ и ночью, производили безпорядки и несчастныя слѣдствія для жителей: родилась чрезмѣрная страсть къ шумнымъ удовольствіямъ, расточительность и повсемѣстная порча нравственности. Изнѣженные Греки и Римлянинъ сохнули отъ скуки, когда запрещали имъ наслаждаться, или такъ сказать, жить среди обрядныхъ забавъ. Въ Римѣ всѣ умы были настроены къ умноженію и изобрѣтенію постоянно новыхъ удовольствій. Воины ратовали съ врагами и гремѣли славными подвигами, а народъ смотрѣлъ на гладіаторскія битвы, рукоплескалъ не великимъ людямъ, но бойцамъ; увеселялся зрѣлищами и становился безчувственнымъ къ геніальнымъ произведеніямъ творчества. Словомъ, народъ дышалъ однѣми забавами.

Народы, разгромившіе западную имперію во второй половинѣ V вѣка по Рождествѣ

Христовомъ, не могли не заразиться сами утонченной роскошью: стали носить блестящія одежды, пировать и проводить ночи въ наслажденіяхъ. Побѣжденные совратили съ прямого пути своихъ побѣдителей. — Готы охотнѣе всѣхъ предавались наслажденіямъ: они, по вторженіи ихъ въ Восточную Имперію, внесли туда свои забавы, которыя прославились *готскими играми*. Мы знаемъ уже, что онѣ увеселяли константинопольскій дворъ въ рождественскіе дни: наряженные и шуты (*сеигга*) одѣвались въ вывороченныя на изнанку платья, и покрывали свои лица разрисованными масками; плясали и пѣли подь музыку; скакали, вертѣлись, представляли смѣшныя явленія, и сколько можно, уродливыя.

Восточные Греки весьма полюбили эти готскія забавы и усвоили ихъ съ своею жизнью. Наши Славяне, которые долгое время имѣли непосредственное сношеніе съ Царьградомъ, могли перенести оттуда потѣшныя увеселенія въ свое отечество и совершать ихъ на сяткахъ и на масланицѣ.

Лѣтописи наши называютъ переряживанія: *скуратами* (скурать, отъ латинскаго слова *seugga*, что значитъ шутъ), *лудами* (отъ латинскаго слова *ludex*, — одѣтые въ дурацкое платье), *окружниками* (кружащіеся), *скоморо-*

тѣми (тоже что *зсигга*), и *личинками* (замаскированными); въ Малороссіи они именовались *мачкарями* (замаскированные шуты).

Названіе маски встрѣчается у насъ давно. Еще въ XII вѣкѣ Архіепископъ Лука, пресѣдая многія языческія обыкновенія, воспрещаетъ *москолюдство имѣти* (носить маски). Во Франціи простой народъ вѣрилъ, что маски суть покрывало дьяволовъ. Такъ и у насъ нѣкоторые изъ простолюдиновъ думаютъ.

Въ прежнія времена маскированные корчиды изъ себя демоновъ и страшилищъ, наряжались волками, лисцами, быками и т. п. Женщины переряживались въ мужскія, а мужчины въ женскія платья; бѣгали по городу съ зажженными факелами, били въ бубны, кричали и ревели голосами разныхъ животныхъ. Въ средніе вѣки думали, что въ продолженіе 8 дней послѣ Рождества Христова, черти скитаются на землѣ переряженными, хватаютъ проходящихъ, бѣгаютъ и скачутъ съ ними по улицамъ, и потомъ уносятъ ихъ съ собою въ адъ. Нашъ простой народъ донынѣ думаетъ, что со дня Р. Х. до Богоявленія, посѣщаютъ ихъ дома дьяволы, подъ образомъ *оберотней*, *сулкулакъ*, *букъ*, и хватаютъ маленькихъ дѣтей. Отъ этого вошло въ обыкновение пугать ребятъ, когда они за-

плачутъ: *бука тебѣ състь, не плачь!* Есть еще мнѣніе, кто во время святокъ наряжался чортомъ, особенно если кто надѣвалъ на себя рожу (маску), тотъ страшный грѣшникъ, и грѣхъ не иначе можетъ быть смытъ, какъ только рѣшностью окунуться три раза въ крещенской проруби.

Утонченное искусство переряживанія и маскированія принадлежитъ Италіянцамъ. Гранацци, воспитанникъ Микель Анджело, первый улучшилъ это (въ XVI в.).

Всѣ наши святочные увеселенія и забавы не подвергаются нынѣ ни гоненію, ни отлученію отъ Церкви. Языческій міръ, вполне наслаждавшійся удовольствіями жизни, ничего не видѣлъ въ нихъ противнаго ни своему вѣку, ни просвѣщенію; но ложныя понятія объ этихъ удовольствіяхъ были причиною, что въ жизнь народовъ вкоренилось множество суевѣрныхъ обрядовъ. Гаданія, предсказанія, исцѣленіе недуговъ травами, игры, пляски и маскированія представлялись въ глазахъ простолюдиновъ дѣйствіемъ чародѣйства, и потому вводили ихъ въ заблужденіе. Просвѣщенное правительство прибѣгало къ запрещенію и строго наказывало обманщиковъ. Христіанская церковь, чуждаясь языческихъ нововведеній, стремилась искоренить ихъ духовными поста-

новленіями: она желала, чтобы истинная Вѣра пребывала чистою, безъ примѣси суевѣрій. Церковь издавала по сему предмету назидательныя поученія и правила, и увѣщевала Христіянъ, чтобы они не слѣдовали богопротивнымъ забавамъ, хотя въ самой сущности онѣ ничего не заключали въ себѣ богопротивнаго; на непокорныхъ налагала эпитемію, или не допускала къ св. причастію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (*).

Суевѣрныя понятія еще долго потемняли здоровое сужденіе. Въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ не только между простымъ народомъ, но среди самаго духовенства многіе закоренѣлыя предразсудки. Просвѣщенные правители ревностно уничтожали языческіе и невѣже-

*Определе-
ніе Ст о-
глава: объ
искорененіи
богопроти-
вныхъ и без-
нравствен-
ныхъ обык-
новеній.*

(*) Вотъ выписка изъ Номоканона (см. Требникъ, Кіевск. изд. 1817 г.), который имѣлъ силу не только въ церковныхъ, но и гражданскихъ дѣлахъ, воспрещая даже незныныя забавы и увеселенія. *О литіи воскомъ.* Восколей и оловолей не допускались къ причастію 20 л.

О гаданіи. Гадавшіе съ цыганками надъ больными не допускались къ причастію 5 лѣтъ; гадавшіе ачмеземъ, или на бобахъ, 6 лѣтъ.

О забавахъ. Предававшіеся танцамъ на свадьбахъ или надѣвавшіе на себя въ какихъ нибудь собраніяхъ *налички* (маску), или наряжавшіеся мушны въ женскую одежду, а женщины въ мужскую, подвергались: міряне отлученію отъ Церкви, а духовные лишенію священническаго сана. Запрещалось еще строго, всѣмъ Православнымъ присутствовать при конскихъ рваніяхъ во время Пасхи. Кто пировалъ на праздникѣ *варварскомъ* (иноземномъ), тотъ лишался причастія 2 года; духовные же лишались сана.

святые обряды, возлагая на священство обязанность смягчать грубые нравы. Но такъ слабо было умственное развитіе даже между духовенствомъ, то видно изъ соборнаго опредѣленія Стоглава (бывшаго въ 1551 г. февраля 25), коего первымъ дѣломъ было: заведеніе училищъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, — учрежденіе тѣмъ важное, что многіе священники тогда не умѣли читать, и вытверживали церковную службу наизусть. Архіепископъ Новгородскій Геннадій, жалуюсь Митрополиту Слмону на состояніе духовныхъ (въ 1500 г.) въ своей пастырѣ, такъ пишетъ: «приведуть ко мнѣ мужика, и язь велю дати чести Апостолъ, и онъ не умѣетъ ступити. — И язь велю азбуку учити, и онъ поучится мало, да просится прочь. А моей силы нѣтъ, что ихъ неучивъ, мнѣ ставити.» — Для обузданія суетвѣрія и пустосвятства, запрещалось строить церкви безъ всякой нужды, а бродягамъ ке-

Объ украшеніи. Всему духовенству возбранялось украшать себя разноцвѣтными одеждами, а свѣтскимъ ходить въ нарядномъ платьѣ, стригъ бороду, напыриваться духами, или помадаться (ушаряти); женскому полу не дозволялось заплетать волосы. Не повиновавшихся отлучали отъ церкви.

О постѣ въ среду и пятницу. Не постигшіеся въ среду и пятницу, лишались причастія до раскаянія.

О врачѣ изъ Евреевъ. Если кто въ болѣзни призываетъ на помощь врача изъ Евреевъ, то духовный лишается сана, а мирянинъ отлучается отъ церкви.

дѣй въ дѣсахъ и пустыняхъ; запрещалось монастырямъ покупать отчины, безъ вѣдома и согласія Царскаго, чтобы монашество не жило ко вреду общества и своей нравственности (*). Эти благія мѣры не производили желаемого дѣйствія. Что же слѣдовало предпринять для обузданія суевѣрія и безнравственныхъ обыкновений?—Не будемъ такъ строги къ нашимъ предкамъ. Политическія обстоятельства, отдѣливъ ихъ отъ Европы на многія столѣтія, были главнѣйшею причиною ихъ невѣжества. Если переряжѣванія преслѣдовались гражданскими и церковными постановленіями, то это происходило единственно отъ того, что первосвященники и образованные сановники хорошо знали господствующія понятія въ народѣ; имъ извѣстно было, что въ самыхъ невинныхъ забавахъ люди непросвѣщенные видѣли колдовство и чародѣйство: отъ нихъ-то и возникали заблужденія и суевѣрные обряды, которые совершались въ торжественные праздники. — На канунъ Р. Х., Василія Великаго, Богоявленія и Св. Іоанна, мушкетеры и женщины сходились ночью, пѣли, играли и плясали. Въ троицкую субботу плакали, вопили и глаумили на кладбищахъ, прыгали, били въ ладоши и пѣли *сатанинскія* пѣсни. Въ утро великаго четверга жгли со-

(*) Кар. И. Г. Р. т. VIII. с. 140, примѣч. 208.

тому и кликали мертвыхъ, а священники клали у престола соль, и лѣчили ею недужныхъ; живые пророки бѣгали изъ села въ село,—нагіе, босые, съ распущенными волосами, тряслись, падали на землю и баснословили о небесныхъ видѣніяхъ; скоморохи шатались по деревнямъ; мушны и женщины мылись, по какому-то обряду, въ однѣхъ баняхъ, и что всего мерзостиѣе, впадали въ содомскій грѣхъ (*). Самые святители часто волновали умы и совѣсть простодушныхъ людей. Между многими принѣрами: епископъ Ростовскій Леонъ утверждалъ (въ 1164 г.), что ни въ какіе Господскіе праздники, если они приходятся въ среду или пятницу, не должно ѣсть мяса, (**) между тѣмъ какъ Р. Х. и другіе подвижные праздники приходились въ эти дни.

*Окрут-
ки и опи-
чники.*

Изъ наряжавшихся, по наибольшимъ безчинствамъ, извѣстны Новгородскіе окрутники. На святочныхъ вечерахъ и на масленицѣ нарушали они всякое благочиніе и приличіе: буйство и чувственное наслажденіе увлекали ихъ такъ далеко, что они образовали даже еретическія секты. Жидъ Схарія, умомъ хитрый и языкомъ обольстительный, выѣхавшій изъ Кіева (въ 1470 г.) въ Новгородъ, произвелъ тамъ ересь: онъ плѣ-

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 463.

(**) Кар. И. Г. Р. т. III. с. 34.

нилъ простодушныхъ каббалою, въ коей самыя ученые люди XV вѣка искали разрѣшенія важнѣйшихъ задачъ для ума. Каббалисты хвалились книгою, полученною будто-бы Адамомъ отъ Бога, Соломоновой мудростію, изъясненіемъ сновидѣній, угадываніемъ будущаго, силою повелѣвать духами и знаніемъ всѣхъ тайнъ природы. Новгородскіе еретики, отвергая святыню Христіанства, соблюдали строгое постничество и казались ревностными исполнителями благочестія. Архіепископъ Новгородскій Геннадій открылъ этотъ расколъ, въ который вовлечено было много людей изъ духовнаго званія, и Княгиня Елена, невѣстка Іоанна Великаго, съ большимъ числомъ придворныхъ. Геннадій, приславъ Государю и Митрополиту на судъ дѣло, вмѣстѣ съ виновными, доносилъ (1490 г.), что эти отступники злословятъ Христа и Божию Матерь; плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, грызутъ ихъ зубами, бросаютъ въ нечистыя мѣста, не вѣрують ни царству небесному, ни воскресенію мертвыхъ. Судя по тогдашней суровости вѣка и важности разврата, поступлено съ отступниками весьма человѣколюбиво, что дѣлаетъ честь уму Іоанна Великаго. Нѣкоторыхъ осудили на заточеніе, а другихъ отправили въ Новгородъ: здѣсь посадили ихъ на коней лицомъ къ хвосту, въ выворо-

чуждой одеждѣ, подражая округлившимся шарамъ, съ высокими берестовыми шлемами, съ мочальными кистями, соломеннымъ венцомъ и съ надписью на немъ: *се есть сатанино общество!* и въ этомъ округлическомъ нарядѣ вошли ихъ изъ улицы въ улицу. Народъ пелъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!*—Въ заключеніе сожгли у нихъ на головахъ шлемы, и предали проклятію (*).

Надѣваніе личинъ и переряживаніе составляли собственный предметъ святочныхъ увеселеній, которыя Царемъ Іоанномъ IV часто превращались въ страшныя зрѣлища. Законодатель великаго дѣла — Стоглава, ѣздивъ по Москвѣ съ своими опричниками въ скomorошнихъ, шутовскихъ и чудовищныхъ нарядахъ. Собачьи головы и метлы были приназаны къ седламъ, въ ознаменованіе того, что грызутъ Царскихъ лиходѣевъ и метутъ Россію. — Болгаринъ Ки. Михаилъ Решинъ, вѣдъ Царя, упоеннаго во дворцѣ крѣпкими медомъ и пляшущаго съ своими любимцами въ личинахъ, заплакалъ отъ торести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску, но Решинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами, и сказалъ: Государи ли быть скomorохомъ? — Царь велѣлъ умертвить его, когда онъ молился въ церкви! Со-

(*) Кар. Н. Г. Р. т. VI. с. 484—489.

временники передали намъ, съ жестокой укоризною, о многихъ безславныхъ поступкахъ Іоанна Грознаго. Однажды въ воскресенье (1568 г.), въ часъ Божественной службы, Іоаннъ, сопровождаемый опричниками, вошелъ въ соборную церковь Успенія: онъ и вся его дружина были въ черныхъ ризахъ, съ высокими шлыками. Митроп. Филиппъ стоялъ въ храмѣ на своемъ мѣстѣ. Государь подошелъ къ нему и ждалъ благословенія; но Святитель обратилъ свои взоры на образъ Спасителя и молился мысленно. Наконецъ, одинъ изъ опричниковъ сказалъ: «Святый Владыко! се Государь, благослови его.» Филиппъ отвѣчалъ: «я не узнаю Царя православнаго въ семъ странномъ видѣ; не узнаю его и въ дѣлахъ Царства. Грабежи и убійства совершаются Царскимъ именемъ. Есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ.»—Государь затрепеталъ отъ гнѣва и вышелъ съ угрозою. — Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и скомородами, коихъ присылали къ нему изъ Новгорода и другихъ областей, вмѣстѣ съ медвѣдьми. Въ одно время опричники вломались въ дома многихъ знатныхъ людей, выбрали нѣкоторыхъ красотою женъ, увезли изъ города и представили Царю: онъ избралъ нѣкоторыхъ для се-

ба, прочихъ уступилъ своимъ любимцамъ, и ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, въ безобразныхъ переряживаніяхъ: жегъ усадьбы опальныхъ бояръ, даже истреблялъ скоть, и при обыкновенныхъ восклицаніяхъ своей дружины: *гойда! гойда!* возвращался въ Москву, повелѣвъ ночью развестъ женъ по домамъ: нѣкоторые изъ нихъ умерли отъ стыда. »

Отдадимъ справедливость Іоанну: во вѣншей политикѣ онъ неуклонно слѣдовалъ великимъ предначертаніямъ своего дѣда, Іоанна III; любилъ правду въ судахъ, каралъ сановниковъ-утѣснителей, тѣлесно и стыдомъ. Нарядивъ ихъ въ великолѣпную одежду, сажалъ на колесницу и приказывалъ живодемамъ возить изъ улицы въ улицу.— Не терпѣлъ пьянства; дозволялось народу веселиться въ кабакахъ только въ Рождество Христово и на Святой недѣлѣ,—во всякое другое время отсылали пьяныхъ въ тюрьму (*).

Въ Новгородѣ переряженные донныя называются *окрутниками*. Со втораго дня Р. Х. до Крещенія они ходитъ въ тѣ дома, гдѣ увидятъ на окнахъ свѣчи; тѣшатъ хозяевъ плясками и шутовскими представленіями. Въ Тихвинѣ округники называются *кудесни-*

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 22, 87, 403, 406, 465, 467 и 441.

ками, куликами и щеголями. Тамъ украшаютъ разноцвѣтными знаменами лодку, кладутъ ее на нѣсколько саней и возятъ множествомъ запряженныхъ лошадей по улицамъ; на лошадяхъ и въ лодкѣ, въ разнообразныхъ одеждахъ и личинахъ сидятъ окрутники: они поютъ и играютъ; народъ провожаетъ ихъ; богатые угощаютъ окрутниковъ виномъ и кушаньемъ.

Многіе святители смотрѣли на простодушныя святочные увеселенія какъ на скверныя и *Переря-
живаніе.* бѣсовскія воплощенія, и потому строго запрещали ихъ. Патріархъ Іоакимъ, воспрещая переряживаніе и личины, такъ описываетъ ихъ (въ 1684 г.): «въ навечеріи Р. Х. совершаются *скверная и бѣсовская дѣйства*. Мушны и дѣвушки ходятъ толпами по улицамъ и поютъ бѣсовскія нѣсни (вѣроятно колядскія), произносятъ сквернословіе, пляшутъ для возбужденія *блудныхъ нечистотъ* и прочихъ грѣхопаденій.» Далѣе говоритъ онъ: «переобразовываются *въ неподобныя отъ Бога созданія* и измѣняютъ человѣческій образъ. Надѣваютъ личины кумирскія, бѣсовскія, косматыя, и одѣтые въ бѣсовскія одежды, скажутъ и пляшутъ. Тѣже самыя *бѣсовскія игрища и позорища* происходятъ съ Р. Х. до Крещенія Господа нашего, 12 дней.» Патріархъ Адріанъ еще далѣе простеръ свой гнѣвъ. Онъ, слѣдуя Кормчей, чтобы Христіа-

намъ не вдаваться въ игры и не ходить на позорища, запретилъ (1697 г.) хоронить на кладбищахъ тѣхъ, которые во время игры утонутъ, или убьются съ качели. Въ мое еще время жители уѣздныхъ городовъ имѣли великое отвращеніе ко всѣмъ тѣмъ, которые представляли на площадяхъ свое искусство, или играли на театрѣ. Ихъ считали погибшими на томъ свѣтѣ, думали, что чортъ давно взялъ ихъ душу, какъ равно и тѣхъ, кои проводили всю ночь въ танцахъ, — въ томъ предубѣжденіи, что по-полуночи веселятся одни черти. Въ недавнее только время духовенство перестало считать актеровъ недостойными наслѣдованія Царствія Небеснаго. Кто не знаетъ, что были случаи, когда священники отказывались давать актерамъ причастіе и хоронить ихъ?

Петръ Великій смѣло искоренялъ суевѣрныя запрещенія. Насмѣхаясь надъ нѣкоторыми закоренѣлыми обыкновеніями, онъ самъ наряжался на святкахъ, славилъ Христа, или представлялъ, въ переряживаніи своихъ любимцевъ, недостатки и пороки вельможъ и святителей. Въ Царствованіе Императрицы Анны, народныя забавы преслѣдовались Бирономъ, который вводилъ все нѣмецкое, и самый тронъ хотѣлъ окружить своими клеветами. Народъ и даже высшее сословіе до такой степени

были имъ унижены, что тотъ, кто думалъ по-русски, считался почти преступникомъ. Примѣромъ тому—ревностный защитникъ народности, казненный Волынской. По волѣ Бирона Сибирь наполнялась постоянно несчастными Русскими, и никто не могъ бороться съ сильнымъ временщикомъ. Современники проклинали его, и въ потомствѣ онъ наслѣдовалъ одно проклятіе. Время господствованія злодѣя обратилось въ укоризненное прозваніе *Бироновицны*. Заточеніе его въ Березовъ спасло отечество наше отъ униженія предъ нами самими.

Императрица Елизавета возобновила святочные забавы, и народъ увидѣлъ себя въ своихъ увеселеніяхъ: родились потѣшныя праздники, появились наряженные, и все прошедшее забыто! Народъ русскій незлопамятенъ. Екатерина Великая любила переодѣваться въ русскія одежды и веселиться на святкахъ по-русски: при дворѣ, въ ея присутствіи, лили воскъ, играли—«золото хороню», и т. п. Придворныя дамы и кавалеры принимали въ нихъ живое участіе.

Переряживанія и наряжанія, какъ прежде совершались, такъ и нынѣ совершаются вечеромъ. Одежды нашихъ наряженныхъ произвольныя, изысканныя, роскошныя. Нѣкоторые надѣваютъ платья, разумѣется въ

Петербургъ, съ расточительной пышностію. Случилось однажды видѣть богача-щеголя, въ бархатномъ длинномъ доломанѣ (въ видѣ плаща), который былъ унизанъ жемчугомъ и бриліантами; голова его была обвѣта бѣлой кошемирской шалью съ разноцвѣтными каменьями; туѣли испещрены золотыми блестками; поясъ ослаблялъ сіяніемъ, отъ множества драгоценныхъ каменьевъ: щеголь представлялъ Персидскаго Шаха. Нигдѣ нѣтъ такой изысканной пышности въ перераживаніи, какъ въ здѣшней столицѣ. Дворъ, дипломатическій корпусъ и множество богачей соревнуютъ другъ предъ другомъ въ изобрѣтеніи изящнаго и фантастическаго. Но во всемъ прекрасномъ и обворожительномъ надобно отдать преимущество нѣжному полу. Нельзя смотрѣть безъ очарованія на нихъ и на ихъ одежды полувоздушныя и увлекательно-поэтическія, особенно же, когда красавицы являются въ русскомъ нарядѣ.

Небогатые или недостаточные наряжаются каждый по своему состоянію, не стѣсняя себя выборомъ нарядовъ. Безобразныхъ, уродливыхъ нарядовъ не видно; окрутическія одежды давно исчезли. Въ прочихъ городахъ Россіи одѣваются и понынѣ въ шутовскія и уродливыя платья. Тамъ, по недостатку въ святоч-

ныхъ уборахъ, личинахъ (маскахъ), шьютъ уборы сами для себя, по своимъ выдумкамъ; лицо окрашиваютъ вохрою или другою краскою, или сажею, а усы и бороду начерчиваютъ углемъ, и т. п.

Бѣганье, пляска и пѣніе подъ музыку ночью вышло изъ обыкновенія. Если нынѣшніе наряженные ходятъ по улицамъ ночью, то скромно, тихо, безъ шума и безъ нарушенія благопристойности. Кромѣшное буйство опричниковъ и бѣснованіе окрутниковъ давно забыты, и остались въ одиѣхъ лѣтописаніяхъ, какъ воспоминанія о страстяхъ прошлаго времени.

II. МАСЛЯНИЦА.

У всѣхъ жителей на востокѣ были одна- *Разгульные*
жды въ году разгульные дни, въ которые уго- *дш, общіе*
щали другъ друга кушаньемъ, ходили замаски- *стыя наро-*
рованными по улицамъ и домамъ, пѣли и тан- *даи.*
цовали подъ звукъ литавровъ и бубенъ. У Римлянъ и Грековъ эти забавы обращены были въ сатурналіи и вакханаліи; но послѣднія нарушали благопристойность и распространяли повсемѣстный развратъ. Многія консульскія и императорскія постановленія немогли пре-

кратить вкоренившагося зла; одно время, и это время было паденіе Западной Имперіи, которое изгладило безнравственныя удовольствія народа. Готы, позаимствовавъ многое отъ Римлянъ, переобразовали вакханальскія потѣхи въ переряживанія. Съ происхожденіемъ новыхъ государствъ, образовались другія понятія и правительства, новый образъ жизни и забавъ. Католическое духовенство, истребляя все, что было противно его духу, нещади даже левинныя языческія празднества, оставившіяся еще въ народѣ, учредило, такъ сказать, прощальное увеселеніе, за нѣсколько дней до великаго поста, которое извѣстно подъ именемъ *Карнавала*. Онъ начинается отъ праздника трехъ королей и продолжается до пепельной среды. (*)

Карнавалъ. У Нѣмцевъ карнавалъ называется *Faschna*, *Faschingen* и *Faschnacht*. У нихъ первый понедѣльникъ масленицы назывался еще *голубой понедѣльникомъ* (*blauer Montag*). — Онъ сопровождался разными жирными кушаньями; пекли *крендели* (*tringele*) на маслѣ и яйцахъ, замѣнявшіе наши блины; пили и забавлялись маскированіемъ и

(*) Пепельную среду установилъ Папа Григорій В. около 600 г.; съ нея начинается постъ, канунъ же этого дня, у Католиковъ, есть *заговинны*.

нереряживаніємъ; качались на качеляхъ.—Нынѣ русскіе кѣицы употребляютъ наши блины, во время нашей масляницы, а на свою, во вторникъ нашего поста готовятъ вафли, катаются на саяхъ, и цѣлый день предаются забавамъ и напиткамъ. — Ихъ примѣру слѣдуютъ почти всѣ иностранцы, живущіе въ Россіи. Однако всѣ они въ одно время съ нами празднуютъ Рождество Христово, Свѣтлое Воскресенье и другіе праздники, и веселятся на масляницѣ вдвойнѣ—въ нашу и свою.

Между славянскими племенами масляница *Названіе* называется различно: у Словаковъ *fasanek*, *масляницы*, у Богемцевъ *masopüst*, *masopüstny*, у Поляковъ *zarust* и *mięsopust*, у Сербовъ *била недѣля*; у Русскихъ называется мясопустомъ, мясопустною недѣлю, сырною недѣлю, и масляницею.—Всѣ эти названія означаютъ одно и то же. По причинѣ воздержанія отъ мяса, произошло названіе—мясопуста; отъ употребленія сыра,—сырной недѣли; отъ повсемѣстнаго употребленія масла,—масляницы, которая продолжается цѣлую недѣлю, предъ великимъ постомъ. (*) Въ нашихъ святцахъ и церковныхъ

(*) Въ недѣлю мясопустную воспоминается, по утверженію Св. отцевъ, время страшнаго суда; въ субботу совершается поминованіе о просіявшихъ въ пощеніи святыхъ; въ воскресенье воспоминается, по завѣщанію Церковныхъ учителей, паденіе протца нашего Адама.

кигахъ употребляется названіе сырной недѣли. Въ это время ничего не ѣдятъ изъ маслянаго; рыба, молоко, яйца и сыръ, есть общее для всѣхъ.—Употребительнѣйшее и обыкновенное названіе этой недѣли, по всей Россіи, извѣстно подъ именемъ масленицы.

Въ теченіе масленицы всѣ состоянія увлекаются разгульной жизнью и забавами; почему она въ сѣверо восточной Россіи называется въ простонародіи *честною масленицею*, а на западѣ *широкою масленицею*. Она начинается *встрѣчею*, въ понедѣльникъ; съ середины недѣли идетъ разгулъ масленицы; въ *широкой четверти* всѣ спѣшаютъ угощать другъ друга; наконецъ слѣдуютъ прощальные дни: суббота и воскресенье.

Отправленіе масленицы.

Начало введенія масленицы современно у насъ принятію Христіанской Вѣры. Въ Несторовой лѣтописи, при описаніи моровой язвы, въ Кіевѣ, подъ 1090 г., въ первый разъ упоминается мясопустъ. Названія же сырной недѣли и масленицы мы не встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ ранѣе XVI вѣка, а объ образѣ ихъ отправленія ровно ничего не знаемъ. Иностранцы писатели суть первые, сообщившіе намъ свѣдѣнія о забавахъ и значеніи масленицы, которыя остались донынѣ почти въ прежнемъ видѣ. — Какъ встарину, такъ и нынѣ, главное

угощеніе на масляницѣ состоитъ въ блинахъ. Во всю недѣлю пекутъ изъ гречневой или пшеничной муки блины на маслѣ, молокоѣ и яйцахъ, круглые, во весь объемъ сковороды; блины же, не болѣе какъ съ чайное блюдечко, тонкіе, легкіе и большею частію на молокоѣ и яйцахъ, изъ одной пшеничной муки, называются *аладьями*. Въ богатыхъ домахъ подаютъ къ блинамъ жидкую икру. Въ Малороссіи и смежныхъ съ нею мѣстахъ пекутъ такіе же блины, и сверхъ того готовятъ *вареники*. Это небольшіе пирожки, похожіе на сибирскіе пельмени, съ тою разницею, что ихъ начиняютъ свѣжимъ творогомъ, и потомъ на нѣсколько минутъ опускаютъ въ кипятокъ; вынувъ изъ воды, немедленно подаютъ къ столу горячими: ихъ ѣдятъ съ масломъ и сметаной. Блины подаются повсюду горячими; простывшіе теряютъ свое достоинство. Есть блиноманы, которые ѣдятъ] такіе горячіе, что обжигаютъ языкъ и ротъ, но масло смягчаетъ ихъ обжогъ. Повсюдное подчиваніе блинами на маслѣ и водкою, родило поговорку: *не житье а масляница*.

Въ высшемъ кругу людей масляница известна по одному названію, и если блины подаютъ тамъ, то изъ приличія къ народному

обычаю, и чтобы, такъ сказать, не прослыть Нѣвцами.

Русскій съ чистосердечной простотою предается всякимъ потѣхамъ: скачетъ и пляшетъ, шутитъ и смѣется надъ скряжническою жизнью, гуляетъ въ городѣ и внѣ города, поетъ и выводитъ на рожекъ радостную мѣснь; сорить деньгами, онораживаетъ бокалы съ виномъ, — тогда ему море по колено, и — хоть трава не расти!—

Въ иныхъ мѣстахъ масленица начинается съ понедѣльника, а съ четверга уже празднуютъ всѣ. Простолюдины, закусивъ порядочно блинами, принимаются распѣвать веселыя пѣсенки; потомъ катаются въ саняхъ и развѣзжаютъ по знакомымъ. Послѣ катанья посѣщаютъ пріятельскій домъ, въ коемъ ждутъ ихъ новые блины, готовый обѣдъ, и тамъ пируютъ до полночи.

Всякое сословіе пируетъ по-своему: потому иные проводятъ время въ маскированіи, пляскахъ и шумныхъ пирушкахъ; другіе, съ меньшими требованіями на роскошь и свѣтское приличіе, катаются съ ледяныхъ горъ, на саночкахъ-самокаточкахъ, или на лубкахъ; качаются на разнозатѣйливыхъ качеляхъ и веселятся по-русски, припѣваячи.

Нѣтъ картины заманчивѣе, разнообразнѣе и восхитительнѣе, какъ народная масленица въ

Петербургѣ. Тутъ всѣ состоянія спѣшатъ насладиться удовольствіемъ. Въ вечеру балы, маскарады и два раза въ день театры. По домамъ, какъ и въ рождественскіе праздники, расхаживаютъ замаскированные, — но вездѣ шумное и неутомимое гостепріимство.

Послѣдніе два дня на сырой недѣлѣ, (субботу и воскресенье), одинъ изъ приличій, другіе по набожности, посвящаютъ на испрашиваніе другъ у друга прощенія. Встрѣтись, даже на улицѣ, они цѣлуются, говоря: «прости меня, въ чемъ я тебя обидѣлъ, умышленно и неумышленно, дѣломъ или словомъ.»—Богъ тебя проститъ и Божія Матерь, — отвѣчаетъ ему другой,—и въ знакъ примиренія цѣлуются. — Люди высшаго сословія не стыдятся ѣздить тогда къ своимъ врагамъ и мирятся съ ними. Иностранецъ Албертъ Кампензе, описывая Религію Русскихъ въ началѣ XVI вѣка, замѣчаетъ, что они гораздо лучше слѣдуютъ ученію Евангелія, нежели Католики (*). Эта похвальная черта не истребилась донинѣ у насъ.

Въ воскресенье, вечеромъ, совершаются проводы масленицы, и послѣ ужина заключаютъ ее, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, катаньемъ на санихъ, почти до полночи.

(*) Lettera d'Alb. Campense intorno le cose di Moscovia, al. beat. padr. Clemente VII.

Въ небольшихъ городахъ Россіи, или вообще, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ удовольствіе на масляницѣ сопровождается катаньемъ на саняхъ, и рѣдко вечерними собраніями, простой народъ тѣшится пляскою, играми и пѣснями. Нельзя однакожъ скрыть слабости нашего добраго народа. Во всю масляницу, отъ чрезмѣрно-радушнаго угощенія виномъ, упиваются до того, что бываютъ драки и убійства. Не только иностранцы, описывавшіе нравы нашихъ предковъ, говорятъ объ этомъ, но мы современники сами этому свидѣтели.

По деревнямъ, парни съ дѣвками катаются на дровняхъ, саняхъ и большихъ салазкахъ съ природныхъ горъ. Катаются на скамьяхъ, подмороженныхъ коровьимъ навозомъ и политыхъ водою. Скамьи дѣлаются изъ двухъ большихъ досокъ, соединенныхъ ножками. На нихъ садятся только дѣвки, одна подлѣ другой, правятъ ногами и поютъ пѣсни. Мальчики катаются на скамѣчкахъ, садясь на нихъ верхомъ, а дѣвочки на ледянкахъ: это есть подмороженное рѣшето. Катаются еще на корытахъ подмороженныхъ, бычкахъ и кружкахъ (*); взрослые парни спускаются съ горъ

(*) Бычки имѣютъ видъ скамеекы, коей низъ составляетъ старое разсошье, а передняя сторона отдѣляется пологомъ. Разсошье намазываютъ коровьимъ навозомъ, потомъ поливаютъ водою, пока не обмерзнетъ хорошо. Мѣсто,

на ногахъ, сдѣпившись по нѣскольку вмѣстѣ. Но самое лучшее и разгульное катанье,— въ запряженныхъ лошадыю санихъ. Бабы и дѣвки, мужики и парни, усѣвшись около 15 человѣкъ въ сани, разѣвзаютъ съ колокольчикомъ, при пѣніи разнообразныхъ пѣсней. Лошадь едва везетъ и останавливается весьма часто, какъ бы разслушивая пѣсни разгульных своихъ сѣдаковъ; но ей не даютъ разслушать: дергаютъ возжами то въ ту, то въ другую сторону; она вытягивается лѣниво, поднимаетъ ноги, тащитъ шагъ за шагомъ; потъ на ней кружится паромъ,—она задыхается, лезетъ изъ кожи,—но везетъ.—Передъ сумерками увеличивается число парней, молодыхъ, женатыхъ, дѣвушекъ и молодыхъ, — въ избахъ остаются однѣ старухи. Вывозятъ дровни и всѣ тѣсняются на нихъ. Удальцы сидятъ на краешкахъ и облучкѣ, и управляютъ бѣгомъ ногами: такое гулянье продолжается до полночи.

Петръ I, насмѣхаясь надъ многими своими нравными и застарѣлыми обыкновеніями, изо-

*Масхарады
и санное
катанье,
данное Пе-
тромъ I.*

на коемъ садятся, устриваютъ изъ небольшой гладкой доски, прикрѣпленной снизу четырьмя попарно столбиками: двумя напередъ, а двумя назадъ. Кружки дѣлаютъ изъ старыхъ рѣшетъ, низъ переплетаютъ лыками, и потомъ обмываютъ какъ бычки.

бражалъ ихъ часто въ потѣшныхъ забавахъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ представленная имъ масленица въ Москвѣ (1722 г.). Въ четвертый день масленицы начался большой поѣздъ изъ Всесвятскаго села. Тамъ было заготовлено множество разнаго вида и величины морскихъ судовъ, и всѣ они поставлены были на сани, которыя были запряжены звѣрьми. По данному ракетною знаку, флотъ двинулся и потянулся къ тверскимъ воротамъ пестрыми рядами. — Шествіе началось штукаремъ, ѣхавшимъ на большихъ саняхъ, въ шесть лошадей гуськомъ. Лошади брячали бубенчиками и побрякушками. На другихъ саняхъ сидѣлъ Зотовъ, Князь—Папа. Онъ былъ одѣтъ въ длинную изъ краснаго бархата эпанчу, подбитую горностаемъ; въ ногахъ его сидѣлъ на бочкѣ пьяный Бахусъ; за нимъ ѣхалъ шутъ въ саняхъ, запряженныхъ четырьмя свиньями. — Послѣ двинулся флотъ, съ Нептуномъ на колесницѣ и трезубцемъ въ рукахъ; колесницу его везли двѣ Сирены. За нимъ ѣхалъ Князь-Кесарь Ромодановскій, на большой лодкѣ, запряженной двумя живыми медвѣдями. Кесарь былъ въ порфирѣ и съ княжескою короной на головѣ. Потомъ шелъ 88-пушечный корабль, съ тремя мачтами и полнымъ вооруженіемъ: его везли 16 лошадей. Самъ Государь

сидѣлъ въ немъ, въ одеждѣ флотскаго Капитана, окруженный генералами и офицерами. За кораблемъ ѣхала гондола; въ ней сидѣла Государыня, въ одеждѣ остъ - фрисландской крестьянки; ее окружали знатныя и придворныя дамы и кавалеры, въ аравійскихъ одеждахъ. — За гондолою тянулась *неугомонная обитель*: такъ назывались маскарадныя шуты: они сидѣли въ разныхъ смѣшныхъ положеніяхъ, въ длинныхъ и широкихъ садахъ, которыя нарочно были сдѣланы на подобіе драконовой пасти. Шуты были наряжены журавлями, лебедями, лисицами, волками, медвѣдями и огненными змѣями. — Пестрое и разнообразное шествіе, изумлявшее и забавлявшее жителей, шло въ Кремль, и сюда уже прибыло вечеромъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ. Слѣдующіе три дня были проведены въ угощеніяхъ и веселостяхъ. Участвовавшіе въ этомъ маскарадѣ, перемѣняли на себѣ платья по нѣскольку разъ въ день. Послѣдній день заключился созженіемъ богатаго фейерверка (*).

Между жителями петербургскими сохранилось преданіе, что масленица пріѣзжаетъ сначала на Охту, потомъ въ Ямскую, а послѣ

*Разное от-
правленіе
масляницы.*

(*) Голик. Дѣян. Петр. В.; Сѣверн. Пчела 1833 г. No 125.

въ городъ. По этой причинѣ, Охта именуется первоначальницею масляницы, потому что въ старые годы строились тамъ ледяныя горы и кто охтенскимъ горамъ не сдѣлалъ чести своимъ посѣщеніемъ, тотъ считался отъявленнымъ врагомъ масляницы. Въ прежніе годы нигдѣ столько не пекли и не ѣли блиновъ, какъ на Охтѣ; въ прежніе годы подъ именемъ первоначальницы масляницы разумѣли Охтянку, которую представляли нагруженную блинами, аладьями и пирогами. Вотъ описаніе Охтянки, первоначальницы масляницы, которая, обращаясь къ своимъ подругамъ, говоритъ:

Сестрицы!

Встрѣчайте масляницу намъ любезную,

И къ весельямъ нашимъ быть полезную.

Вотъ, здѣсь уже растворъ,

Блины и оладьи подпекать;

А вы готовьте

Болше масла подливать.

Не жалейте притомъ

Яицъ, сметаны и твороговъ

Для напеченія

, Масляничныхъ пироговъ. —

А особливо для дородныхъ молодцовъ, —

Напечемъ мы поболше праженицовъ!

Подруги ея, яичницы и городскія жительницы отвѣчали съ распростертыми объятіями:

Масляницу съ радостію нашею вступаемъ,
Съ весельемъ и кочерги въ руки принимаемъ:
Въ готовности уже предъ вами строимъ статъ,
Ухватами и кочергами честь отдать.
Все уже у нашихъ бабъ, все будетъ исправно,
И съ сковородниками пойдемъ регулярно.
Блины, оладьи, печь давно уже чтимся,
И о масляницѣ весьма веселимся,
Какъ возможно хворостъ намъ выше возгромадится,
Тутъ всякой на то зрѣть, пусть всякой тому дилится.
По утрамъ мы рано, скоро будемъ вставать,
Растворы и тѣсто сившию готовить.
Мы устроимъ башни, пирамиды и вышки,
Окружать конѣ будутъ масляныя пышки.
Наполятся столы съ рыбой, пирогами,
Украсятъ ихъ лаврами и деревьями.
Напекутся оладьи, блины и пряженцы,
Пускай собираются къ намъ хорошіе молодцы,
Пріятельски съ нами обще забавляться,
Потомъ съ горъ на санкахъ вмѣстѣ покататься —
О! какое будетъ тутъ веселье и радость,
Когда вольтется въ насъ, толь великая сладость!
Что будемъ мы вино и пиво попивать,
А блинами и оладьями заедать.

Вдругъ появились на Охтѣ горы, укра-
шенныя флагами и ельникомъ. Отворились ка-
баки, въ конѣхъ сидѣли мужички, въ пристой-
номъ ихъ званію засаленномъ платьѣ, съ ис-
кривленными лицами. Повсюду раздавались пѣ-
сни и крики. Въ домахъ били окна и тарелки,

на столахъ лежали горы хворосту, пироговъ, блиновъ и оладьевъ; полуштофки не сходили со столовъ.

Всякая домоводчица старалась, вставъ поутру рано, приготовить растворы, напечь блиновъ, оладьевъ и всякой всячины. Каждый хозяинъ старался, поутру рано, зазывать къ себѣ пріятелей и угощать ихъ, приговаривая отъ всего усердія:

Пожалуй меня послушай,
Сію рюмку водки кушай.
Принимай небось сѣло,
Вѣдь нынѣ то и дѣло.
Нечего кажется трусить,
Есть видишь чѣмъ и закусить:
Блины и оладьи стоятъ,
Которыхъ нынѣ вѣдать.
А если жажду утолить,
Извольте пивомъ промочить.
Не шутя, я васъ прошу,
И съ любовью подношу.

Гости отвѣчали, что они довольны хлѣбосольствомъ хозяина, и просили его посѣтить ихъ масляницу:

Довольны и такъ довольны,
Что утробы стали полны,
А сердца такъ развеселились,
Что ные съ стульевъ повалились.
Не ужели жъ до того дожить,
Что и чувство намъ позабыть?

Мы въ куражѣ, довольно того,

А пріятство дороже всево.

Такъ за ваше угощенье,

Сдѣлайте и намъ пощенье.

Женщины, разгоряченныя масляничнымъ восторгомъ, пѣли, плясали, плакали, скакали, обнимали другъ дружку за шею, приговаривая: «матушка, кумушка, сватушка, кабы ты-то у меня, что бы тамъ было! — Насилу дождались такого праздничка, а его дожидали цѣлой годикъ! Да что дѣлать; хоть на часъ, да вскачь.» — Масляница сидѣла на верху своего торжества: повсюду было катанье, гулянье, пиршество. Наконецъ настало прощанье въ тотъ самый день, когда масляница достигла крайней точки разгула, и все разставалось съ нею грустно и со слезами (*).

Императрица Анна иногда позволяла себѣ, для развлеченія, припоминать русскія забавы на масляницѣ. Она нарочно собирала въ своемъ дворцѣ унтеръ-офицеровъ съ ихъ женами, которыя, бывъ одѣты въ простонародныя одежды, веселили пѣснями, плясками и играми. — Гонитель всего русскаго, Биронъ, желая потѣшиться на масляницѣ маскарадомъ, велѣлъ, для свадьбы одного шута, сооронить

(*) Магазины всѣхъ увеселеній; Москва, 1834 г., въ статьѣ: маловременные владѣтели, или блестящая масляница.

ледяной домъ, въ которомъ и заморозилъ того шута. Императрицы Елисавета и Екатерина II очень любили народныя забавы. Онѣ, въ сопровожденіи пышнаго двора, разъѣзжали на саняхъ, и ледяныя горы, если не болѣе, то не менѣе доставляли имъ удовольствія.—И нынѣ въ Петербургѣ знатныя дамы катаются съ ледяныхъ горъ, нарочно для нихъ состроенныхъ, какъ во время масленицы, такъ и въ нѣкоторые дни поста. Это на модномъ языкѣ называется *journée falle* или *dejeuner dansant*, а на обыкновенномъ—пикникъ. Сюда съѣзжаются, чтобы порѣзвиться на свободѣ; тамъ танцуютъ и катаются съ горъ на самолетныхъ саночкахъ: въ то время избранная дама сидитъ на колѣняхъ своего кавалера. — Цвѣтъ высшаго круга, утомленный скучными концертами великаго поста, безконечными представленіями живыхъ картинъ и фантастическихъ тѣней, задумываетъ разсѣять себя: онъ назначаетъ пикникъ. И едва эта мысль вырвалась изъ *l'élite du beau monde*, какъ она облетаетъ много дамскіе туалеты и петербургскіе салоны.—Всѣ собираются дружно въ условленный часъ, и всѣ, не на шутку, съѣзжаются въ указанный домъ. Говорливая молодежь и молчаливый дипломатъ, и важный мужъ летятъ въ пошевняхъ, въ плетеныхъ прозрачныхъ са-

ночкахъ и на пноходцѣ: все торопится, все спѣшитъ, боясь опоздать или не заставить ждать себя.—Когда всѣ соберутся, тогда каждая дама сопровождается избраннымъ своимъ кавалеромъ. Длинный рядъ баловней роскоши несется пестрой вереницею по дорогѣ. Разноцвѣтныя попаны удалой тройки и узорчатые ковры саней, бархатные кафтаны кучеровъ съ бобровой опушкою, малиновыя и голубыя шапки на бекрень, выдвигаются на первомъ мѣстѣ картины; богатые съ развѣвающимися перьями шляпки и полувоздушныя вуали, выющія бѣлымъ пухомъ, обхватываютъ очаровательныя головки красавицъ; серебристыя бобы и черныя лисій мѣхъ, окутываютъ нѣжный станъ счастливыхъ сибаритокъ; сверкающіе безпечной радостью глаза, шутки и остроты красавицъ,—занимаютъ средину прекрасной картины. Избранные кавалеры, стоящіе на запяткахъ, дорисовываютъ картину немолкаемой болтовнею, — все мчится съ восторженной веселостію. Ухабы, мятель, даже грязь и лужи ни по-чемъ... Поѣздъ вдругъ останавливается предъ назначеннымъ домомъ. Дамы, едва вошли въ пышно убранныя комнаты, немедленно садятся за туалетъ: нныя вновь наряжаются, а другія поправляютъ свои уборы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, всѣ

сходятся въ блестящихъ уборахъ: говоръ , шумъ и хохотъ разносятся повсюду. Подаютъ завтракъ , и каждый кавалеръ старается угостить свою даму; потомъ раздается музыка и начинаются танцы. Въ вихрь вальса забываютъ и время страстныхъ дней: все кружится до упаду. Безпрерывные танцы , смѣняемые утонченной изобрѣтательностію , никому не даютъ покоя. Отчаянное веселье въ полномъ разгарѣ , и только пріостанавливается въ то время , когда позовутъ къ обѣду , который начинается не ранѣе шести часовъ вечера. За обѣдомъ тотъ же кавалеръ угощаетъ свою даму , и тотъ же кавалеръ , послѣ обѣда , танцуетъ первый танецъ съ своею дамою. Танцы продолжаются до поздней ночи , потомъ всѣ расстаются , какъ сошлись , безъ сожалѣнія , и весьма равнодушно приглашаютъ: одни—«завтра ко мнѣ на вечеръ!» другие—«ко мнѣ послѣ завтра на балъ!»

Пикникъ , полный странностей и противоположностей , выходитъ изъ круга обыкновеннаго веселія. Отъ того-то онъ и нравится: и что же онъ? Балъ не балъ , а вѣрное изображеніе пресыщенныхъ пирами и роскошью.

Въ Ярославлѣ масленица имѣетъ свои особенности. По понедѣльникамъ тамъ бываетъ рынокъ; на масленицѣ тоже , но мно-

голюдиѣе. Всякій спѣшитъ тогда праздновать *честную масляницу*, — такъ она называется здѣсь. Въ обыкновенные торговые дни съѣзжаются только по надобности, (а въ это время, то есть въ масляницу), по старинному и причудливому желанію: *показать себя и людей посмотреть*. — Такъ поступаютъ всѣ, обвѣчанные въ прошлый годъ. Молодые одѣваются чисто, и судя по деревенскому, даже щегольски. Женщины въ длинныхъ китайчатыхъ, заячьихъ шубахъ; шеи ихъ красиво перевязаны шелковыми платочками. — На верху шубы, накинуты большіе, длинные и пестрые платки. Мужья ихъ, не уступаютъ имъ въ щегольской одеждѣ. Молодые, взявшись рука за руку, образуютъ въ толпѣ народа тихо движущіяся, живыя картины. Около молодыхъ, или недалеко отъ нихъ, стоятъ ихъ отцы и матери, и простодушно любятъ милыми дѣтushками. Мимо ихъ безпрестанно ходятъ любопытные. Кромѣ молодыхъ собираются въ этотъ день дѣвицы-невѣсты и парни - женихи. Они составляютъ совсѣмъ особое отдѣленіе. Нѣсколько дѣвицъ одного села, взявшись дружески за руки, стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Парни, охорашиваясь, похаживаютъ мимо дѣвицъ и посматриваютъ на нихъ. Нагулявшись вдоволь, молодые съ родными и

знакомыми расходятся по трактирамъ и ресторациямъ. Тутъ, за чашкою чая, встрѣчаютъ масляницу, а потомъ начинается ширь горой.—Поклонники Бахуса также не отказываютъ себѣ въ удовольствіи. Поразвеселившись, начинаютъ пѣть и плясать, а потомъ оставляютъ городъ на цѣлую недѣлю. Всѣ вмѣстѣ они ѣдутъ къ тестю-батюшкѣ, и къ тещѣ-матушкѣ, и тамъ веселятся до первой недѣли поста.— Жители Ярославля и уѣздныхъ городовъ угощаютъ другъ друга блинами, катаются на горахъ и по улицамъ, поютъ *коледу*. Съ четверга сырной недѣли, толны мастеровыхъ ходятъ по домамъ съ погремушками, бубнами, рожками, балалайками и другими простонародными инструментами, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и говорятъ: *прикажи, сударь-хозяинъ, коледу пропѣть*. Получивъ позволеніе, они поютъ:

Ужъ какъ шли ребята коледовщики,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Коледовщики, все фабричники,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!
На семи верстахъ, на осьми столбахъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!

Посреди двора, посреди широка,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Стоять три терема,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Три терема златоверхіе,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Въ первомъ терему красно солнышко,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Во второмъ терему часты звѣзды,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Хозяйка въ дому, госпожа въ высок о м ѣ,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Молодые дѣвушки въ дому, какъ орѣшки въ меду,
Виноградъ, красно зеленая моя!

Выслушавъ пѣсню, хозяинъ подчуе т ѣ их ъ
вн о м ѣ, дарит ѣ мелкими деньгами, а коледов-
щ и к и благодарят ѣ:

Благодарствуй, хозяинъ, на хлѣб ѣ, на сол ѣ и на жа-
лован ѣ,

Виноградъ, красно зеленая моя!

Накормил ѣ, напоил ѣ, со двора пустил ѣ,

Виноградъ, красно зеленая моя!

По древнему обычаю, наш ѣ народ ѣ по-
минает ѣ усопших ѣ блинами, потому въ там-
бовской губерніи и смежных ѣ съ нею мѣстах ѣ,
первый испеченый блин ѣ кладет ѣ на слу-
ховое окошко, въ том ѣ предположеніи, что
души родственников ѣ, знакомых ѣ, особенно

родителей , невидимо съѣдаютъ его. Если онъ остается не тронутымъ , то думаютъ , что злые духи до сего не допускаютъ : въ такомъ случаѣ прогоняютъ ихъ заклинаніями. — Набожныя женщины , садясь за столъ , ѣдятъ первый блинъ за упокой усопшихъ , а слѣдующими блинами встрѣчаютъ масланицу , которая потомъ вся проходитъ во взаимномъ угощеніи и катаньи на саняхъ.

Увеселенія на масланицѣ въ костромской губерніи не вездѣ начинаются одинаково : въ нѣкоторыхъ селеніяхъ со вторника , въ другихъ съ среды , а въ помѣщичьихъ съ четверга. Богатые катаются изъ одной деревни въ другую , или съѣзжаются другъ къ другу на блины , и потомъ отпращиваются снова кататься и пировать. Новобрачные ѣздятъ въ гости къ сродникамъ , которые дарятъ ихъ мыломъ , а тѣ отдариваются блинами. — По нѣкоторымъ уѣздамъ , изъ деревень съѣзжаются дѣвушки къ своимъ родственникамъ или знакомымъ , въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ ; лице красятъ румянами и бѣлилами , а зажиточныя сверхъ того украшаютъ свои шеи коралловыми монистами , пальцы кольцами , а уши блестящими серьгами. Крашеный сарафанъ и пестрый большой платокъ , искусно обвивающійся около стана красавицы , обращаютъ об-

щее вниманіе. Новобрачные, равномерно одѣтые въ лучшіе наряды, также появляются на гулянье. Дѣвушки и новобрачные катаются съ горъ отдѣльно отъ мужчинъ. Парни въ нарядныхъ одеждахъ стоятъ рядами и высматриваютъ пригожихъ невѣстъ. Въ субботу съѣзжается на горы еще болѣе народа; катанье усиливается: парни катаются съ дѣвицами, даже съ незнакомыми и угощаютъ ихъ пряниками и орѣхами. Другія же сами покупаютъ для себя лакомства на деньги, вырученные за проданную ими въ ту недѣлю пряжу, и ходя около горъ, хрустятъ орѣхами. Въ послѣдній день масляницы, именно въ воскресенье, составляется изъ наряженныхъ мужчинъ, съ соломенными на головѣ колпаками верховая поѣздка, называемая *обозъ*. Вечеромъ за городомъ колпаки сожигаются,—это значитъ *сожигать масляницу*, и потомъ проводятъ ее виномъ.— По деревнямъ поютъ пѣсни, а вечеромъ мужчины и женщины, взявъ съ своего двора по пучку соломѣ, складываютъ ее вмѣстѣ и зажигаютъ, что называется *сожечь соломеннаго мужика*.

Подобное обыкновеніе давно было извѣстно многимъ славянскимъ племенамъ, которыя совершали его при встрѣчѣ весны перваго марта. Они выносили изъ селенія соломенное чучело, представлявшее смерть, сожигали его

и пепелъ бросали въ воду. — Итъ сомнѣніа, что сожженіе соломеннаго мужика есть остатокъ языческаго обряда, который измѣненъ въ послѣдствіи и въ настоящемъ видѣ уже вошелъ въ потѣшныя проводы масленицы.

Хотя разгульная масленица начинается вообще съ четверга честнаго, однако по нѣкоторымъ мѣстамъ саратовской губерніи (хвалынского уѣзда), между поселянами она начинается съ пятницы. Тамъ старые и молодые обоего пола отправляются поутру рано на рынокъ, за исключеніемъ хозяевъ дома, и гуляютъ на рынокѣ до вечера. Потомъ всѣ, отправляясь домой, везутъ съ собою масленицу (деревянный истуканъ), которую сажаютъ верхомъ на передовой лошади и поютъ веселыя пѣсни. Оставшіеся въ домахъ выходятъ на улицу, встрѣчаютъ масленицу и кланяются ей. Привезенный истуканъ ставится посреди улицы, народъ окружаетъ его и провозглашаетъ: «пріѣхала масленица!» — Мушны и женщины обходятъ вокругъ, и кричатъ: «масленица! масленица!» — Тогда уже начинается общее угощеніе: пекутъ блины, водчаютъ другъ друга, поздравляя съ наступившей масленицею; поютъ пѣсни, играютъ въ гармонику и балалайку и пляшутъ. — Такъ продолжается до вечера воскресенья, въ который

погребають истукана. Наряжаютъ старика въ черное рубище, и навязавъ на веревочку осколки битой посуды, подаютъ ему въ руки; за нимъ несутъ масляницу на носилкахъ, чрезъ всю деревню. Толпы людей провожаютъ истукана до другаго конца деревни. Тамъ бросаютъ его и оставляютъ до будущаго года, для того, чтобы масляница не возвратилась къ нимъ. Исполнивъ этотъ обрядъ, приходятъ домой, прощаются другъ съ другомъ, и тѣ, которые жили между собою въ враждѣ, примиряются.

Масляница въ пензенской губерніи начинается собственно съ четверга. Тамъ поспѣваютъ сначала родныхъ, послѣ знакомыхъ, наконецъ безъ разбора. Новобрачные обязаны ходить къ своимъ родителямъ, на горячій блинъ, въ честной четвергъ. Тутъ еще обыкновеніе, что молодой съ своею молодою долженъ прогостить у тещи два или три дня. Въ послѣдній день ходятъ, по заведенному обыкновению, прощаться къ священнику: ему приносятъ гостинищъ, состоящій изъ мѣры ржи, или другаго какаго либо хлѣба. Съ такими гостинищами обходятъ весь причтъ; но при этихъ прощаньяхъ, нерѣдко выниваютъ гораздо больше, нежели чего стоятъ приношенія.

На парняхъ однакожь лежитъ обязанность проводить честную масляницу съ почетомъ. Для этого они собираютъ нѣсколько десятковъ боронъ, громоздятъ одну на другую, напоподобіе горы, и запрягаютъ молодыми телятами и же-ребенками, а гдѣ нѣтъ ихъ, то волами: сколько впряжено скота, столько должно быть по-водильщиковъ. На верху взгроможденныхъ боронъ сидитъ смѣльчакъ съ кочергою или помеломъ, и кричитъ на всѣхъ поводильщиковъ: «бравѣ!» Въ этомъ видѣ проѣзжаетъ масляница все село, изъ конца въ конецъ, съ разными прибаутками празднующихъ, какія только прійдутъ имъ въ голову. Почти всѣ поселяне провожаютъ масляницу съ крайнимъ сожалѣніемъ, что она прошла такъ быстро, не долго гостила между ними. По окончаніи шествія, которое прекращается въ концѣ селенія, всѣ прощаются между собою, желаютъ другъ другу благополучнаго перехода отъ блиновъ *на хрѣнъ да на рѣдьку, да на кислую капусту.*

Въ симбирской и пензенской губерніяхъ существуетъ обыкновеніе строить на рѣкѣ городокъ изъ снѣга, съ башнями, двумя воротами и прорубью въ рѣкѣ. Мальчики раздѣляются на двѣ стороны: на конницу—осаждающихъ и пѣхоту—защищающихъ свою позицію. — Конные, предводимые своимъ начальникомъ, устремля-

ются на приступъ. Пѣшіе отражаютъ ихъ помелами и метлами; но осаждающіе, послѣ долгой борьбы, прорываются черезъ пѣхоту и вѣзжаютъ въ крѣпостныя ворота,—городъ взятъ. Взятшіе городъ купаютъ въ проруби своего предводителя, а отличившихся на приступѣ и въ защитѣ угощаютъ виномъ. Потомъ всѣ вмѣстѣ разрушаютъ городокъ и возвращаются домой съ пѣснями.

Измѣненія въ отправленіи масляницы замѣтны своею особенностію во владимірской и частію въ вятской губерніяхъ. Тамъ возятъ на санихъ, запряженныхъ 12 лошадьми, наряженного мужика. Онъ сидитъ на колесѣ, утвержденномъ среди саней; въ рукахъ держитъ полштофъ съ виномъ и калачи.—Съ нимъ сидятъ наряженные музыканты, которые поютъ и играютъ. Почти такое же дѣйствіе происходитъ въ симбирской, саратовской, пензенской, и нижегородской губерніяхъ. Сколотивъ вмѣстѣ нѣсколько дровень, застилаютъ ихъ досками; посредиѣ ставятъ толстое, высокое дерево съ воткнутымъ на верху его колесомъ; на этомъ колесѣ усаживается наряженный, который веселитъ народъ своими забавами и продѣлками. — Потомъ возятъ по всѣмъ улицамъ сани съ деревомъ и лошадьми наряженными, въ разныхъ другихъ животныхъ: все нароч-

но на нихъ искренно странными уборами. Многие, вмѣсто масонъ, расчерчиваютъ лице угольями и сажею; надѣваютъ на себя платье на выворотъ, или шкуры животныхъ съ рогами и скелетомъ головы; при шествіи, скачутъ и поютъ. Вмѣсто музыки, ударяютъ въ бубны и тазы. — Шествіе это называется *проходами честной масляницы* и обыкновенно случается въ прощенное воскресенье. Въ рязанской губ. тоже возятъ на санихъ большое дерево, увѣшанное вѣтвями лоскутьями и погремушками. Вокругъ него идутъ наряженные толпы, и останавливаются на улицахъ предъ богатымъ домомъ, на нѣсколько минутъ. Тутъ прыгаютъ, скачутъ и потомъ двигаются вперёдъ. Вечеромъ сходятся на общую пирушку и гуляютъ до разсвѣта. Блины не сходятъ со стола въ продолженіе даже ночи.

Въ пермской губерніи проводятъ масляницу какъ и вездѣ, съ радушіемъ и блинами. Тамъ во всю недѣлю катаются на санихъ по городу и за городомъ; катаются на коньяхъ и на замороженныхъ изъ сѣнга катушкахъ съ рѣч-ки Слюдки на Каму.

Казалось бы, что угощеніе блинами въ Россіи есть повсемѣстное: однакожъ находятся мѣста, гдѣ замѣняютъ ихъ особыми яствами, и это—въ Сибири. Тамъ, вмѣсто блиновъ вое-

ютъ, жареное изъ тѣста на маслѣ, похожее на пирожное и называемое хворостами. Не смотря на старинный обычай употребленія хвороста, блины мало по малу вытѣсняють его изъ своего круга. Было тамъ обыкновенно возить по улицамъ огромной величины корабль, съ парусами и снастями, поставленный на нѣсколькихъ выѣтъ сколоченныхъ саяхъ, запряженныхъ 20 лошадьми. Въ немъ сидѣли наряженные скоморохи, медвѣдь и госпожа масляница. Весь этотъ снарядъ назывался честной масляницею. Онъ возился по улицамъ, въ сопровожденіи толпы мальчиковъ и любопытнаго народа (*). Возня корабля съ парусами и снастями и пр., заимствована отъ маскарада, даннаго Петромъ Великимъ въ Москвѣ на масляницѣ, и введена въ Сибирь поселенцами и должностными людьми, которые повынѣ въодить въ этотъ край многое новое, и распространяють вкусъ и охоту ко всему хорошему и изящному. — Тамъ имѣются уже свои собранія, вечера и балы, на конкѣ, если вѣрять разсказамъ, гремѣть отличные хоры музыки. — Обитатели Сибири умѣютъ веселиться: тамъ, среди свѣжыхъ горъ и морозныхъ вьюгъ, они забываютъ, что живутъ въ такой странѣ, ко-

(*) Записка и замѣтки о Сибири, С. П. Б. 1817 г. 8. —

торая одиниѣ имѣемъ своимъ наводить трепетъ на каждаго челоуѣка. Избалованному роскошью столицы и въ голову не прійдетъ, чтобы тамъ могли радоваться и наслаждаться даже прихотями утонченной кѣги!

Въ енисейской губ. на масланицѣ, переодѣтые, въ маснахъ, ходятъ изъ дома въ домъ, или ѣздятъ на саняхъ изъ деревни въ деревню. Веселятся у хозяина: поютъ и пляшутъ и потомъ отправляются къ другому, третьему и т. д. Парни строятъ ледяную крѣпость съ воротами; сажаютъ туда охранительную стражу, и потомъ пѣшіе и конные идутъ въ атаку: пѣшіе лѣзутъ на стѣны, а конные врываются въ ворота. Осажденные обороняются метлами и погайками. По взятіи крѣпости, побѣдители идутъ съ торжествомъ: поютъ пѣсни и кричатъ радостно. Отличившихся изъ нихъ ведутъ впередъ, а за ними плѣнныхъ. Потомъ всѣ отправляются пировать, и всю ночь проводятъ въ шумныхъ забавахъ.

На сѣверномъ концѣ Россіи, именно въ архангельской губерніи сохранялся обычай отправленія масланицы, нѣсколько сходствующій съ римскими вакханаліями. Въ Италіи понынѣ водятъ быка, обвѣшеннаго лентами, игрушками, и обвѣтаго цвѣтами. На немъ сидитъ мясникъ, представляющій Вахуса. — Въ

Архангельскѣ совершалось почти тоже. Въ пятницу, масянки возили по городу быка, на большихъ саняхъ, въ которыхъ сами впрягались по нѣскольку десятковъ. Здѣсь масляница начинается съ четверга. Въ этотъ день ѣздитъ по городу на большихъ саняхъ, съ кораблемъ, который обвѣшивается флагами разноцвѣтными и испещряется изображеніями рыбъ, птицъ, волковъ, медвѣдей, тигровъ, лисъ, львовъ и пр., съ разинутою пастью. На мачтахъ висятъ шкуры этихъ животныхъ и чучелы птицъ и рыбъ. Замаскированные идутъ позади; музыка сопровождаетъ общее веселіе. Почетные жители, купцы, мѣщане и другіе горожане одѣваются въ нарядное платье; нѣкоторые изъ нихъ являются въ уродливыхъ маскахъ; за этой веселой толпою тянутся рядами экипажи, и всѣ отправляются съ поздравленіемъ къ начальнику города и другимъ почетнымъ особамъ. Послѣ поздравленія, возвращаются домой шировать. Въ пятницу и субботу продолжается поѣздъ, но съ меньшею пышностію, и уже ѣздитъ каждый ремесленный цѣхъ, съ своими значками, наприм., рыболовы, съ изображеніями рыбъ и другихъ предметовъ, принадлежащихъ къ ихъ ремеслу; мастеровые съ своими вывѣсками, а купцы съ вывѣскою своихъ товаровъ, кто чѣмъ торгу-

етъ. Въ воскресенье повторяется первый по-
ездъ. Все это дѣйствіе называется *масляница*
идетъ. Въ эти дни также на саняхъ катаются
съ горъ, качаются на качеляхъ и ѣдятъ бли-
ны съ икрою (*).

(*) Въ бытность мою въ Парижѣ, я видѣлъ карнавалъ,
который происходилъ очень шумно. Тамъ онъ начинается
въ воскресенье и оканчивается во вторникъ. Для учащихся
заведеній позволено гулять цѣлую недѣлю; почти тоже са-
мое право, привозили себѣ городские жители: балы, вечера,
табцы и маскарады, занимаютъ ихъ до изшестства. — Въ
воскресенье мисники водятъ по улицамъ откормленнаго быка,
который обвѣшивается погремучками, украшается разноцвѣт-
ными лентами и кусками матерій. — На немъ сидятъ мальчуганъ,
похожій болѣе на амура, нежели на бахуса. — Мисники, въ
мифологическихъ одеждахъ, ведутъ за рога быка, за ними
идетъ музыка и ѣдетъ огромная колесница, которая биткомъ
набита здоровыми мисниками, въ разныхъ положеніяхъ: одинъ
держитъ дубину, представляя изъ себя Геркулеса; другой
шатающагося Вакха, третій Силена, четвертый Сатира съ
козьими ногами и рогами и проч. На колесницѣ развѣваются
флаги; ее тащутъ весьма медленно нѣсколько паръ лоша-
дей. — Ряды экипажей, съ замаскированными лицами, сопро-
вождаютъ это шествіе; а тысячи народа замыкаютъ его. На про-
странствѣ полуверсты тянутся еще цѣлые экипажи съ людьми
въ уродливыхъ маскахъ. — Во вторникъ (*mardi gras*), водятъ
быка ко двору Короля, потомъ по домамъ знатныхъ особъ,
министровъ, пословъ и богачей, но преимущественно къ та-
ковымъ людямъ, коихъ уважаютъ. Въ среду убиваютъ быка,
и разрезавъ на известное число кусковъ, разсмыляютъ ихъ по
тѣмъ домамъ, куда водили его. — Прежде всего отсылаютъ
самый лучшій кусокъ Королю, который даритъ за то нѣс-
колько сотъ франковъ. Прочія особы также обдаряютъ
ихъ. Въ послѣдній день карнавала Парижъ крѣпко, весело за-

По деревнямъ не менѣе веселятся на масляницѣ. Наѣвшіеся блиновъ, ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями: женщины къ жонщинамъ, дѣвушки къ дѣвушкамъ, старики къ старикамъ, а молодые парни къ тѣмъ и другимъ. Всѣ они одѣваются въ нарядныя одежды, особенно взрослые невѣсты. Старики, сидя въ избѣ съ гостями, разговариваютъ о своихъ домохозяйственныхъ занятіяхъ, и запиваютъ бесѣду чарой водки. На улицѣ, подъ окнами избъ собираются дѣвушки, взрослые и не взрослые, въ праздничныхъ сарафанахъ и бѣлыхъ суконныхъ шушунахъ (родъ полунафта за колѣна); головы повязаны красными шерстяными платками, а шушунны подпоясаны шерстяными домашней работы поясами; ноги обуты въ лапти, обвязанные цвѣтными шнурками; зажиточныя обуваются въ сапоги и башмаки; косы переплетены лентами, болѣе красными. Точно въ такомъ уборѣ показываются тогда и молодухи, но съ тою разницею, что онѣ убираютъ голову повойниками, кичками и даже вѣтцемъ. Въ губерніяхъ: московской, рязанской, тамбовской и пензенской, мнѣ случалось видѣть, что въ эти дни, самыя

маскированныхъ, и это веселіе продолжается далеко за полночь. — На масляной и въ теченіе всего поста, продаютъ въ **Парижѣ** окрашенный краснымъ цветомъ лѣца.

дѣвушки надѣваютъ на голову новыя шапки и кички, крытыя позументомъ и вышитыя шелками. На пѣніе дѣвушекъ собирается толпа парней, которые, подступая къ нимъ, прѣвѣствуютъ ихъ снятіемъ шапки, и потомъ становятся въ кружокъ подлѣ нихъ. Тогда и пѣсни раздаются веселѣе и дружнѣе, и пѣніе часто продолжается безумолчно нѣсколько часовъ сряду. Въ то время, съ одного конца деревни въ другой разѣзжаются на санихъ, нарядная молодежь, которая на этотъ разъ не забываютъ пригласить къ себѣ дѣвушекъ. Парни ѣдутъ за ними на особыхъ санихъ, а иногда и дѣвушки и парни виѣстѣ; послѣ ѣдутъ пожилыя и старыя, мужья и старики на отдѣльныхъ санихъ и всѣ поютъ. Сани у зажиточныхъ окрашены въ разноцвѣтныя краски, со звономъ на дугѣ и бубенчиками около лошади. Поѣздъ продолжается до поздняго вечера, который оканчиваютъ у кого либо изъ знакомыхъ пиршествомъ. Поѣзды начинаются иногда съ дальнихъ деревень. Случалось видѣть, что барыни и барышни, равномерно катаются изъ деревни въ деревню, и потомъ отправляются вечеромъ къ сосѣду. Въ послѣдній день масленицы всѣ ѣздить прощаться; пѣсенъ не поютъ, за исключеніемъ дѣвушекъ, которымъ позволено пѣть. Набожность въ этотъ день доходитъ у многихъ

до того, что они, встрѣчая на улицѣ знакомаго и незнакомаго, останавливаются, и троекратными поклонами и слезными словами, просятъ взаимнаго прощенія. Одинъ, на-прим., говоритъ: *прости меня въ чемъ я виноватъ, или согрѣшилъ предъ тобою.* Другой отвѣчаетъ: *да простишь ты Богъ и я прощаю;* потомъ цѣлуются и расходятся. Въ прощальный день грѣхъ ссориться, и если кто напѣется, нагрубитъ или нанесетъ кому либо увѣче, то на этомъ не взыскиваютъ, думая, что все должно прощать, не гнѣваться и не серчатся: для того-то и насталъ прощальный день, и что въ это время, самъ Богъ прощаетъ всѣ прегрѣшенія человѣческія, съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ поста покаяться, и не грѣшили болѣе. Многіе изъ набожныхъ становятся на проѣзжихъ дорогахъ на колѣна, и молятъ проѣзжающихъ, чтобы они простили ихъ.

По нѣкоторымъ мѣстамъ Малороссіи, было прежде въ обыкновеніи съ пѣніемъ носить по улицамъ чучело; толпа дѣтей сопровождала его крикомъ и бросала въ него снѣжные комки. Ввечеру сходились на вареники. Въ другихъ мѣстахъ возили на санихъ масляницу, — деревянное изображеніе женщины, съ распущенными волосами и въ пестрой одеждѣ, и потомъ бросали въ воду, или сжигали за го-

родомъ, въ воскресенье. Нынѣ отправляется масленица безъ всякихъ липодѣйствій. На улицахъ появляются толпы людей, въ праздничныхъ одеждахъ, и забавляются катаньемъ по льду и съ горъ. Здѣсь не дѣлають искусственныхъ ледяныхъ горъ, а наливають на небольшие возвышенія воду, которая замерзаетъ и образуетъ ледяныя горы. Все зависитъ отъ мѣстности. Дѣти строятъ себѣ снѣжные холмики и осаждаютъ ихъ: кто отличится изъ нихъ на приступѣ, того дарятъ орѣхами и пряниками. Катанье на саняхъ и здѣсь въ употребленіи. Во всю недѣлю столы бываютъ покрыты блинами и варениками, съ утра до полноты посѣщаютъ другъ друга и угощаютъ взаимно. Почти никакого не готовятъ другаго кушанья, кромѣ варениковъ. Въ субботу и воскресенье ходятъ прощаться, безъ подарковъ. Въ Россіи кумовья носятъ другъ другу большіе пряники и куски мыла.

*Сусетрыя
зампланіа.*

Въ Малороссіи считается за великій грѣхъ, оставлять недоѣденными блины и вареники, почему остатки этихъ яствъ отдаютъ нищимъ и бѣднымъ. Есть дома, которые цѣлую недѣлю кормятъ ихъ. Если что остается къ первому дню поста, то все выбрасываютъ собакамъ, а самую посуду вымываютъ на чистоту кинжаломъ, чтобы нечистые духи не мучили ихъ.

душу на томъ свѣтѣ. Когда остается на зубахъ сыръ,—то думаютъ, что черти будутъ выдергивать остатки его каждую ночь по не многу, пока всего не выдернутъ вмѣстѣ съ зубами: потому стараются выласкивать ротъ, какъ можно чище; другіе встаютъ ночью по нѣскольку разъ для совершенія полосканья, и этимъ самымъ мѣшаютъ чертямъ выдергивать сыръ. Господствуетъ между суевѣрными еще предубѣжденіе, что кто хочетъ приобрести дешевою цѣною талисманъ, съ коимъ можно являться повсюду, и приобретать все, что пожелаетъ душа, въ такомъ случаѣ надобно, въ послѣднее воскресенье на масленицѣ, положить въ ротъ кусокъ сыра, во время полночи, и держать его три дня сряду, не вынимая изъ рта и не позволяя чертямъ дотрогиваться до него. Кто совершитъ этотъ подвигъ, тотъ счастливецъ въ мірѣ! Стоитъ ему пожелать, и все явится къ его услугамъ. Золото ли, красавицы, и все, что вздумаетъ, все будетъ въ его власти. По народнымъ преданіямъ извѣстно, что самые удалые козакъ пробовали достигнуть этого сверхъ-естественнаго счастья, но и имъ это не удавалось. Многіе увѣряютъ, что для успѣха въ томъ, впередъ надобно продать душу чорту, но козакъ, правдивая душа, не полѣзетъ въ адъ прежде другихъ.

Есть въ Россіи мѣстами обыкновеніе, что въ послѣдній день, прощаясь другъ съ другомъ, ходять просить отпущенія грѣховъ у своихъ священниковъ, и потомъ отправляются къ могиламъ родныхъ и знакомыхъ. Въ семействахъ не прежде ложатся спать, какъ примирившись другъ съ другомъ: дѣти испрашиваютъ прощеніе у родителей, а слуги у господъ. Самые господа не только не считаютъ за стыдъ, испросить прощеніе у своихъ слугъ, но даже виѣняютъ это въ священный долгъ. Такой обычай повсемѣстенъ въ Россіи. Въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни разводить огня, ни зажигать свѣтъ.

Пословица, — не все коту масленица, — произошла отъ того, что послѣ масленицы наступаетъ постъ, а съ нимъ виѣстѣ строго воздержная жизнь. Съ перваго дня поста, многіе не пьютъ даже воды, пока не отслушаютъ утрени, не пьютъ чаю и не ѣдятъ, не отслушавъ часовъ. Первые три дня, ничего не варятъ: ѣдятъ одно сухое, соленые огурцы, грибы, квашеную капусту, хрѣнь да рѣдьку, и пр. и пр. Съ четверга варятъ изъ овощей кушанье безъ постнаго масла.—Въ рѣзкую противоположность примѣрному пощенію вообще, къ сожалѣнію, можно представить людей, которые, въ теченіе всей первой недѣли, не пе-

рестаютъ ходить другъ къ другу, прощаться. Ничего не жаль для дружка! и какъ не порадоваться ему? Ну, похмылился, братъ, авось не пройдетъ ли головная боль. Послѣ первыхъ рюмокъ, друзья говорятъ: довольно. Надобно же выполоскать всякую дрянь! Друзья подумавъ, не ломая головы, признаютъ это весьма здоровымъ и даютъ себѣ слово только полоскать ротъ, не болѣе. Они полощутъ ротъ и удивляются, чтобы это такое? ротъ моется усердно, а дрянь не вышлевывается!—Когда порядочно наполоскаются, тогда, взявшись дружески рука за руку, и поддерживая одинъ другаго, идутъ къ своимъ знакомымъ тоже полоскать ротъ. Тамъ полосканье превращается въ круговую попойку, и продолжается почти всю первую недѣлю поста. Не одни мужчины, но и женщины соревнуютъ имъ. Таковое постыдное обыкновеніе не прежде можетъ быть истреблено, какъ съ запрещеніемъ продажи водки по питейнымъ домамъ, хотя на время великопостныхъ дней.

По окончаніи масляницы, народъ стекается толпами въ бани, какъ бы для смытія съ себя всѣхъ нечистотъ. Тогда парятся болѣе обыкновеннаго; бани натапливаются жарче прежняго, и во время парки кричатъ: *поддай пару послѣ масляницы!* — Выпарившись хо-

*Банное
проводы.*

рошанько, требуютъ воды и ѣдутъ за здоровьемъ масленицы. — Это дѣлается для того, чтобы выпроводить честную масленицу изъ бани.

Первый поедѣльникъ великаго поста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется чистымъ поедѣльникомъ. Тогда, во многихъ городахъ, ноутру собираются кучами ребятшки, идутъ толпою къ дому каждаго хозяина съ ухватями, кочергами, помелами, сновородами, и кричатъ: «мы масленицу прокатали; святые вечера проиграли; мы рожественъ постъ проиграли. Свѣтъ наша масленица, дорогая! гдѣ ты ночь почевала? Подъ кустомъ на дорожкѣ. Ъкали екоморошки, вырѣзали по прутичку, сдѣлали по гудочку, и вы, гудушки, не гудите, и вы масленицу не будите».

Въ Литвѣ, во время масленицы запрягаютъ необъязжанныхъ лошадей въ сани, и думаютъ, что объязжанные въ это время, бываютъ крѣпкія, здоровыя и не подвергаются никакому дурному глазу.

ПОГРѢШНОСТИ

КЪ VII Ч. В. Р. Ж.

Стран. въ содержаніи	Строка.	Напечатано.	Надобно читать.
5	42	Карпато-россогъ	Карпато-россогъ
7	25	и Юуля	или Юуля
—	15	Мирѣи	Миеры
49	49	праздникомъ.—	праздникомъ,—
24	21	привѣтствуютъ	привѣтствуютъ:
27	24	уходить	уходить
28	8	slota	zlota
28	49	ясель	ясель
29	44	A tyazki	A lyszki
—	23	Za sta	Za sto
30	44	Dogodzitbym	Dogodzilbym
34	4	черомъ	вечеромъ
48	27	Спинау	Свинку
49	22	взлзаетъ	взлзаетъ
56	20	олябушки	оладушки
60	27	Шейкурскомъ	Шенкурскомъ
68	27	знову	знову
70	6	прочнудся	прочнудся
80	2	шккова	шовкова
82	2	кавбаски	кивбаски
89	9	переряжалась	переряживалась
96	13	вѣнцѣносного	вѣнценоснаго
—	28	водоосвященіи	водоосвященіемъ;
99	15	Russischen oder Mos- kowitischen	Russischen oder Mos- kowitischen
—	18	Moskowitischen	Moskowitischen
—	18	in dem Jahr	In dem Jahr
102	15	колѣнопреклоніемъ	колѣнопреклонені- емъ
103	18	мѣвнѣи	мѣвнѣи,
—	24	у Поляковъ, рокъ	у Поляковъ рокъ,
126	20	выказывается	высказывается

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Нѣдобно читать.</i>
128	22	Крыловна	Краровна
129	26	die alt. Staro	die alt. Slawo.
129	28	Gesfch der Weuden	Gesfichte der Weuden
134	9	исконн	искоин
135	14	молодыя вызывались	молодыя женщины на- зывались
139	19	мать говоря	мать, говори
142	1	красавицъ пока	красавицъ, пока
143	6	горничныхъ нѣско- лько	горничныхъ, нѣско- лько
155	11	одинакой	одинокой
160	28	одавишееся	вдавишееся
167	1	и осмотрѣли	и осмотрѣли
175	9	въ рукахъ	въ рукавъ
181	4	молодежь	модежь
200	27	(цѣлуется)	(цѣлуются)
216	19	онъ	онъ
—	20	онъ	онъ
—	21	частыя	Частыя
237	25	Рюгелъ	Рюгенъ
241	17	такъ	тамъ
262	22	на подающихъ	на падающихъ
263	23	веники	вѣники
273	6	и Голицынъ	о Голицынъ
274	28	не обращался бы	не обращался бы
284	18	молодые молодушки	могоды молодушки
—	19	яблочки-то яливыя	яблочки-то яливыя
—	19	то молодыя деверья- шки	то молодыя деверья- шки
295	17	ревели	ревели
302	3	вѣнцомъ	вѣнцомъ
—	18	седламъ	седламъ
310	18	Заппафт	Заппафт
313	12	вареники	вареники
324	11	journée felle	journée folle
343	11	на этомъ	за это

